

Ассоциация «Российская политическая энциклопедия»
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем
Центр политической и экономической истории России

В.В.ШЕЛОХАЕВ

Либеральная модель переустройства России

Москва

РОССПЭН

1996

Шелохаев В.В.

- Ш 42 Либеральная модель переустройства России. — М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. — 280 с.

В книге впервые в отечественной и зарубежной историографии дан системный анализ либеральной модели общественного переустройства России XX века. Рассмотрены проблемы формирования гражданского общества и правового государства; проекты создания рациональной рыночной экономики, окончательного решения национальных и социальных вопросов; раскрываются сущность и приоритеты национальных интересов России; показаны пути реализации либеральной программы.

Книга рассчитана на широкие круги историков, политологов, экономистов, преподавателей ВУЗов и студентов.

ББК 66.01

Текст публикуется в авторской редакции

ISBN 5-86004-054-7

© "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996.
© Шелохаев В.В., 1996.

*Посвящаю моей маме
Полянской Лидии Петровне и
моему сыну Станиславу*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уходящий XX век обогнал все предшествующие столетия по числу как опробированных на практике, так и нереализованных моделей общественного переустройства. «Эпидемия» к прогнозированию будущего и переустройству настоящего отражала и отражает состояние тотального кризиса во всех без исключения сферах жизнедеятельности, с которым пришлось столкнуться человечеству в процессе перехода к современному обществу. Попытки интеллектуалов найти оптимальный выход из системного кризиса, чреватого социальными катастрофами и обусловило появление множества разноректорных и разноориентированных моделей общественного прогресса.

Особенно трудно модернизация шла в странах переходного типа, где процесс трансформации традиционных структур в современные реализовывался крайне болезненно и даже катастрофично. К числу таких стран относилась и пореформенная Россия, исторические особенности развития которой придали процессу модернизации специфические черты. В контексте поисков выхода из системного кризиса, в котором оказалась Россия в начале XX века, можно выделить три основных направления: традиционалистское, либеральное и социалистическое. В рамках этих трех ведущих направлений общественной мысли российские интеллектуалы и разрабатывали различные модели переустройства страны, вели поиск путей их реализации.

Процесс формирования этих трех направлений проходил в условиях предельно острой конфронтационно-

сти, что, естественно, не могло наложить своего отпечатка как на содержательную сторону теоретических моделей, так и особенно на предлагаемые пути их реализации. «Направленческий» характер развития общественной мысли в России во многом предопределил и «герметичность» моделей общественного переустройства, оказал негативное влияние на выработку синтетической общенациональной идеи (модели), на поиск путей к общенациональному примирению.

В условиях предельно острой конфронтационности в невыгодном положении оказываются, как правило, промежуточные направления. В данном случае речь идет о либеральной модели переустройства России и либеральных путях и механизмах ее реализации. В либеральной модели в наиболее сублимированном и теоретически проработанном виде была отражена ведущая тенденция мирового общественного развития на ближайшую историческую перспективу, были намечены (с учетом предшествовавшего исторического опыта) наиболее оптимальные, а самое главное, ненасильственные, парламентские пути ее реализации. Вместе с тем хорошо также известно, что либеральная модель в России оказалась нереализованной, блокированной в ходе борьбы как справа, так и слева с использованием старых традиционных насильственных методов.

Казалось бы, что нереализованные модели общественного переустройства не должны и заслуживать исследовательского внимания. Однако это далеко не так, ибо нереализованное в одних исторических условиях, вполне может быть востребовано в других. Поэтому обращение к изучению теоретических концепций и программтики русских либералов представляет не только академический интерес, ибо их вклад в развитие общественной мысли начала XX века уже сам по себе самоценен и уникален, но не исключено, что они могут быть востребованы на практическом уровне. В этой связи хотелось бы обратить внимание на ряд моментов: во-первых, русский либерализм нового типа синтезировал в себе все предшествующие стадии либерализма — интеллектуальную, экономическую, поли-

тическую, социальную и демократическую; во-вторых, русским либералам удалось синтезировать западноевропейские идеи с русскими национальными идеями и в результате создать плюралистическую модель общественного прогресса применительно к историческим реалиям начала XX века; в-третьих, русским либералам удалось теоретически наметить варианты согласования интересов различных классов и социальных страт через законодательные механизмы и переговорный процесс.

В предлагаемой читателю книге автор, учитывая достижения отечественной и зарубежной историографии, ставит задачу раскрыть две основных проблемы: во-первых, содержательную сторону либеральной модели переустройства России, увязывая при этом систему идей с программатикой, и, во-вторых, показать выработку путей и механизмов, предлагаемых либералами для реализации своей модели. Постановка этих двух проблем логически предполагает осознание и учет автором целого комплекса вопросов, представляющих методологический каркас исследования.

Следует иметь в виду, что в отличие от процесса формирования западного либерализма, который, как известно, растянулся на целый ряд столетий, становление русского либерализма осуществилось в сравнительно короткие исторические сроки. Если на Западе либерализм последовательно прошел ряд стадий (интеллектуальную, экономическую, политическую, демократическую и социальную), которые так или иначе были синхронизированы с состоянием исторической среды, то в России наблюдался процесс «сжатия» стадийальных периодов, а точнее синтез этих стадий, без достаточной синхронизации их с состоянием исторической среды. Западный либерализм, интеллектуально подготовивший процесс дальнейшей модернизации общества, на последующих стадиях развивался в адекватной среде. Русский же либерализм формировался в условиях авторитарного режима и синтезировал все стадии своего развития на теоретическом уровне.

Русские либералы-интеллектуалы начала XX века предприняли попытку синтезировать прежде всего на теоретическом уровне, новейшие западноевропейские

и русские идеи общественного переустройства, рассчитывая тем самым преодолеть направленческие традиции, укоренившиеся в России. При разработке собственной модели они «вбирали» все то, что представлялось им нужным из самых различных (нередко диаметрально противоположных) научных школ, направлений и течений западной и отечественной общественной мысли. Подобного рода «всеядность» как раз и свидетельствовала о стремлении представителей русских либералов новой генерации перейти от направленчества к созданию открытых моделей общественного переустройства при участии представителей самых различных научных концепций и школ. Недаром в новом либерализме уживались сторонники идей «естественного права» и «народного суверенитета», представители социологической и юридической школ, марксисты и традиционалисты, неонародники и неославянофилы и т.д. По существу это был первый опыт синтеза различных направлений общественной мысли, первый шаг к созданию модели общественного переустройства России, основанной на общечеловеческих, гуманитарных ценностях.

Как известно, либеральные теоретики нового типа отдавали приоритет эволюционным формам общественного развития, выступали против сознательной подготовки насильственных социальных переворотов. «Понятие социальной революции, как теоретическое понятие, — писал П.Б.Струве, — не только лишено значения и бесцельно, но прямо-таки ложно. Если «социальная революция» должна обозначать полный переворот социального порядка, то она не может быть в наше время мыслима иначе, как в форме продолжительного непрерывного процесса социальных преобразований»¹. Вместе с тем было бы принципиально неверным считать либеральных теоретиков нового типа тотальными противниками идеи революции вообще. Дело в том, что либеральные теоретики нового типа расчленяли понятие «революция» на революцию социальную, которая ими в принципе отвергалась, и рево-

люцию политическую, возможность которой (а в ряде случаев и ее необходимость) ими признавалась. «Мы, — писал П.Н.Милюков, — за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию непрерывной»². Политическая революция, считали они, правомерна постольку, поскольку она берет на себя решение тех объективно назревших исторических задач, которые, в силу тех или иных причин, не в состоянии решить (или не хочет решать) существующая власть. Либералы нового типа признавали «верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего ныне политического строя»³. Они не отрицали, что политическая революция представляет собой переворот «в условиях жизни и приемах мысли, переворот в материальных отношениях, идеях и стремлениях целого народа»⁴. По их мнению, политическая революция представляет собой «всякий переход к конституционному порядку», первый акт, после которого должно начаться эволюционное преобразование всей системы экономических и социальных отношений.

Таким образом, революция в понимании либеральных теоретиков нового типа сводилась к политическому освобождению России от авторитарного режима и замене его правовым государством. Переход от одной, отжившей формы государственного правления к другой, более современной форме, по их мнению, представлял собой вполне закономерное явление, вытекающее из естественных условий исторического развития, всестороннего усложнения экономической, социальной, политической духовной жизни страны. Вопрос для либеральных теоретиков был в другом, достаточно ли скоро авторитарный режим осознает необходимость политических преобразований? Успеют ли «верхи» модернизировать государственный строй прежде, чем «низы» взорут его насильственными, плебейскими методами?

Представляя борьбу против авторитарного режима как борьбу, в первую очередь, против произвола бюрократии, которую на протяжении ряда десятилетий вела русская интеллигенция, либералы нового типа считали, что стоит «срезать» бюрократический «на-рост» со здорового тела государственного организма, уничтожить так называемое «средостение» между властью и народом, как в стране установится конституционно-парламентарный строй. Однако сложность ситуации была в том, что сам по себе авторитарный режим и стоящие за ним силы не хотели уступать новым веяниям жизни, добровольно отдавать власть новым политическим силам. Перед либералами стояла дилемма: либо продолжать ждать политических преобразований «сверху», либо же способствовать насильственному свержению старой, отжившей власти «снизу». Первый вариант был, конечно, предпочтительней и либералы даже считали, что политическую революцию «сверху» (по существу крупную политическую реформу), сопровождаемую известным улучшением материального положения масс, «всегда желательно ускорить и дать ей дорогу, потому что это значит — дать дорогу естественному течению жизни». Однако либералы нового типа не отрицали и возможность, а в некоторых крайних случаях (при фатальной неуступчивости старой власти) и полезности революции «снизу», подчеркивая, однако, при этом, что она должна носить мирный характер и выражаться в подготовке общественного мнения, не доходя по возможности до насильственного свержения режима. Насильственной революции, указывали они, следует избегать, и «предотвратить ее — задача политического искусства»⁵.

Не желая оставаться пассивными зрителями в острой политической борьбе того времени, русские либералы объявили себя сторонниками мирной революции, рассматривая ее как один из методов борьбы против авторитаризма. В этой связи Милюков прямо указывал, что «революция есть метод, способ борьбы, а не цель сама по себе»⁶. Подготовка политической революции должна была выразиться в идейной подготовке со-

знания нации, которое должно было противопоставлено материальной силе авторитарного режима. Основная мысль либералов при этом заключалась в том, чтобы доказать обществу и власти одну простую истину, а именно, что так больше жить нельзя, что авторитарный режим должен рано или поздно уступить свое место правовому государству. Именно в этом либералы видели спасение страны от насильственной революции и гражданской войны.

Однако либералы понимали, что «раскачка» общественного сознания может привести к двоякому результату: либо уступке власти, т.к. «против духовного восстания населения всякое правительство по существу бессильно», либо же к насильственному столкновению между «цепляющейся за свою власть самодержавной бюрократией» и восставшим народом. Насильственный путь свержения авторитарного режима, по мнению либералов, «выгоден лишь прислужникам самодержавия, опирающимся на организованную, грубую физическую силу»⁷. Вооруженное восстание неспособно само по себе победить технические силы государства, считали либералы, а его подавление, а следовательно, и реставрация старых порядков неминуемы, а если это так, то силы прогресса будут побеждены силами реакции, а это в конечном счете оттянет на длительное время политическое преобразование страны. Опираясь на этот аргумент, либералы в принципе выступали против планомерной подготовки вооруженного восстания, заявляя, что они не верят «в ту техническую, бунтарскую революцию, которую надо подготавливать разными мерами организационного характера»⁸. В то же время они считали, что «вооруженное восстание может быть оправдано только тогда, когда оно возникло стихийно», ибо «стихийный взрыв народного гнева, заставляющий народ внезапно взяться за оружие, обыкновенно даже бывает чрезвычайно полезен революции, а именно благодаря тому, что он облегчает армии и особенно офицерству отказ от применения вооруженной силы и оправдывает их переход на сторону народа»⁹. Мысль либералов в данном случае

проста: отрицать потенциальной возможности стихийного взрыва народного негодования невозможно, с этим приходится считаться и даже мириться, важно лишь не приучать массы к мысли «решать государственные вопросы силой оружия»¹⁰.

Либералы новой генерации предпочитали, чтобы «революция» прежде всего произошла в общественном сознании, что уже само по себе являлось важнейшей предпосылкой для осознания необходимости перемен. Отдавая предпочтение мирным парламентским методам борьбы с авторитарным режимом, русские либералы долгое время сохраняли иллюзию, что монарх в интересах страны (да и в собственных) должен рано или поздно пойти на политические реформы. По их мнению, русскому обществу и монархии целесообразней было бы «сговориться» и совместными усилиями разработать и принять конституцию, которая станет тем базовым документом, на основании которого в России мирным путем будет сформировано правовое государство. Однако жизнь распорядилась иначе: монарх не шел на «сговор», а общество уже больше не хотело ждать. Стихийный взрыв народного гнева в февральские дни 1917 года смел авторитарный режим и с этим либералы вынуждены были примириться, признав февральскую революцию в качестве общенациональной революции.

Крайне важным для понимания содержательной стороны либеральной модели общественного переустройства является также положение о том, что дальнейший общественный прогресс в России возможен на основе, намеченных в их программе политических преобразований, а также на базе данной системы капиталистических отношений. Имевшие место разногласия между направлениями и течениями в русском либерализме сводились к различному пониманию теми и другими места, роли и потенциальных возможностей тех сил, которые в большей или меньшей степени были заинтересованы в модернизации страны. Так, представители правого крыла русского либерализма — октябристы были убеждены в том, что дворянство и крупная

буржуазия в равной степени заинтересованы в дальнейшей мирной модернизации всей системы общественных отношений в России. Причем эта модернизация, по их мнению, должна была протекать медленными темпами, не затрагивая при этом экономической основы господства тех слоев крупных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, которые являлись социальной опорой октябризма и примыкающих к нему родственных политических течений.

Иной точки зрения придерживались прогрессисты, считавшие, что «между аграриями и промышленниками союза быть не может», что «дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить»¹¹. Обращаясь к опыту борьбы между дворянством и буржуазией за политическое господство в западноевропейских странах, идеологии прогрессизма подчеркивали, что «вся история доказывает одно. Как только наметилась противоположность интересов между классом землевладельцев и классом торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь землевладельцев». На основании этих общесоциологических рассуждений ими делался вывод о том, что одной из главных задач «всех прогрессивных групп русского общества» является борьба с «аграриями и аграрной идеологией»¹², т.е. против авторитарного режима и сил его поддерживавших.

Намного сложнее была позиция либералов нового типа — кадетов. По логике вещей из либеральной концепции о исторической закономерности капитализма на ближайшую историческую перспективу вытекал вывод о ведущей роли буржуазии в политической и экономической жизни страны. Однако эта теоретическая посылка явно противоречила реальному положению вещей, ибо основная масса крупной российской буржуазии настолько срослась с авторитарным режимом и была консервативной, не разделяла ни политических, ни тем более социальных идей либерализма нового типа. В ходе поисков из данного противоречия идеологи нового либерализма сконструировали собст-

венную модель общественного прогресса в России. В основу этой модели была положена идея о государстве как главном орудии общественного прогресса, которая логически вытекала из их концепции исторического развития России.

Теоретики либерализма нового типа были убеждены в том, что логика капиталистического развития неизбежно ведет к вытеснению нерациональной «системы хозяйственной организации» крупного дворянского землевладения, а это в свою очередь должно привести к превращению большинства помещиков в политически реакционную силу, тормоз для общественного прогресса. Вместе с тем они скептически относились к потенциальным возможностям и крупной российской торгово-промышленной буржуазии, которая характеризовалась ими как малокультурная и политически неразвитая. На основании подобного рода рассуждений делался общий вывод о том, что ни подавляющее большинство дворянского класса, ни подавляющее большинство крупной торгово-промышленной буржуазии, находящихся в экономической зависимости от казны и связанные тесными узами с помещичьим землевладением, объективно не могут выступать в роли движущих сил общественного прогресса. Такой ведущей силой общественного прогресса в России, по мнению либералов нового типа, является помимо «внеклассового» государства, «бессловная» интеллигенция, кровно заинтересованная в модернизации страны. Эта концепция была положена в основу либерализма нового типа и всецело разделялась идеологами кадетизма.

Русский либерализм начала XX века продолжал оставаться сложносоставным явлением. Еще на рубеже двух веков в русском либерализме возникает и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Если же лапидарно определить основную суть и направление процессов, происходивших в то время в русском либерализме, то можно сказать следующее. Это была смена одной мировоззренческой системы другой, более соответствующей западноевропейским понятиям о гражданском обществе

и правовом государстве. Это была смена одной генерации либералов другой. Либералы новой генерации открыто заговорили о необходимости капиталистической модернизации России. На рубеже двух веков прослеживается в рамках общей эволюции либерализма тенденция к его демократизации и расширению социальной базы, к радикальным изменениям в области идеологии и программы, политики и тактики. Появление нового течения в русском либерализме еще не говорило о том, что дворянские (земские) либералы были готовы сразу же, без боя, уступить ему свое место. В это переходное время либерализм как целое продолжал оставаться аморфным. В нем вплоть до 1917 года присутствовали элементы сотрудничества и элементы борьбы и соперничества, причем по мере углубления политического кризиса последние все более выдвигались на первый план.

В книге впервые предпринимается попытка системного анализа либеральной модели, т.е. рассматриваются все ее структурные звенья: общая система идей, политическая доктрина, экономическая, социальная и внешнеполитическая программа. При этом автор отмечает то общее и особенное, что было характерно для либерализма в целом и для его отдельных направлений и течений. Подобный подход позволяет проследить ведущие тенденции в развитии либеральной теоретической концепции, осмыслить сущностное содержание программ различных либеральных партий.

Исследовательского внимания заслуживает анализ либеральных представлений о путях и механизмах реализации их модели общественного переустройства России. Выдвинутые либералами идеи о приоритете представительных органов власти, о необходимости компромисса между разнородными социальными и политическими силами весьма актуальны и сегодня.

* * *

Глава первая

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Модернизация любой политической системы является одной из наиболее сложных, ибо она всегда затрагивает самые «болевые точки», господствующих политических элит, и следовательно, стоящих за ними социальных сил. Это общая посылка реализуется особо остро и предельно напряженно в странах переходного типа, переживающих системный кризис, где власть и стоящие за ней силы, вынужденные идти на реформы, стремятся сохранить (удержать) за собой максимум властных функций и собственности. Если же учесть, что подобного рода перестройка в странах переходного типа осуществляется, как правило, при отсутствии сформировавшегося гражданского общества, то этот процесс вполне может вырваться из-под контроля властных структур, стать неуправляемым и привести к непредсказуемым последствиям. Подобного рода ситуация сложилась в России в начале XX века, когда авторитарный режим, начавший с большим опозданием собственную перестройку, оказался не способным ни последовательно и честно довести ее до логического конца (в законодательном порядке реализовать данные им 17 октября 1905 года обещания), ни противостоять претензиям многочисленных политических партий. Упустив сорок с лишним лет назад инициативу и вполне реальную возможность мирной трансформации в конституционную монархию, авторитарный режим решился на этот шаг в экстремальной ситуации, когда в

недрах российского общества были разработаны разновекторные модели политического переустройства России, а их носители приступили к активному поиску электората для оказания и мирного, и насильственного давления на власть, которая (хотела она того или нет) вынуждена была с этим считаться. Политические преобразования, начатые авторитарным режимом в нестабильной обстановке, способствовали еще большему «раскачиванию лодки», втягиванию в этот процесс не только интеллектуальных элит, но и масс, которые имели реальную возможность делать выбор между различными моделями, предлагаемыми, а нередко и навязываемыми, политическими партиями.

Среди разновекторных моделей политического переустройства России определенное место принадлежало либеральной модели, разработанной в начале XX века группой теоретиков-интеллектуалов и получившей отражение в программах ряда либеральных партий. Опираясь на теоретические изыскания зарубежных и отечественных обществоведов, опыт западноевропейских демократических стран, русские либералы-интеллектуалы сконструировали альтернативную авторитарному режиму рационалистическую модель новой политической системы, основанной на идеях разделения властей, всестороннего обеспечения прав личности, учете национальных традиций и политической расстановки сил.

Первым шагом в деле выработки политической программы русского либерализма явилась статья «От русских конституционалистов», опубликованная в первом номере журнала «Освобождение» в 1902 году. В ней выдвигалась идея создания бессословного народного представительства в виде «постоянно действующего и ежегодно созываемого всерховного учреждения с правами высшего контроля, законодательства и утверждения бюджета»¹. Созданию этого представительства должны были предшествовать следующие мероприятия: монарх «односторонним актом» дарует политические свободы и гражданские права, отменяет «все ныне действующие административные правила», объявляет

амнистию по политическим преступлениям и созывает «учредительный орган» из представителей реорганизованного земского и городского самоуправления для выработки конституции. По мнению автора статьи, это был единственный законный способ преобразования страны в конституционную монархию мирным путем при современных условиях социального и культурного строя. «Во всяком случае, — писал П.Н.Милюков, а он и был автором программной статьи, — такой путь вернее и лучше, чем тот «скачок в неизвестное», который представляла бы всякая попытка выбора *ad hoc* под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев»².

В программной статье был выдвинут целый ряд других требований политического характера: свобода личности, веры и совести, гарантированные независимым судом; отмена произвольных арестов и обысков, административной ссылки, чрезвычайных судов; равенство всех перед законом независимо от национальности и вероисповедания; свобода печати и отмена цензуры; право издавать периодические издания явочным порядком; свобода собраний и союзов; право петиций³. Это были требования общедемократического характера, разделяемые представителями всех течений и направлений в русском либерализме.

Программная статья П.Н.Милюкова явилась пробным камнем, который должен был выявить реакцию русского общества на требование замены авторитарного режима конституционным строем с законодательным народным представительством. Следует иметь в виду, что в это время в России по существу еще только шел процесс усвоения конституционных теорий и эскизно намечались варианты их возможного использования на русской почве. В условиях авторитаризма даже термин «конституция» применялся в русской легальной печати и юридической литературе лишь к западноевропейским странам с парламентским режимом. Для России же требование конституции, по крайней мере открыто, почти не выставлялось. Поэтому либе-

ралы, сгруппировавшиеся вокруг заграничного журнала «Освобождение», ставили перед собой задачу внедрить в общественное сознание требование установления в России конституционного строя.

Среди либералов-интеллектуалов имелись приверженцы самых различных научных школ (сторонники естественного права и народного суверенитета, сторонники социологического и юридического направлений, традиционалисты, придерживавшиеся идеи «царю власть — народу мнение» и т.д.). Поэтому разработчики либеральной модели политического переустройства России вынуждены были учитывать это многообразие точек зрения и пытаться сконструировать из них нечто общее, что могло бы объединить либеральную оппозицию.

В свою очередь, это с логической неизбежностью вело к острейшим дискуссиям и разногласиям в либеральной среде, а в конечном счете, появлению (уже в программном выражении) не одной, а нескольких субмоделей политического реформирования России.

Среди русских либералов имели место серьезные теоретические расхождения по целому ряду проблем: о типе конституционного режима (парламентарная монархия, конституционная монархия, республика), о структуре народного представительства (одно- или двухпалатное), и его функциях (законодательное или законосовещательное), о способе созыва Учредительного собрания («сверху» или «снизу»), о его компетенции и сроках функционирования, о избирательной системе (мажоритарная или пропорциональная) и объеме представления избирателям прав и т.п. Именно этим и можно объяснить широту и вместе с тем неопределенность (и даже сознательную недоговоренность) политических требований, сформулированных в программной статье Милюкова. Она как бы эскизно намечала желательный путь политических преобразований и приглашала представителей различных направлений и течений в либерализме к их совместному обсуждению.

В течение сравнительно долгого времени группой лиц, принадлежавших к Союзу освобождения

(Н.Ф.Ансенский, И.В.Гессен, В.М.Гессен, Ф.Ф.Кокошкин, П.И.Новгородцев, С.А.Котляревский, И.И.Петрункович и Г.И.Шрейдер), разрабатывался проект конституции, который неоднократно обсуждался в освободительной и земской среде. В группу разработчиков входили представители разных научных школ, которым удалось создать весьма компромиссный вариант, который, в конечном счете, так и не удовлетворил представителей различных направлений в либерализме.

В предисловии к проекту конституции (опубликован в Париже в октябре 1904 года) его авторы указывали, что он «основан на всковом опыте Западной Европы» и приспособлен к нуждам России в настоящий момент. Согласно проекту, государственное устройство России представлялось в форме конституционной монархии. «Верховная власть Российской империи, гласил первый параграф проекта, — осуществляется императором при участии Государственной думы, состоящей из двух палат: палаты народных представителей и земской палаты, наделенных равными правами»⁴. Авторы проекта оставляли в руках императора значительную законодательную и исполнительную власть. Монарх мог наложить veto на любой законопроект, издавать в пределах существующей конституции указы, сохранял за собой руководство вооруженными силами, назначал и смещал высших чиновников, объявлял войну и заключал мирные и торговые договоры с другими государствами, созывал и распускал Думу.

Наряду с монархом в законодательстве должно было участвовать двухпалатное народное представительство. Авторы проекта видели для России «в двухпалатной системе одну из главных гарантий действительного усвоения начал политической свободы»⁵. В пользу второй палаты ими выдвигались следующие аргументы: 1) вторая палата должна была, подобно американскому сенату, представлять самостоятельные интересы различных частей империи, защищая их от централистских стремлений исполнительной власти; 2) она должна была исправлять поспешные решения первой па-

латы, принятые под влиянием политических страстей; 3) передача власти представительному собранию может привести к режиму «якобинской централизации» и будет мешать развитию демократии и свободы⁶.

Верхняя (Земская) палата избиралась путем двухстепенных выборов и состояла из представителей земского и городского самоуправления, избранных в свою очередь на основе всеобщего избирательного права. Единственным ограничением при этом был ценз оседлости (лицо, которому предоставлялись избирательные права, должно было прожить в данном уезде или городе в течение одного года).

Палата народных представителей избиралась на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайным голосованием. По мнению авторов проекта, «основывать конституционный строй на принципе неравенства, с устранением огромной массы населения от участия в выборах, это значит с самого начала сделать его шатким и непрочным, открыть новую эру борьбы за равенство и справедливость»⁷. Участвовать в выборах и быть избранными могли граждане мужского пола, достигшие совершеннолетия (21 год), кроме: 1) лиц, состоящих на действительной военной службе; 2) чинов уездной и городской полиции; 3) лиц, состоящих под опекой; 4) лишенных или ограниченных в правах по суду или находящихся под судом и следствием.

Исполнительная власть по проекту должна была находиться в руках Совета Министров. Причем министры могли назначаться императором как из членов Государственной Думы, так и из числа прочих граждан. Составители проекта особо подчеркивали, что «Ограничение круга лиц, из числа которых могут назначаться министры, членами парламента, нежелательно, особенно в стране, бедной политическим опытом и специальными познаниями»⁸. Министры были ответственны перед Думой за общий ход государственного управления. Авторы проекта подчеркивали, что «лишь при установлении такой ответственности возможно обуздание бюрократического произвола, который так легко заражает всякого человека, вкусившего власти»⁹. Ни

один указ монарха по управлению государством не мог иметь силы, если он не был скреплен подписью министра, который тем самым принимал на себя ответственность за него. За нарушение законов министры подлежали гражданской и уголовной ответственности на общих со всеми гражданами основаниях. Для наблюдения за исполнением конституции и для разрешения споров об ее истолковании создавался Верховный Суд.

В проекте конституции были провозглашены основные права личности, аналогичные тем, о которых шла речь в программной статье Милюкова. Составители проекта выработали также детальный избирательный закон (распределение округов, порядок и срок выборов, избирательные списки и т.д.).

Для практической реализации проекта авторы настаивали на созыве Учредительного собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Однако вопрос о том, «при каких условиях совершится порядок избрания в Учредительное собрание», в проекте оставался открытым. Все это, — указывали авторы, — зависит от временного стечения обстоятельств и не поддается юридическим определениям»¹⁰. Подобный финал проекта конституции свидетельствовал о том, что либералы, не желая связывать себя в дальнейших действиях, допускали двоякую возможность созыва Учредительного собрания: либо его может созвать сам царь, либо оно будет созвано самим народом, если он одержит победу над самодержавно-бюрократическим режимом.

Как и следовало ожидать, проект конституции был подвергнут резкой критике и справа, и слева. Если сторонники концепции «царю — власть, народу — мнение» увидели в требовании законодательного народного представительства и в лозунге всеобщего избирательного права разрыв с национальными традициями и введение в стране чуждого ее духу парламентского режима, то сторонники «народного суверенитета», однопалатного представительства и созыва Учредительного собрания «снизу» считали, что проект недостаточно полно и последовательно уничтожает феодальные пе-

режитки в области государственного устройства и управления, не доводит принципы демократизма и свободы до их логического конца. Даже те из либералов-интеллигентов, которые в принципе соглашались с сохранением в ближайшей исторической перспективе монарха, настаивали на значительном ограничении его власти, следуя при этом английскому принципу — «король царствует, но не управляет». Либералы-интеллигенты, имея в своих рядах довольно значительное число сторонников республиканского образа правления, настаивали на однопалатной системе народного представительства, всеобщем избирательном праве в широком смысле, т.е. включая в круг избирателей и женщин, были противниками всякого рода сословных выборов, выступали за отмену любых цензов.

Однако представители различных направлений и течений в русском либерализме в тот период еще не представляли на стороне каких сил окажется перевес в ходе борьбы за политическое освобождение России и какая точка зрения будет положена в основу будущей политической системы. Поэтому все эти вопросы продолжали оставаться открытыми и дискуссионными. Учитывая альтернативную возможность исхода борьбы за освобождение страны от авторитарного режима, либералы осознавали, что тем дальше самодержавие оттягивает политические реформы, тем радикальнее будут становиться требования. Еще накануне революции 1905-1907 годов либералы освобожденческого толка пришли к выводу, что частичные уступки, которые может сделать режим, едва ли уже в состоянии предотвратить революционный взрыв. По их мнению, если будет дана «маленькая конституция», которая могла бы удовлетворить либералов в середине XIX века, то она с логической неизбежностью спровоцирует усиление политической борьбы, что, в случае упорства режима, приведет к «большой революции»¹¹. Поэтому, чтобы ее не допустить, нужна только «радикальная и широкая политическая реформа, все политическое освобождение целиком»¹². Неслучайно, в это время земцы-конституционалисты совместно с освобожденцами

предпринимают попытки простимулировать общественное мнение и направить органы местного самоуправления на путь «открытого заявления конституционных требований»¹³. Речь шла о том, чтобы побудить земский съезд, созыв которого планировался на ноябрь 1904 года, принять разработанную земцами-конституционалистами и освобожденцами политическую программу. Это позволило бы показать авторитарному режиму, что требование конституции является не только «бессмысленными мечтаниями» интеллектуалов, а кличем лояльного земства, выразителя нужд всей «благomyслящей России».

Уже в ходе предварительного обсуждения программных документов съезда намечился раскол между сторонниками концепции «царю власть — народу мнение» и, следовательно, противниками законодательного ограничения самодержавия, и конституционалистами, настаивавшими на законодательном народном представительстве. Этот раскол до съезда удалось предотвратить лишь обещанием уступок со стороны конституционалистов представителям «народной монархии», которые согласились изложить пункт о необходимости введения народного представительства в менее определенной форме и в двух редакциях. По существу на съезде столкнулось два течения: «одно, требующее определенного правового обоснования взаимоотношений власти и народа, течение конституционное, другое, отрицающее необходимость такой правовой регламентации, допускающее возможность регулировать эти отношения нравственным моментом доверия и благожелательности, течение славянофильское»¹⁴.

Внесенная на ноябрьский съезд земских деятелей политическая программа, названная Милюковым «петицией прав», подверглась резкой критике со стороны славянофильских элементов (меньшинство съезда), которые выступили против предоставления законодательных прав народному представительству, считая, что русскому народу «чуждо стремление к народовластью и в нем сильна привязанность к идее самодержавия, в которой он хочет видеть выражение соборной со-

вести народа и к которой он питает доверие и любовь»¹⁵. Единственное, что допускали представители этого течения — это создание законосовещательного учреждения, избираемого из представителей земского и городского самоуправления. Для сторонников «народной монархии» это был максимум политических притязаний и в то же время максимум уступок представителям конституционных течений в либерализме.

Подобная точка зрения была подвергнута критике земцами-конституционалистами, которые прекрасно понимали, что законосовещательное представительство не может удовлетворить уже даже цензового общества, не говоря уже о более демократических его элементах. «Существующий порядок, — говорил Ф.И.Родичев, — пригоден лишь для патриархального быта, в котором нет места праву. Если вы хотите прав, то вы должны хотеть и гарантий. Гарантии эти не в участии народа в законодательстве, а в осуществлении законодательной власти, в распоряжении финансами, в контроле за министрами»¹⁶. Чтобы избежать раскола со сторонниками «идеального самодержавия», готовыми к любой момент протянуть руку помощи правительству, конституционалисты пошли на уступку и пункт о народном представительстве был изложен в двух редакциях. Большинство (71 голос) требовало законодательного представительства. Меньшинство (27 голосов) — законосовещательного. Как отмечал позднее лидер меньшинства Д.Н.Шипов, разногласия по этому важному вопросу носили принципиальный характер. Фактически на съезде наметилась значительная трещина среди земских либералов, которая в апреле 1905 года привела к расколу между славянофилами и конституционалистами. И хотя надежды либеральных интеллигентов на то, что земцы открыто провозгласят требование конституции не оправдалось (большинство съезда выступило против введения термина «конституция» в резолюцию), тем не менее конституционный характер их никто не отрицал. Несмотря на существующие разногласия съезд был единодушен в том, чтобы «новый порядок был сразу дан Верховной властью»¹⁷ без пред-

варительного созыва Учредительного собрания, ибо народ еще не дорос до всеобщего избирательного права. В этом проявилось стремление либералов добиться конституции мирным путем, что, в свою очередь, позволяло надеяться на предотвращение разного рода революционных эксцессов.

Несмотря на всю ограниченность и недоговоренность решения земского ноябрьского съезда явились существенным показателем нараставшего недовольства авторитарным режимом в широких общественных кругах. Если большинство председателей губернских земских собраний, как отмечает земский деятель Р.Ю.Будберг, были поражены «радикализмом ноябрьских постановлений», то земские собрания в целом присоединились к решениям съезда¹⁸. Съезд оказал влияние и на городское самоуправление, заставив либеральных гласных городских дум перейти к политическим требованиям.

В условиях роста всеобщего недовольства и озлобления, усилившихся в связи с поражениями армии в русско-японской войне, правительство вынуждено было искать компромисса с либеральной оппозицией. Такой уступкой со стороны власти обществу и явился правительственный указ 12 декабря 1904 года, который в известной мере шел навстречу либеральным требованиям и как бы легализовал обсуждение вопроса реформирования государственного управления. Вместе с тем указ очерчивал довольно узкий круг допустимых преобразований, отвергая при этом «конституционные домогательства» земских деятелей. И чтобы в этом смысле не было никаких кривотолков, в тот же день было опубликовано правительственное сообщение, в котором запрещалось земским и городским учреждениям касаться вопросов о политических реформах в области внутреннего управления. С одной стороны, либералы хотели видеть (и видели) в указе 12 декабря начало так долго ожидаемого ими поворота правительства на путь преобразований режима, «полный разрыв со всей политикой последних десятилетий», а с другой, — указ не оставлял никаких надежд относительно

удовлетворения их основного требования — созыва законодательного народного представительства. Либералы понимали, что правительство не хочет идти им навстречу, кидается из стороны в сторону, тем самым еще больше усугубляя и без того критическое положение. Попытки либеральной оппозиции путем реформ «сверху» ввести в стране конституционное правление оказались безуспешными. Начавшаяся в стране революция заставила их занять более определенную и решительную позицию в отношении правящего режима.

Встав, по выражению П.Б.Струве, «на почву революции», либералы попытались «втиснуть» ее в законные рамки и направить в мирное русло. Вынужденные отказаться от ожидания «эпохи великих реформ» «сверху», либералы совершили тактическую переориентировку: от попытки убедить царя дать реформы «сверху» к попытке убедить массы, раз уж революция началась, в возможность ее мирного исхода. Чтобы не оказаться изолированными, либералы начинают конкретизировать и политически заострять свои лозунги. При этом большинство земцев-конституционалистов приходит к идее созыва однопалатного Учредительного собрания, которое избиралось бы в городах на основе равного и прямого избирательного права, а в сельской местности — путем двухстепенных выборов (решения февральского и апрельского земских съездов 1905 года). Либералы-интеллигенты настаивали на лозунге созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, которое должно было разработать российскую конституцию, а также принять пакет неотложных социальных реформ. Одновременно в интеллигентских либеральных кругах активно дебатировался вопрос о возможной замене монархического строя республиканским. На определенный период в либеральной среде перевес получили сторонники народного суверенитета, оттеснив на задний план либералов-монархистов.

В условиях нарастания массового движения правительство вынуждено было сделать еще один шаг в сторону обновления самодержавно-бюрократического

строю. 18 февраля 1905 года был опубликован ряд документов («Именной Высочайший указ Сенату», «Высочайший манифест» и «Высочайший рескрипт» на имя министра внутренних дел А.Г.Булыгина), в которых правительство, указывая на необходимость привлечения «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений», рассчитывало внести раскол в либеральное оппозиционное движение. По существу правительственные акты в той или иной мере отвечали на запросы самой умеренной части либералов — сторонников законосовещательного народного представительства и одновременно противников какого-либо ограничения самодержавной власти.

В либеральных кругах новый шаг власти был встречен неоднозначно. Некоторые либералы, в том числе и сторонники законодательного народного представительства, расценили акты 18 февраля как «начало новой эры в нашей государственной жизни»¹⁹, считая, что «отныне самый принцип участия народа в законодательной власти из области «беспочвенных мечтаний» перешел в реальную действительность»²⁰. Среди представителей земского и городского самоуправления либерального толка обнаружили и такие, кто изъявлял готовность «с провозглашением нового лозунга содействовать замирению взбаламученного моря народного»²¹. Единственным их требованием оставалось привлечение к участию в совещании при министре внутренних дел общественных деятелей от земств, городов и некоторых высших учебных заведений. Даже земцы-конституционалисты, выступившие в это время за созыв Учредительного собрания при условии двухстепенных выборов, тоже соглашались пожертвовать принципом всеобщего избирательного права во имя сотрудничества с правительством в булыгинской комиссии. Однако либералы-интеллигенты и незначительная часть земцев-конституционалистов прекрасно понимали, что остановить революцию минимальными уступками невозможно и продолжали требовать созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избира-

тельного права. Более того, они уже допускали возможность его созыва «снизу», рассчитывая, что Учредительное собрание примет конституцию и неотложные реформы, позволив тем самым избежать кровопролития в стране. В программе, принятой на третьем съезде Союза освобождения, акцент был сделан на том, что «народ должен взять разрешение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступающими против существующего режима»²². В программе появились новые требования: отмена паспортной системы и отделение церкви от государства; упразднение института земских начальников и волостных судов; предоставление широкого областного самоуправления Польше, Литве, Малороссии и Закавказью; признание прав, народностей, входивших в состав России, на культурное самоопределение. Несколько был расширен пункт о местном самоуправлении: по всей стране предполагалось создать на основе всеобщего избирательного права «облеченное широкими правами, действительно независимое самоуправление (сельское, участковое, уездное, городское и губернское), которому должны быть предоставлены все отрасли местного благоустройства, в том числе и полиция»²³.

Если учесть, что в это время освобожденцы начали форсировать создание единой либеральной партии, то станет понятно, почему они, как и в первой своей программной статье 1902 года, решили не детализировать свою мартовскую программу 1905 года, ибо считал Струве «было бы грубой политической ошибкой из-за таких разногласий, как разногласие по вопросу о двух палатах, допустить разделение конституционно-демократических элементов на две партийные группы»²⁴. Во имя создания «гибкой и в то же время прочной организации» либералы-интеллигенты считали целесообразным акцентировать внимание на теоретических расхождениях, существующих между ними и земцами-конституционалистами по вопросам устройства народного представительства, созыва Учредительного собрания и его компетенции, избирательной сис-

темы и т.д. Вместе с тем интеллигенты настаивали на необходимости окончательно размежеваться со славянофильскими элементами и занять более твердую позицию в программных и тактических вопросах. Под воздействием интеллигентов земцы-конституционалисты решили созвать общеземский съезд и для выявления отношения земской среды к всеобщему избирательному праву и форме народного представительства.

При составлении доклада, к намеченному на апрель 1905 года съезду, вновь вспыхнули разногласия между сторонниками и противниками законодательного народного представительства. В апреле 1905 года шиповцы опубликовали свою политическую программу, в которой продолжали отстаивать концепцию «власть царю — народу мнение», законосовещательное народное представительство, вновь высказались против всеобщего избирательного права. Однако их позиция не встретила поддержки ни в бюро, ни на самом съезде, ни в земской среде. Апрельский земский съезд большинством голосов высказался за законодательное народное представительство, избранное на основе всеобщего избирательного права и состоящее из двух палат. С поражением шиповцев с политической арены сходили сторонники законосовещательного народного представительства и противники всеобщего избирательного права. О необходимости политических реформ во весь голос заговорили представители городского самоуправления. Наметилась тенденция к их сближению с земцами-конституционалистами.

Апрельский земский съезд в какой-то степени смягчил, но разумеется, не снял теоретические разногласия между земцами-конституционалистами и освобожденческой интеллигенцией. После съезда, по словам Струве, наметилась тенденция к сотрудничеству между «земской конституционно-демократической группой и широкой массой русской демократической интеллигенции»²⁵. Вместе с тем можно говорить лишь о тактическом сближении, обусловленном обсуждением булыгинского проекта конституции.

Группой умеренных либералов-интеллектуалов (С.А.Муромцевым, Ф.Ф.Кокошкиным, Н.Н.Львовым, П.И.Новгородцевым, П.Н.Милюковым) был подготовлен проект конституции, в основу которого были положены идеи юридической школы, а именно принципы верховенства закона. В отличие от сторонников «естественного права» и «народного суверенитета», считавших, что воля большинства народа является основным источником власти, составители проекта конституции акцентировали внимание на необходимости выработки законодательных норм, обеспечивавших компромисс между властью и обществом, на расширение прав народного представительства и ответственности перед ним исполнительной власти. Авторы проекта не исключали (в отличие от радикальных петербургских освободителей) возможности издания царем октроированной конституции, что позволило бы, минуя этап созыва Учредительного собрания, сразу же перейти к законодательной деятельности народного представительства, избранного на основе всеобщего избирательного права. В проекте конституции проводилась идея «экономии» общественных сил, которые могли сразу же, без каких-либо промежуточных этапов, активно включиться в процесс законотворчества. Разумеется, что данный проект конституции, получивший название муромцевского, не мог удовлетворить сторонников «народного суверенитета», считавших, что только Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права, может и должно выразить истинную волю народа и тем самым реализовать демократические принципы.

Различные точки зрения по проблемам политического переустройства России, имевшие место в либеральной среде, вновь проявились в ходе обсуждения булыгинского проекта конституции. 6-8 июля 1905 года в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, на котором была обсуждена резолюция «Об отношении общественных деятелей к имевшему быть изданному закону о народном представительстве», предложенная организационным бюро, в котором основную

роль играли умеренные либералы. С одной стороны, в резолюции указывалось, что проектируемая правительством законосовещательная Дума не может быть признана настоящим народным представительством, ибо она уже неспособна вывести страну из «состояния анархии на путь правильного и мирного развития». С другой же стороны, в резолюции подчеркивалось, что проектируемая Дума все же может «служить точкой опоры для общественного движения, а если это так, то земские и городские представители должны принять участие в ее деятельности с одной только целью — добиться «введения настоящего народного представительства»²⁶.

Как и следовало ожидать, подобная эластичная резолюция не могла удовлетворить ни правых либералов, напуганных развитием революционных событий в стране и готовых в любой момент подать руку помощи правительству, ни левых либералов, настаивающих на необходимости бойкота законосовещательной Думы и доведения до логического конца демократических принципов при конструировании представительных и исполнительных органов власти. Умеренные либералы настаивали на принятии булыгинского проекта и в принципе изъявляли готовность принять участие как в выборах в законосовещательную Думу, так и первой стадии ее работы, но с одним условием — бойкота ее изнутри, если правительство не пойдет на дальнейшие уступки. «Бойкот, — говорил Ф.И.Родичев, — будет в том случае, если мы, войдя в Думу, первое постановление сделаем: «Мы уходим. Это не настоящее представительство, без которого вы все же уже не можете обойтись. Дайте нам настоящее. Это и будет настоящий бойкот»²⁷.

В виду возникших на съезде разногласий лидеры оппозиции настояли на том, чтобы отложить принятие определенного решения по вопросу о Думе до опубликования правительством закона о ее созыве. При этом либералы надеялись, что правительство учтет их пожелания при окончательной доработке проектируемой политической реформы. Чтобы правительство не со-

мневалось в лояльности либеральной оппозиции, организационное бюро внесло на обсуждение съезда муромцевский проект «Основного закона Российской империи», который и был принят подавляющим большинством делегатов. Принятие проекта конституции явилось важнейшим политическим актом, свидетельствующим о том, что либеральная оппозиция перешла от просьб и ранее ожидаемых инициативных действий по реформированию государственного строя со стороны правительства к навязыванию последнему своей собственной программы. При этом либералы понимали, что их программа без поддержки масс не может быть реализована. Поэтому они хотели привлечь массы на свою сторону, объединить их под своими лозунгами, показав тем самым правительству, что их программа является общенародным требованием.

Не случайно земский июльский съезд принял специальную резолюцию «О приобщении широких масс населения к работе по политическим вопросам». В ней отмечалось, что «неотложной задачей данной минуты для общественных деятелей является необходимым войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания для ее проведения свобод и для приготовления к выборам». Либералы предлагали привлечь к этой работе широкие круги населения через «действующие при земских управах советы, комиссии, попечительства и т.п., временные съезды, совещания, волостные и сельские сходки, товарищества мелкого кредита, ссудно-сберегательные товарищества, сельскохозяйственные общества и другие организации». Общественным деятелям рекомендовалось входить «в сношения и совместно работать со всеми видами профессиональных союзов, соприкасающихся с населением, содействовать объединению на политической основе самого населения». В резолюции высказывалась идея о привлечении населения к участию в обсуждении избирательной системы. Для этой цели рекомендовалось устраивать на местах комитеты, которые брали бы на себя ознакомление насе-

ления с техникой выборов, содействовали выработке «тех пожеланий, которые народ передаст своим будущим представителям в момент их выборов»²⁸. Съезд признал желательным содействовать распространению среди населения популярной литературы по конституционным вопросам, теории и практике избирательного права.

Июльский съезд земских и городских деятелей принял обширную программу практических действий среди масс, реализация которой должна была решить ряд проблем. Во-первых, заостряя свои политические требования, либералы хотели «выбить» почву из-под ног леворадикальных социалистических партий, не дать им возможность убедить массы в правильности своих концепций политического переустройства России и направить их силы на насильственное свержение авторитарного режима и установление демократической республики. Во-вторых, либералы рассчитывали подорвать в массах влияние бюрократического аппарата, не дать правительству использовать массы во время избирательной кампании в своих интересах. Либералы стремились к такой «раскачке» обывденного массового сознания, которая позволила бы убедить народ в желательности мирного преобразования государственного строя на основе проекта конституции, принятого июльским съездом земских и городских деятелей.

Развитие революционных событий летом 1905 года, проявившаяся в них тенденция перехода от мирных к насильственным формам борьбы против режима, вызвала тревогу среди либеральной оппозиции. Для правых и значительной части умеренных либералов все более предпочтительной становилась конституция, принятая не Учредительным собранием, которое могло оказаться в руках леворадикальных элементов, а октроированная, т.е. дарованная царем. Поэтому они все чаще стали заговаривать о необходимости согласится на выборы в проектируемую правительством законосоставительную Думу, продолжив уже изнутри борьбу за ее превращение в законодательное учреждение. Не случайно, что издание закона 6 августа о созыве зако-

носовещательной Думы и заключение 23 августа мира с Японией заставили либералов отказаться от оттягивания решения относительно булыгинской конституции и высказаться за участие в выборах. На сентябрьском съезде земских и городских деятелей нашелся только один делегат, который высказался за бойкот Думы, большинство же делегатов (172) проголосовало за участие в выборах в законосовещательную Думу.

Но если вопрос об участии в избирательной кампании был решен почти единодушно, то внесенная организационным бюро политическая программа, выработанная объединенной комиссией земцев-конституционалистов и освобожденцев, опять вызвала острую дискуссию. Большинство делегатов съезда настояло на двухпалатной системе народного представительства, а часть делегатов (36) вообще выступила против прямого избирательного права. Новая редакция политической программы была дополнена требованиями отменить навсегда смертную казнь и военное положение. Несколько расширен и пункт об амнистии. Однако наиболее важными были пункты «О правах национальностей и децентрализации управления и законодательства», в которых народностям, населяющим Российскую империю, предоставлялось уже не только право на культурное самоопределение, но и административная автономия. В принятой съездом резолюции подчеркивалось, что «Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям право культурного самоопределения, полную свободу употребления различных языков и наречий в общественной жизни и свободу собраний, союзов, учебных заведений и всякого рода учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности»²⁹. Либералы настаивали на широкой областной автономии и образовании местных представительных собраний, избранных на основе всеобщего избирательного права и обладающих правом участия в законодательной власти по вопросам местного значения. Одновременно подчеркивалась мысль о необходимости расширения круга деятельно-

сти местного самоуправления, которая должна была распространиться на всю область местного управления, включая и полицию. Органам местного самоуправления предоставлялось право издавать в пределах общегосударственных законов специальные постановления. Сентябрьский съезд принял воззвание к избирателям, в котором последние призывались принять участие в выборах в законосовещательную булыгинскую Думу и отдать свои голоса за достойных представителей либеральной оппозиции.

Однако надежды либералов использовать булыгинскую Думу как «ступеньку» к подлинному народному представительству вскоре рухнули. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года смела булыгинскую Думу и вынудила царя дать манифест 17 октября, в котором были дарованы политические и гражданские свободы и был обещан созыв законодательной Думы. Октябрьская победа 1905 года по разному была воспринята в различных общественно-политических кругах. Леворадикальные партии социалистического толка считали уступку царя не только недостаточной, но и преднамеренно лживой, рассчитанной на раскол освободительного движения. Вместе с тем они хотели воспользоваться слабостью центральных властей и нанести правительству последний и решающий удар, т.е. насильственными методами уничтожить авторитарный режим, создать Временное революционное правительство, осуществить «снизу» созыв Учредительного собрания и провозгласить создание республиканского строя. Подобного рода позиции в принципе разделялись и определенной частью либеральной интеллигенции освобожденческого толка, считавшей волю большинства народа основным источником власти и настаивавшей на провозглашение в России республиканского образа правления.

Гораздо сложнее и противоречивее была позиция правых и умеренных либеральных кругов, настаивавших на необходимости во чтобы то ни стало избежать вооруженных столкновений и, следовательно, гражданской войны в России. Большинство либералов счи-

тало, что с изданием манифеста 17 октября открылась вполне реальная возможность для соглашения власти и общества. Либералы расценивали манифест как конституционный акт, превращавший Россию в конституционную монархию, а Николая II — в конституционного монарха. «Впервые этим актом, — писал патриарх русского либерализма И.И.Петрункевич, — самодержавная власть отказалась от своей неограниченности, признала за народом право на участие в законодательной власти и провозгласила основы гражданской свободы»³⁰. Однако, несмотря на такую оценку манифеста, либералы не могли не признать, что он создал довольно-таки «странное» и «беспримерное» в истории положение. С одной стороны, указывал Струве, манифест «выбил» законную почву из-под ног революции, которая «актом 17 октября по существу и формально должна была завершиться»³¹, а с другой — он не дал ей реальной замены в форме законодательного народного представительства. Подчеркивая, что манифест сдвинул Россию с той мертвой точки, на которой ее остановил закон 6 августа 1905 года, либералы продолжали, однако, считать, что он все же «не представляет даже минимума уступок, так необходимых на сегодняшний день»³². Не случайно, что на проходившем 12-18 октября учредительном съезде кадетской партии была принята специальная резолюция с оценкой манифеста. «Основные принципы политической свободы, равноправности и всеобщего избирательного права, выставленные на своем знамени русским освободительным движением, — говорилось в резолюции, — получили в опубликованном документе далеко не полное признание... Осуществление признанных манифестом начал новой политической жизни поставлено в такие условия, при которых не может быть никакой уверенности в полноте и последовательности этого осуществления. Расширение законодательных прав Думы сделано в таких выражениях, которые все еще допускают возможность ограничения их несогласием Государственного совета. Действия усиленной охраны и других исключительных законов не отменяется манифестом»³³.

Неопределенность политической ситуации в стране не могла не сказаться на формулировках политической программы, принятой на учредительном съезде кадетской партии. Центральный ее пункт о форме государственного правления в России был изложен неопределенно. «Государственное устройство Российского государства — определяется Основным законом»³⁴. Из данного пункта программы было неясно, какая форма власти (республика, парламентарная монархия, конституционная монархия) предпочтительней для формирующейся либеральной партии. Дело в том, что руководство кадетов, учитывавшее наличие разногласий внутри оппозиции по вопросам политического устройства России, не хотело обострять ситуацию, надеялось примирить на неопределенной формулировке и сторонников республиканского, и конституционно-монархического образа правления. И надо сказать, что ему это удалось сделать, ибо и ту, и другую сторону в данной политической ситуации удовлетворяла именно такая неопределенная формулировка, которую в условиях стабилизации можно было трактовать по разному. Однако, согласившись с такой формулировкой основного пункта своей политической программы, кадетское руководство достаточно определенно заявило, что требование республики находится «вне пределов практической политики». В оправдание своего отрицательного отношения к республике, кадетские лидеры выставляли единственный тезис о том, что массы, особенно крестьянство, по своей природе являются монархистами, а если это так, то требование республики не только не будет ими поддержано, но, в случае положительного решения этого вопроса, массы сами восстановят монархию, что приведет к реставрации самодержавия в его еще более худшей форме и затруднит борьбу за установление политической и гражданской свободы. Но была и еще одна немаловажная причина, о которой кадетские лидеры не любили говорить публично. Дело в том, что они в душе не переставали надеяться, что царь рано или поздно сам пойдет на введение конституционного режима мирным путем, тогда как демокра-

тическая республика могла стать реальностью лишь в результате насильственного свержения авторитарного режима.

Во имя сохранения единства партийных рядов, кадетские лидеры решили допустить свободу мнений и по другим пунктам политической программы. Так, остался открытым вопрос о структуре народного представительства, причем отмечалось, что партия допускает в своей среде различные мнения по вопросу об организации народного представительства «в виде одной или двух палат»³⁵. Однако, судя по контексту принятой на учредительном съезде программы, кадетское руководство все же имело в виду однопалатное законодательное представительство, избранное на основе всеобщего избирательного права, без различия вероисповедания, национальности и пола. В его функции входило установление росписи доходов и расходов (ежегодно), контроля за законностью действий высшей и низшей администрации, санкционирование всех постановлений, указов, распоряжений верховной власти и т. п. Депутаты наделялись правом законодательной инициативы и правом привлечения министров к судебной и гражданской ответственности за нарушение ими конституционных норм³⁶. Открытым на съезде остался вопрос о распространении политических прав на женщин: для меньшинства партии выполнение этого пункта программы признавалось не обязательным. В остальных разделах кадетская программа в основном повторяла соответствующие пункты программы освободителей.

Кадеты считали, что реализация их программы возможна при условии установления в стране парламентарного строя и принятия Учредительным собранием конституции. Однако требование созыва Учредительного собрания они внесли не в сам текст программы, а в специальную резолюцию. «Задачей конституционно-демократической партии, — говорилось в ней, — остается достижение поставленной раньше цели — Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием без различия пола, национальности и вероисповеда-

ния»³⁷. При этом значительная часть кадетов считала, что наиболее вероятным из всех существующих вариантов созыва Учредительного собрания (созвать его мог царь, временное революционное правительство и Дума) являлся именно последний.

По мнению кадетов, Дума должна была добиться принятия избирательного закона, немедленно осуществить обещанные манифестом 17 октября основные права граждан, отменить исключительные законы, удалить из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование, составить впредь до созыва Учредительного собрания временный деловой кабинет из представителей думского большинства. Более того, уже в этот период правые кадеты типа В.А.Маклакова и П.Б.Струве готовы были вообще отказаться от лозунга созыва Учредительного собрания и считали, что лучше сразу перейти к нормальному законодательному представительству, минуя промежуточный этап деятельности Учредительного собрания. Однако в данной политической ситуации их мнение не получило поддержки большинства партии. Чтобы как-то примирить различные точки зрения, руководство партии, учитывая альтернативность исхода революции, предложило компромиссное постановление, которое и было принято съездом. «Конституционно-демократическая партия, — говорилось в постановлении, — представляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и власти, чтобы предупредить возможное столкновение, но удасться ли ей это или нет, она наперед отождествляет себя с народными требованиями и кладет на весы народного освобождения все свое сочувствие, всю свою нравственную силу и окажет ему всяческую поддержку»³⁸.

Приняв на учредительном съезде своей партии широкорезолюционные резолюции, кадетское руководство активно включилось в переговорный процесс с главой правительства С.Ю.Витте. Исходя из положения, что после 17 октября 1905 года Россия стала конституционной страной, а царь конституционным монархом,

кадеты делали вывод, что манифест является вполне достаточной платформой для поиска приемлемого соглашения либеральной оппозиции с монархом и формирования нового конституционного правительства. «Элементы этого правительства, — писал Струве, — созданы в стране всем предшествующим общественно-политическим движением. Есть две группы, которая каждая в отдельности и обе совместно, т.е. коалиционным путем, могли и должны были после 17 октября составить первое русское конституционное правительство. Это группы — большинство и меньшинство земского съезда»³⁹. Это конституционное правительство должно было: 1) немедленно приступить к реализации программы, изложенной в манифесте 17 октября; 2) отменить все исключительные законы; 3) издать избирательный закон для созыва Учредительного собрания, которое должно было выработать и принять конституцию; 4) удалить из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное недовольство, и создать временный «деловой кабинет», полномочия которого должны были истечь к моменту созыва законодательного народного представительства и создания правительства из парламентского большинства; 5) немедленно провести полную амнистию по политическим и религиозным преступлениям⁴⁰. Кадеты рассчитывали, что «деловой кабинет» будет создан «сверху» по инициативе царя и будет состоять главным образом из либеральных общественных деятелей и либеральных представителей царской бюрократии.

Ориентация на реформы «сверху» с логической неизбежностью приводила к тому, что малейшие попытки со стороны власти вступить в переговоры с либеральной оппозицией воспринимались последней как важный политический симптом, свидетельствующий о желании власти пойти навстречу требованиям общества. Поэтому не случайно, когда С.Ю.Витте при формировании коалиционного кабинета изъявил желание привлечь в его состав ряд видных общественных деятелей, лидеры либеральной оппозиции выразили готов-

ность вступить в переговоры с новым премьер-министром.

19 октября 1905 года начались переговоры С.Ю.Витте с Д.Н.Шиповым, ставшим, по меткому определению прессы, после издания манифеста 17 октября конституционалистом поневоле. Во время этих переговоров Шипов посоветовал Витте привлечь в правительство представителей различных общественных кругов и прежде всего тех общественных деятелей, которые входили в состав бюро земских и городских съездов и придерживались кадетской ориентации. По мнению Шипова, «для создания атмосферы доверия» общественным деятелям кадетского направления следовало бы предложить посты министров: внутренних дел, юстиции, земледелия народного просвещения, торговли и промышленности. Воспользовавшись советом Шипова, Витте отправил телеграмму председателю бюро земских и городских съездов Ф.А.Головину с просьбой прислать в Петербург своих представителей для «взаимного обмена мыслей». В состав делегации вошли Ф.А.Головин, Ф.Ф.Кокошкин и князь Г.Е.Львов.

Во время беседы с кадетской делегацией, состоящейся 21 октября 1905 года, Витте просил о поддержке правительства со стороны либерального общества. В принципе не отвергая просьбу Витте, делегация тем не менее посчитала, что прежде чем оказать такую поддержку, правительство должно немедленно выполнить следующие условия: 1) осуществить в полном объеме обещания манифеста 17 октября; 2) созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для выработки конституции; 3) дать политическую амнистию. «Все эти реформы, — заявили члены делегации, — неизбежны, и лучше дать их сразу, чем идти к ним болезненным путем через видоизмененную Государственную думу»⁴¹.

Выдвигая эти требования, делегация ставила перед собой вполне определенную цель: выяснить готовность правительства выполнить свои обещания и дальше идти по пути политических реформ. Однако беседа с Вит-

те разочаровала кадетов: Витте дал понять делегации, что их требования являются неприемлемыми для правительства. Во-первых, потому, что правительство вообще считает преждевременным введение всеобщего избирательного права и тем более созыва Учредительного собрания. Во-вторых, на полную политическую амнистию никогда не согласится царь⁴². После такого разъяснения кадетская делегация вынуждена была прервать переговоры.

Вскоре прошел второй тур переговоров Витте с более умеренными либеральными деятелями (Д.Н.Шипов, А.И.Гучков, М.А.Стахович, князь Е.Н.Трубецкой) о создании конституционного кабинета. Однако и эти общественные деятели вынуждены были признать несерьезность намерений премьер-министра и прервали с ним переговоры. Кроме этих, скажем официальных, переговоров имели место несколько личных встреч членов ЦК кадетов с Витте. Ночью 23 октября премьер-министра посетили И.В.Гессен и Л.И.Петражицкий, которые дали ему понять, что Дума может превратиться в Учредительное собрание, и советовали до ее созыва опубликовать октроированную конституцию, т.е. намекали на то, что кадетское руководство готово «сбавить с цены» и отказаться от требования созыва Учредительного собрания, на котором два дня назад настаивала кадетская делегация. Витте попросил Гессена и Петражицкого, являвшихся крупными специалистами в области государственного права, составить для него проект октроированной конституции.

В это же время состоялась встреча Витте с лидером кадетской партии П.Н.Милюковым. Во время приватной беседы Милюков рекомендовал Витте, не дожидаясь итогов переговоров с общественными деятелями, самому сформировать «деловой кабинет» из «серьезных и не дискредитированных в общественном мнении товарищей министров или иных членов администрации». Этот кабинет должен был немедленно приступить к реализации обещаний манифеста 17 октября, опубликовать октроированную конституцию типа болгарской или бельгийской, но обязательно основанную

на всеобщем избирательном праве. Проект такой конституции, заявил Милюков, уже разработан и опубликован земскими съездами. Речь шла о проекте «муромцевской конституции».

Издание октроированной конституции, по мнению Милюкова, позволило бы избежать созыва Учредительного собрания, ибо такой путь «чреват боковыми толчками и катастрофами» и является неприемлемым, с одной стороны, для правительства, а с другой — весьма опасным и непредсказуемым для либеральной оппозиции⁴³. Иными словами, Милюков, высказывавшийся несколько дней назад на учредительном съезде партии за обязательность созыва Учредительного собрания, намекал Витте, что это требование не является для кадетов принципиальным и при известных уступках со стороны правительства они готовы от него отказаться. Вместе с тем лидер кадетов, «прошупывая» Витте, настаивал на том, чтобы тот, хотя бы устно или письменно, произнес слово «конституция». Однако Витте прямо заявил, что никакой речи о конституции даже октроированной быть не может, ибо царь этого не хочет. Беседа с Витте лишний раз убедила Милюкова в том, что между обещаниями царского манифеста и конкретными практическими шагами правительства лежит пропасть. Милюков понимал, что в сложившейся ситуации, когда в развитие политического процесса было достигнуто некое «равновесие сил», заключение соглашения с режимом на предлагаемых им условиях не только преждевременно, но и чревато тяжелыми последствиями для либеральной оппозиции.

Обострение политической борьбы в стране после издания манифеста 17 октября вызвали смятение в рядах либеральной оппозиции. Либералы вынуждены были отказаться от «симуляции революции» чем они, по словам Милюкова, занимались до 17 октября, и сделать выбор: либо продолжать раскачивать «лодку» вместе с леворадикальными социалистическими партиями, либо сосредоточить свои усилия на убеждение власти выполнить, данные в манифесте обещания, и на собственной законотворческой деятельности в Государ-

ственной думе. Надо сказать, что сделать такой выбор либеральной оппозиции оказалось весьма трудно. Издание манифеста привело не к консолидации сил либеральной оппозиции, а к ее расколу на ряд политических партий, которые сразу же вступили в конкурентную борьбу друг с другом. После издания манифеста 17 октября наряду с кадетской партией начался процесс формирования другой либеральной партии — октябристов, костяк которой составили умеренные общественные деятели земского и городского самоуправления. Ее основатели заявили, что в основу политической программы будет положен манифест 17 октября и что их партия будет выступать против созыва Учредительного собрания, прямого избирательного права, за немедленный созыв Думы и за неделимость России⁴⁴.

Центральное место в программе октябристов занимал вопрос о характере и структуре государственной власти в России. «Российская империя, — говорилось в первом параграфе программы, — есть наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель Верховной власти, ограничен постановлениями основных законов»⁴⁵. В отличие от кадетов, являвшихся сторонниками парламентарного строя, октябристы провозгласили себя сторонниками наследственной конституционной монархии, которая, по их мнению, наиболее отвечает историческим традициям и соборной совести русского народа. «У конституционной и парламентской монархии, — писал один из видных октябристов профессор В.И.Герье, — разные носители правительственной власти — король или парламент. Парламентарные монархии ведут свое начало от революций: в конституционных монархиях конституция исходит от законной традиционной власти. Поэтому в конституционных монархиях власть монарха не подорвана, а ограничена учреждениями, введенными данной конституцией и представляемыми в ней этим учреждениям полномочиями. В конституционных монархиях конституция вытекает из королевской власти... Конституционная монархия отличается от парламентской тем, что последняя — владычество партий, пер-

вая же есть — правительство, стоящее над партиями. Поэтому конституционная монархия, ограничивая и смягчая монархический принцип, сохраняет и вместе с тем преимущества, присущие монархическому образу правления»⁴⁶. По мнению октябристов, Россия после добровольно дарованного, а не насильственно вырванного революцией манифеста 17 октября, стала конституционной монархией.

Октябристы считали, что после 17 октября монархическое начало в России получило «новую историческую миссию величайшей важности», а сам конституционный монарх приобрел «новую мощь и новую высокую задачу быть верховным вождем своего народа». Акцентируя внимание на внесклассовом и надпартийном характере монархии, октябристы считали, что она «именно при настоящих условиях призвана осуществить свое предназначение — явится умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы»⁴⁷.

Согласно октябристской программе, монарх должен был принимать активное участие в осуществлении как законодательной, так и исполнительной власти. «Монарх, — подчеркивал В.М.Петрово-Соловово, — должен не только царствовать, но и управлять государством при посредстве ответственных перед государственной палатой, но им свободно назначаемых министров и на основании твердых законов, выработанных палатой и ими утвержденных»⁴⁸. Без санкции монарха не мог вступать в действие или быть отменен ни один закон, не могли быть внесены в него какие-либо изменения или дополнения. Назначая и смещая министров по своему усмотрению, монарх осуществлял через них управление страной. Характерно, что октябристы считали необходимым сохранить за конституционным монархом и титул «самодержец». По образному выражению В.М.Петрово-Соловово, для октябристов монархия представляла «первый член...политического символа веры»⁴⁹.

Октябристы считали, что совместно с монархом в осуществлении законодательной власти должно участвовать двухпалатное народное представительство. Государственная дума (нижняя палата) должна была избираться на основе всеобщего избирательного права, но не по полной формуле, а с исключением прямого голосования. Прямые выборы допускались лишь в городах, имевших отдельное представительство в Думе. В других местах выборы были двухстепенными. Кроме того, октябристы ограничивали круг избирателей. Ими могли быть лишь граждане мужского пола, достигшие 25-летнего возраста и имевшие ценз оседлости, который равнялся одному году. Вторая палата (Государственный совет) представляла собой узкоцензовый орган, избираемый земскими и городскими самоуправлениями. Вместе с тем обе палаты имели равные права в решении всех без исключения вопросов, в том числе и утверждения бюджета.

В специальном разделе программы были изложены требования в области гражданских прав. В нем декларировалось: равенство всех российских граждан без различия пола, национальности и вероисповедания; свобода совести, слова, печати, собраний и союзов; неприкосновенность личности и жилища; свобода передвижения и выезда за границу; отмена паспортной системы; свобода приобретения собственности и распоряжения ею; право петиций. «Все вышеназванные права граждан, — говорилось в программе, — должны быть введены в основной закон Российской империи и обеспечены судебной защитой»⁵⁰. Эти требования полностью совпадали с программными установками других либеральных партий.

Как видно, в рамках общей теоретической либеральной модели политического переустройства России возникли две субмодели-кадетская и октябристская. Их разграничение после издания манифеста 17 октября 1905 года свидетельствовало о серьезных расхождениях в либеральной среде, по разному оценивавшей перспективы политического преобразования России и возможности взаимодействия с властью. Эти расхожде-

ния достаточно определенно проявились на ноябрьском земско-городском съезде, в котором активное участие приняли видные члены уже сформировавшейся кадетской партии и формирующейся партии октябристов. Центральным вопросом съезда был вопрос об отношении к политике правительства Витте, который из кулуарного обсуждения перешел в общественно-политическую плоскость. Октябристы предлагали прямо и решительно высказаться за безусловную поддержку правительства. «Когда вспыхнул пожар, — говорил октябрист А.О.Немировский, — его надо тушить, не раздумывая долго над средствами. Не время заниматься оценкой деятельности графа Витте. Важно его положение, а не его личность. Нужно знать, что ему придется вести войну на два фронта — и против реакции, и против крайних партий. Ему нужна поддержка со стороны общества, и мы должны дать ему эту поддержку»⁵¹.

В отличие от октябристов, позиция кадетов в отношении правительства была менее определена. Правые кадеты высказались на съезде за вотум доверия Витте, связывая, однако, его с выполнением им обещаний манифеста 17 октября. Эта позиция предельно четко была сформулирована в выступлении члена ЦК кадетской партии Ф.И.Родичева. «В таком практическом вопросе, — говорил он, — следует держаться правила, завещенного старой итальянской школой: «Сделайте Италию хотя бы в союзе с чертом». Наша обязанность идти на помощь правительству, но требовать, чтобы дело велось народом, а не бюрократией... Если графу Витте нужна опора общества, то дать ее без условий мы не можем. Эти условия — бесповоротное отделение правительства от реакции, поддержка в осуществлении закона 17 октября. Когда закон будет дан, наша обязанность — содействовать правительству и поставить для него людей»⁵².

Со своей стороны правые кадеты во имя соглашения с правительством предлагали отказаться от некоторых программных лозунгов, отвергнутых Витте во время приема кадетской делегации в октябре 1905 года.

Прежде всего они настаивали на том, что следует отказаться от лозунга созыва Учредительного собрания. По свидетельству А.И.Чупрова, на съезде «по вопросу об Учредительном собрании отрицательно высказались некоторые члены кадетской партии в виду того, что социал-демократами придается определенное толкование Учредительного собрания, они требовали изменения его названия». Более того, «некоторые видные члены кадетской партии высказались против прямой подачи голосов»⁵³.

В свою очередь левое крыло земско-городского съезда советовало не торопиться с оказанием вотума доверия правительству Витте и не отказываться от лозунга Учредительного собрания. Левые кадеты предлагали использовать этот лозунг в интересах недопущения насильственного переворота и перевода революции на мирный путь развития. Они советовали заключить соглашение с леворадикальными социалистическими партиями, рассчитывая таким путем отговорить от готовящегося ими вооруженного восстания. Однако точка зрения левых кадетов не была принята в расчет руководящими органами съезда, которые придерживались более умеренной позиции.

От бюро съезда земских и городских деятелей Милюков огласил резолюцию, в которой подчеркивалось, что съезд выражает «свою полную солидарность с положенными в основании манифеста конституционными началами и считает их немедленное осуществление и полное развитие необходимым условием истинного умиротворения страны». Съезд выразил уверенность, что правительство Витте может рассчитывать на поддержку со стороны земских и городских деятелей при условии, если оно будет проводить «конституционные начала манифеста правильно и последовательно», в противном случае правительство встретит «в земских и городских сферах решительное противодействие». Залогом обеспечения авторитета власти и народного представительства «съезд считает немедленное издание акта о применении к созыву народных представителей всеобщей, прямой и тайной подачи голосов и

формальную передачу первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения государя, конституции Российской империи для переустройства на демократических началах земского и городского самоуправления и для проведения всех мер, необходимых при установлении нового порядка»⁵⁴.

До созыва Думы правительство должно было в целях успокоения страны провести следующие мероприятия: 1) осуществить в законодательных формах основные начала манифеста 17 октября, отменить все исключительные законы, военное положение в Польше и других местах; 2) устранить от должности и привлечь к ответственности представителей администрации и полиции за нарушение ими манифеста; 3) создать временные правила, расширяющие права земств и городов по охране общественной безопасности; 4) объявить полную амнистию по политическим и религиозным преступлениям, отменить смертную казнь»⁵⁵.

Предложенная бюро съезда программа была принята большинством голосов (204 против 23). Земско-городской съезд отказался от лозунга созыва Учредительного собрания (против проголосовало 137 делегатов, за — 80), несколько лет фигурировавшего на политическом знамени русского либерализма, передав его функции (выработку конституции) Государственной думе. Предоставление учредительных функций Думе, по словам Милюкова, сводило роль Учредительного собрания к «обычной нормальной сессии законодательного собрания». Позднее Милюков вынужден был признать, что это решение съезда шло навстречу «сложившемуся положению, как бы облегчая тем возможность сговора с властью». Ближайшим предметом разногласий с правительством «оставалось приминение к первым и единственным выборам всеобщего избирательного права». Выбрасывать данный программный пункт руководящее ядро земских и городских съездов все же не решилось. Остальные решения съезда, по словам Милюкова, не противоречили «собственному взгляду правительства»⁵⁶.

Для передачи Витте выработанных съездом решений была избрана специальная делегация, в которую вошли члены ЦК кадетской партии С.А.Муромцев, И.И.Петрункевич и Ф.Ф.Кокошкин. Несмотря на то, что условия сделки с правительством, предложенные съездом, были значительно смягчены по сравнению с требованиями, которые около трех недель тому назад кадетская делегация предъявляла тому же Витте, последний отказался даже от приема делегации, заявив при этом, что он больше не нуждается в поддержке либеральной общественности. В этой связи характерно признание Милюкова: если до октября 1905 года в своих уступках запаздывало правительство, то после октября в своих уступках правительству стали запаздывать либералы⁵⁷.

В самый разгар московского вооруженного восстания царизм издал 11 декабря новый избирательный закон, который, как известно, не был основан на всеобщем избирательном праве, на котором настаивали либералы. поэтому они выступили с критикой этого закона, считая, что правительство совершило новую политическую ошибку, но вместе с тем соглашались принять и использовать его для борьбы за «лучший состав народного представительства». ЦК кадетов принял решение приблизить свою политическую программу «к реальным условиям легальной борьбы в парламенте»⁵⁸. Однако внутри партии не было единства мнений по вопросу о компетенции Государственной думы, созываемой по закону 11 декабря. Левые кадеты и часть центра считали, что Дума должна ограничиться выработкой закона о всеобщем избирательном праве и уступить свое место Учредительному собранию. Правые кадеты и большинство ЦК рассчитывали расширить сферу деятельности первой Думы, соглашаясь в этих целях и на органическую работу в ней.

В связи с изменением политической ситуации в стране после подавления правительством очагов вооруженных восстаний и с существующими в партии разногласиями по ряду важнейших программных и тактических вопросов ЦК кадетов решил созвать новый

съезд, на котором вновь обсудить программу партии и особенно ее дискуссионные пункты. На II съезде партии, проходившем в Петербурге с 5 по 11 января 1906 года, незначительное меньшинство делегатов (23), выступивших за расшифровку 13 пункта программы в республиканском духе, встретили со стороны большинства «чрезвычайно решительные и веские возражения». «Требованием республики, — заявил И.Бодуен де Куртене, — мы вели бы народ на путь военной диктатуры, на путь гибели. Мы должны руководствоваться соображениями разума. Мы требуем монархического образа правления»⁵⁹. В связи с настоятельными требованиями большинства местных партийных комитетов ЦК предложил изложить 13 пункт программы в следующей редакции: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией. Государственное устройство определяется основным законом»⁶⁰. Изменение этого пункта программы, по свидетельству Милюкова, окончательно вычеркивало из задач партии борьбу за демократическую республику⁶¹. Формулировка программы о государственном устройстве России, принятая в январе 1906 года, оставалась неизменной до марта 1917 года.

На съезде развернулась дискуссия о правах монарха, о структуре народного представительства, о компетенции Думы, созываемой по избирательному закону 11 декабря 1905 года, о созыве Учредительного собрания. Видные кадетские юристы В.М.Гессен, Ф.Ф.Кошкин, С.А.Муромцев, С.А.Котляревский, П.И.Новгородцев считали, что монарх должен обладать равными правами с народным представительством. Он мог наложить вето на любой законопроект, сохранял за собой руководство вооруженными силами, назначал и смещал высших военных и гражданских чиновников, объявлял войну и заключал мирные и торговые договоры с другими государствами, созывал и роспускал Государственную думу. Правые кадеты были убежденными сторонниками двухпалатной системы народного представительства.

Левые кадеты шли дальше в демократизации государственного строя. Они настаивали на ограничении прав монарха: он должен был подписывать бумаги как глава государства, служить представителем России в отношениях с другими государствами. Все остальное управление должно было всецело сосредоточиться в руках однопалатного народного представительства, избранного на основе всеобщего избирательного права.

Стремясь избежать раскола в партии, кадетские лидеры решили допустить свободу мнений по вопросу о структуре народного представительства. «Партия, — отмечалось в программе, — допускает в своей среде различие мнений по вопросу об организации народного представительства, в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию»⁶². Народное представительство должно было участвовать в «осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации»⁶³. При этом депутаты наделялись правом законодательной инициативы и правом привлечения министров к судебной и гражданской ответственности за нарушение ими конституции. Большинство делегатов съезда высказалось за предоставление политических прав женщинам, что и было закреплено в соответствующем пункте программы.

Правые кадеты Л.И.Петражицкий и П.Б.Струве считали, что партия не только должна принять участие в выборах в Думу, созываемой по закону 11 декабря 1905 года, но и непосредственно приступить в ней к организационной работе, минуя тем самым необходимость созыва Учредительного собрания. Умеренное течение в лице профессоров Г.Ф.Шершеневича и И.В.Лучицкого, соглашаясь принять участие в выборах в Думу по закону 11 декабря, настаивало на ее бойкоте изнутри. Левые же кадеты, считая, что Дума, созванная по закону 11 декабря, «успокоения дать не может», продол-

жали настаивать на созыве Учредительного собрания, которое, однако, должно быть собранием типа не 1789 года, а собранием типа 1848 года⁶⁴.

В результате длительных дебатов съезд большинством голосов принял компромиссное решение, в котором указывалось, что партия должна как принять участие в выборах в Думу, так и приступить в ней к выработке законопроектов «безусловно неотложного характера, необходимых для успокоения страны и мирного перехода к правильному представительству»⁶⁵. По свидетельству Милюкова, II съезд вообще отверг требование созыва Учредительного собрания, но в целях удовлетворения меньшинства, отстаивавшего этот лозунг, «была предоставлена местным группам свобода в употреблении терминологии»⁶⁶. Однако съезд по настоянию ЦК принял специальную резолюцию, в которой была дана расшифровка термина «учредительное собрание». «Оно означает, — указывалось в резолюции, — собрание народных представителей с учредительными функциями, созданное для составления основного закона, а не собрание, облеченное всей полнотой власти»⁶⁷. Отказ кадетского партийного съезда от лозунга созыва полномочного Учредительного собрания говорил о том, что кадеты в этом важном вопросе решили отделить себя от леворадикальных социалистических партий.

В свою очередь правительство не могло остаться равнодушным к программным требованиям различных политических партий. Оно не было уверено в том, что созываемая Государственная дума не превратится в Учредительное собрание и не приступит самовольно к выработке Основного закона. Поэтому правительство решило обезопасить себя от разного рода случайностей. 20 февраля 1906 года было опубликовано два важных документа: «Учреждение Государственной Думы» и «О переустройстве учреждений Государственного совета». Согласно первому акту, Государственной думе предоставлялось право законодательной инициативы по изданию законов, штатов, их изменений, право обсуждения бюджета государства и отдельных ве-

домств, надзор за государственным контролем. Однако в этом акте была одна весьма существенная оговорка, ограничивающая права законодательной инициативы Думы: Государственная дума могла возбуждать дела об отмене или изменении действующих законов и издании новых законов за исключением Основных государственных законов.

Закон «О переустройстве учреждений Государственного совета» преобразовывал Государственный совет из законосовещательного органа во вторую законодательную палату. Государственный совет призван был играть роль своеобразного фильтра, не пропускавшего законопроекты, которые проходили через Думу, но были неприемлемыми для авторитарического режима. 8 марта 1906 года правительство издало правила, ограничивающие права Думы в области бюджета: отказ Думы в утверждении бюджета не приостанавливал его исполнения.

Либералы расценили законодательные акты 20 февраля далеко не однозначно. Правые кадеты считали их конституционными, хотя и закрепляющими «конституционное начало в нашем государственном праве на очень низком уровне». Центральное руководство кадетской партии считало законы 20 февраля «безусловно неприемлемыми для партии народной свободы». Учреждение Государственного совета в качестве второй палаты, писал Милюков, «партия считает нарушением законодательных прав Думы»⁶⁸. Тем не менее ЦК кадетов на заседании 5 марта принял решение, санкционировавшее не только участие отдельных членов партии в выборах в Государственный совет, но и рекомендовавшее им стать его членами. Принимая подобное решение, кадетское руководство рассчитывало, что имея своих представителей в Государственном совете, удастся способствовать более «безболезненному» проведению либеральных законопроектов, принятых Думой.

И тем не менее, приняв законы 20 февраля, правительство не было уверено в том, что Государственная дума не превратится в Учредительное собрание, а Го-

сударственный совет «выдержит» ее натиск. Поэтому в правительственных кругах начинает в быстром темпе разрабатываться проект Основных законов. Сведения о новом законодательном творчестве правительства просочились в печать, а кадетская «Речь» опубликовала сам проект Основных законов. Комментируя опубликованный проект, Милюков отмечал, что «общее моральное впечатление, которое он произведет на все русское население, будет ужасно и плачевно». Наша конституция, продолжал он, «предусматривает возможность управления страной, совсем без Думы», а самое заглавие будущей русской конституции — «Основные Государственные законы» — сближает ее «с одной из худших конституций Европы с австрийским «Staatgrundguet»⁶⁹. Лидер кадетской партии предупреждал правительство, что опубликование Основных законов есть опасность, и что акт этот должен считаться прямой угрозой «общественному спокойствию»⁷⁰. Однако Милюков не считал нужным информировать общественность о том, что видные кадетские юристы по просьбе правительства занимались опробацией проектируемых Основных законов. В обсуждении проекта приняли участие сам П.Н.Милюков, В.М.Гессен, С.А.Муромцев, Ф.А.Головин, Н.И.Лазаревский, которые, приняв министерский проект за основу, внесли в него ряд замечаний, которые были изложены в специальной записке и переданы через В.В.Ковалевского Д.Ф.Трепову.

Кадетские юристы настаивали на том, чтобы в Основных законах была усилена ответственность министров перед Думой, что «может иметь своим последствием не умаление, а возвеличение того обояния, какое власть монарха должна иметь среди подданных»⁷¹. Составители записки настаивали также на том, чтобы Думе и Государственному совету было предоставлено право делать запросы министрам, при сокращении срока ответа на них с одного месяца до одной недели. При сохранении исключительной прерогативы монарха при пересмотре конституции «следовало бы дать Государственной думе и Государственному совету право пре-

доставлять на усмотрение его императорского величества предложения о пересмотре Основных государственных законов, обставив этот пересмотр исключительными требованиями»⁷². Дума должна была получить полномочия рассматривать все статьи государственного бюджета. Предусматривалось право населения подавать в письменном виде петиции как в Думу, так и непосредственно царю. В записке ничего не говорилось о требовании всеобщего избирательного права, фактически выражалось согласие с учреждением Государственного совета, молчанием обходился вопрос об ответственном министерстве и т.д.

Раскритиковав и в то же время выразив согласие с проектом правительства, кадетские лидеры продолжали надеяться, что Основные законы все же не будут опубликованы. Однако правительство, не послушавшись кадетских юристов, 23 апреля 1906 года, т.е. за четыре дня до начала работы Государственной думы, все же опубликовало Основные законы. Этот правительственный акт кадеты расценивали как «заговор против общественного спокойствия» и указывали, что «конфликт между правительством и Думой становится неизбежным»⁷³. Вместе с тем, они подчеркивали, что Дума не должна «трогать» Основные законы и направить свою деятельность «по преимуществу в законодательный канал, в рамках манифеста 20 февраля 1906 года»⁷⁴. Фактически признав Основные законы, либералы на всем протяжении своей дальнейшей деятельности стремились не выходить за их рамки. Вся их последующая деятельность в Государственных думах сводилась, по существу, к попыткам «по мере возможности» расширить царское законодательство, устранить «дефекты» в управлении государством, всячески защищать и оберегать авторитет монархической власти. В русле Основных законов шла «переплавка» программных положений в законодательные проекты, которые заслуживают специального анализа, ибо, как правило, в литературе не рассматривались.

Важное место в общеполитической программе либералы уделяли проблемам реформирования органов ме-

стного управления и самоуправления. Однако при этом между ними имели место довольно существенные расхождения по ряду принципиальных вопросов. Так, кадеты, выступая против сословного принципа, настаивали на необходимости реорганизации органов местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. «С пробуждением политического и социального сознания народных масс, — писал один из авторов законопроекта о местном самоуправлении Ф.Ф.Кокошкин, — дальнейшее существование дворянских и купеческих дум стало в разрез со всем ходом русской жизни»⁷⁵. Кадеты считали необходимым расширить права земского самоуправления за счет ограничения функций местного управления и подчинения земству полицейских органов, т.е. за органами местного управления сохранялись лишь те отрасли, которые требовали централизации. Так как реформы местного самоуправления и управления в кадетской программе и законопроектах органически связаны, то представляется целесообразным рассмотреть их в органическом единстве.

Кадеты считали необходимым упразднить губернское правление, губернские присутствия, а также должность вице-губернатора. Все активное управление, ранее находившееся в ведении губернского правления и губернских присутствий (кроме воинской повинности и надзора за размещением войск) переходило к органам местного самоуправления. В круг функций губернских земских собраний и управ должно было входить ведение следующих дел: 1) продовольственное, пожарное, страховое, дорожное, врачебно-санитарное, ветеринарное, общественного призрения; 2) заведование местной промышленностью, земледелием и торговлей; 3) хозяйственной и образовательной частью учебных заведений и школ, содержащихся на средства губернского земства; 4) издание всех обязательных постановлений; 5) административная статистика, а также удовлетворение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управления⁷⁶.

Наряду с губернским земским собранием и губернской земской управой делами административного управления в губернии должны были ведать: 1) губернатор и его помощники; 2) органы отдельных ведомств центрального управления (контрольная палата, казенная палата и т.п.) и 3) административные отделения окружных судов. Согласно законопроекту, губернатор назначался и увольнялся царем по представлению Совета министров. В порядке дисциплинарной ответственности губернаторы подчинялись Сенату. Из функций активного управления за губернатором и его помощниками кадеты оставляли лишь те, которые требовали централизации. Основные же функции губернатора и его помощников сводились к надзору за правильностью исполнения законов местными административными ведомствами, органами местного самоуправления. Губернаторам предоставлялось право: 1) требовать от всех находящихся в губернии учреждений административного ведомства отчета о своей деятельности; 2) производить ревизии всех административных учреждений, в том числе и органов местного самоуправления; 3) приостанавливать выполнение незаконных постановлений общественных учреждений с последующим внесением их на рассмотрение специально созданных административных отделений окружных судов⁷⁷.

На уездном уровне кадеты требовали упразднения органов крестьянского сословного самоуправления, волостных судов, полицейского управления, должности земского начальника и уездного предводителя дворянства. Делами уездного административного управления должны были ведать: 1) уездные земские собрания и уездные земские управы; 2) уездные по воинской повинности присутствия; 3) уездные органы специальных ведомств (податные присутствия, казначества и т.п.); 4) органы поселкового и участкового самоуправления; 5) земская полиция, правительственный инспектор по административно-хозяйственным делам⁷⁸.

Согласно проекту, вся территория уезда делилась на мелкие участки (участковое земство), которые и

должны были стать низшей административно-хозяйственной единицей уездного управления. В связи с упразднением сельского общества дела, ранее входившие в его ведение, распределялись следующим образом: 1) дела, связанные с владением общинной землей, передавались поземельно-общинному союзу, который создавался в результате проведения земской реформы; 2) делопроизводство по общему управлению переходило к земскому собранию и участковой земской управе⁷⁹.

В известных случаях кадеты допускали создание поселкового самоуправления (крупные селения), предельно ведомства которого не должны были выходить за черту усадьбыной оседлости поселка. Все владения, в том числе фабрики, заводы, помещичьи усадьбы, входившие в черту усадьбыной оседлости поселка, подлежали обложению повинностями по содержанию поселкового управления и соответственно изымались от обложения участковыми земскими сборами.

В функции поселкового управления (поселкового схода и поселкового собрания) входило заведение поселковыми сборами, имуществами и капиталами, благоустройство селений, народное образование, врачебное-санитарное дело, продовольственное дело и т.д. Деятельность поселкового управления контролировалась уездным правительственным инспектором по административно-хозяйственным делам, который непосредственно подчинялся губернатору.

Кадетскими юристами был разработан обстоятельный проект реформы городского самоуправления, также основанный на всеобщем избирательном праве. Право участия в выборах и быть избранными предоставлялось городским жителям без различия пола, национальности и вероисповедания, которые к моменту выборов достигли 21 года и проживали в данном городе не менее шести месяцев, или, владея в нем имуществом, уплачивали какой-либо городской налог. В выборах не могли принимать участие: 1) лишенные гражданских прав, или ограниченные в правах по судебным приговорам, на срок лишения или ограничения их

прав; 2) стоящие под опекою, все несостоятельные должники; 3) стоящие на действительной службе в армии или флоте; 4) члены государственной, городской или земской полиции; 5) генерал-губернаторы, градоначальники, губернаторы и вице-губернаторы в пределах подведомственной им местности и члены особого присутствия суда по земским и городским делам⁸⁰.

Городское общественное самоуправление, состоящее из избирательных собраний, городской думы и городской управы, избиралось сроком на три года. В его компетенцию входило заведование и распоряжение «всеми городскими имуществами, капиталами, оброчными статьями, сборами, общественным хозяйством вообще, его благоустройством, личною и общественною безопасностью, а также всеми делами местной общественной жизни, поскольку они не противоречат общегосударственным законам и установлениям»⁸¹. Городское самоуправление владело своими имуществами и капиталами на правах юридического лица. Государственная власть и ее органы должны были наблюдать лишь за законностью постановлений и распоряжений органов городского самоуправления.

В отличие от кадетов, октябристы, выступая против сословного принципа и за некоторое понижение налогового ценза, были против реформирования органов местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. Согласно выработанному ими законопроекту, избирательное право предоставлялось только платильщикам земских налогов, которые могли избирать гласных не только из своей курии, но и из других курий. Октябристы считали также возможным предоставить женщинам, владеющим цензом, активное избирательное право. По их мнению, вполне назрела необходимость: распространения земства на всю территорию страны; организация мелкой земской единицы (волостное земство); отмены принципа предельного обложения и принятия мер к коренному улучшению земских финансов. Они настаивали также на ограничении вмешательства администрации в земскую деятельность. Администрация лишалась права утверждать

на земскую службу должностных лиц, а также преследовать их в дисциплинарном порядке. За администрацией сохранялось лишь право наблюдения за закономерностью действий земских органов самоуправления.

В законопроекте «О главных основаниях городской реформы» октябристы настаивали на немедленном пересмотре Городового положения 1892 года. Однако в отличие от кадетов, настаивавших на реорганизации городского самоуправления на основе всеобщего избирательного права, октябристы считали возможным лишь несколько расширить избирательное право, распространив его «не только на владельцев недвижимости но и на квартиронанимателей, а также и на других лиц, платящих городские налоги». Вместе с тем они помимо ценза оседлости, сохранили в своем проекте еще и налоговой ценз.

Октябристы считали необходимым расширить функции городского самоуправления, с одной стороны, путем отмены предельного обложения, а с другой — распространения городского обложения «на все казенные и иные имущества»⁸².

Большое внимание в программах и законопроектах либеральных партий уделялось судебной реформе. Кадеты требовали восстановления в полном объеме судебных уставов 1864 года, внесения в них ряда изменений, которые, однако, не вызывали бы принципиальной «ломки в общем строе суда»⁸³. Они считали необходимым упразднить суд судебной палаты с участием сословных представителей и передать все дела в ведение окружных судов с участием присяжных заседателей; восстановить кассационный суд; освободить суд от надзора административной власти; организовать адвокатуру на началах самоуправления; ввести выборность и несменяемость судей, гласность судопроизводства; ввести условное осуждение и защиту на предварительном следствии⁸⁴. Вместе с тем кадеты выступали за ликвидацию волостных судов и судебных функций земских начальников, замену их общим всесословным судом, за восстановление мирового суда и должности мирового судьи, за выборность местного суда. Кадеты

выступали также против сохранения имущественного ценза для местных судей (ими был выдвинут образовательный ценз), лежащего в основе столыпинского проекта реформы местного суда, настаивали на устранении из съезда мировых судей правительственных чиновников.

Программа октябристов в области реформы местного суда во многом совпадала с кадетской (ликвидация волостных судов и судебных функций земских начальников и городских судей, восстановление мирового суда и должности мирового судьи, выборность местного суда). Однако в отличие от кадетов, ограничивающихся требованием образовательного ценза для судей, октябристы настаивали еще и на имущественном цензе, уплачиваемом с недвижимого имущества. Причем в сельской местности этот ценз выражался в сумме 100 рублей, в городах — 15 тыс. рублей, а в столицах — 30 тыс. рублей. Выступая за выборность судей, октябристы проявляли колебания по вопросу о назначении или избрании председателя мировых съездов. В отличие от кадетов, выступавших за избрание председателя мировых съездов, подавляющее большинство октябристов высказывалось за его назначение⁸⁵.

Если в вопросах реформирования государственного строя, местного управления и самоуправления, местного суда между либеральными партиями имели место расхождения, то в области гражданских и политических свобод они выступали единым фронтом. Наиболее полно и последовательно проблема гражданских и политических свобод была разработана в программе и законопроектах кадетской партии, внесенных на рассмотрение Государственной думы. В одном из основополагающих законопроектов «Основные положения законов о гражданском равенстве» кадеты выступили за уничтожение всех законов и административных распоряжений, которые ограничивали права граждан вследствие их принадлежности к тому или иному полу, национальности и вероисповеданию. В первую очередь кадеты считали необходимым отменить все сословные перегородки между крестьянством и дворянством. Они

считали необходимым, с одной стороны, отменить все ограничения для лиц крестьянского сословия (подведомственность особым крестьянским учреждениям и особой юрисдикции в распоряжении имуществом и в свободном передвижении, по образованию и по поступлению на государственную службу), а с другой — все привилегии дворянства (по образованию, по государственной службе, по владению недвижимым имуществом и по участию в местном самоуправлении и т.д.).

Выступая за уничтожение сословных перегородок, кадеты вместе с тем считали, что отмена привилегий, особенно в области местного самоуправления, должна была производиться постепенно. Дворянство, по их мнению, благодаря образованию и политическим навыкам должно было какое-то время продолжать играть первенствующую роль в местном самоуправлении и управлении.

Особое значение кадеты придавали законопроекту о неприкосновенности личности, который рассматривался ими «как вторжение во многие из существующих сфер сложившегося порядка». Они предлагали отменить «многочисленные статьи устава о предупреждении и пресечении преступлений», которые были созданы в «эпоху борьбы с освободительным движением»: исключительные суды и законы, положения об усиленной и чрезвычайной охране и т.д.⁸⁶. Кадеты считали, что система усиленной и чрезвычайной охраны не только подрывает основы законности, но и расшатывает в общественном сознании идею права и устои общего правосознания. В обществе укрепляется мысль, что власть не может обойтись без исключительных мер, которые неминуемо ведут к произволу и насилию, а это, в свою очередь, не может не вызывать недоверия к власти. Чтобы избежать подобного явления следовало установить непрерывный процесс надзора суда над действиями администрации. Все взаимоотношения личности и власти должны быть основаны на строгой законности. В законопроекте указывалось, что никто не может быть задержан и заключен под стражу, под-

вергнут обыску, полицейскому надзору и судим иначе, как в порядке общего судебного производства.

Вместе с тем в законопроекте полицейской власти предоставлялись достаточно широкие права. Полиция могла предупреждать распоряжения судебной власти в следующих случаях: 1) если преступник пойман на месте преступления с поличным; 2) если потерпевшие от преступного деяния или свидетели прямо называют подозреваемое лицо; 3) если пребывание на свободе лиц «грозит непосредственной опасностью самим этим лицам или окружающим, либо сопряжено с незаконным нарушением свободы других лиц или общественной благопристойности»⁸⁷. В случае задержания без постановления суда арестованные лица должны быть в течение 24 часов освобождены или же отправлены к судебному следователю, который и решает вопрос о дальнейшем положении задержанного. Этот срок увеличивался в зависимости от места пребывания судебной власти (город или сельская местность), в распоряжении которой должен быть доставлен арестованный.

В соответствующих статьях обстоятельно излагались права личности на охрану жилища и на находящиеся в нем вещи, на корреспонденцию и другие средства связи (телефон, телеграф и т.д.). Однако и в этом случае кадеты допускали возможность полицейских обысков, изъятия корреспонденции, подслушивания и т.п. как по постановлению судебной власти, так и в ряде «необходимых случаев» (задержание преступников, удаленность судебной власти) органами полиции.

С законопроектом о неприкосновенности личности логически был связан законопроект о свободе совести. Составители проекта считали, что полное осуществление требования свободы совести могло бы «восстановить то доверие и нравственную связь отдельных народностей, без которых невозможно поднятие авторитета православной церкви, невозможно умиротворение совести». Свобода совести должна была, по их мнению, привести к «обновлению России, к укреплению и возрождению в ней религиозного чувства, к водворению в ней взаимного мира и согласия»⁸⁸.

Согласно проекту, отменялись все ограничения в пользовании гражданскими и политическими правами для лиц разного вероисповедания, подчеркивалось, что пользование этими правами «не зависит от вероисповедания». Всем существующим и вновь возникающим вероисповеданиям предоставлялась свобода отправления религиозных обрядов, а также распространения своих учений, «поскольку при осуществлении этой свободы не совершается деяний, предусмотренных общими уголовными законами»⁸⁹. Вводился явочный порядок при образовании новых религиозных обществ, которым предоставлялось право организовывать школы и вести в них преподавание. Организаторы этих обществ должны были лишь заявить властям о сущности проповедуемого ими вероучения и о религиозных обрядах. Право закрытия религиозных обществ предоставлялось исключительно судебным властям. Граждане, достигшие 17 лет, имели право выхода из состава религиозного общества, к которому они принадлежали. Вместе с тем в проекте отмечалось, что «никто не может отказаться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей»⁹⁰.

В свою очередь октябристы, настаивая на необходимости поднятия авторитета православной церкви, считали необходимым провести следующие мероприятия: 1) реформировать Синод, ограничив при этом функции обер-прокурорской власти; 2) поднять роль православного прихода, предоставив ему широкие имущественные права; 3) обеспечить сельское духовенство «приличным содержанием»; 4) реорганизовать духовную школу; 5) отменить политические и гражданские ограничения, связанные с лишением или добровольным снятием сана; 6) предоставить верующим право переходить из одного вероисповедания в другое⁹¹.

В законопроекте о свободе собраний либералы отстаивали явочную систему публичных собраний. Согласно кадетского законопроекта, для созыва собрания от его организаторов требовалось лишь «не позднее, чем за 24 часа о созыве собрания» известить о нем ме-

стные полицейские органы. При этом отмечалось, что созыв публичного собрания возможен и без предварительного заявления, и в этом случае полиция не имела права его закрыть. Единственной мерой наказания организаторам такого собрания мог служить денежный штраф, не превышающий 100 рублей. Для публичных собраний, которые устраивались за чертой города (на расстоянии 5 верст) предварительного заявления вообще не требовалось. В то же время кадеты ввели в свой законопроект ограничения условного и безусловного характера. Условно запрещались собрания на площадях, улицах и в других общественных местах, препятствующие «свободному уличному движению». Безусловному запрещению подлежали собрания под открытым небом на расстоянии одной версты от места «пребывания государя императора и от места заседаний Государственной думы во время ее сессий», а также на полотне железных дорог. Полиции предоставлялось право посылать на собрания свою агентуру и закрывать его в том случае, если собрание созывалось в местах, запрещенных законом, а также если оно принимало «характер, непосредственно угрожающий общественной безопасности». При этом полиции предоставлялось право удаления «неповинующихся методами принуждения»⁹².

Близким по духу к законопроекту о свободе собраний был кадетский проект закона о печати, который декларировал свободу печати, книготорговли, открытия типографий, отменял цензуру. За нарушение закона о печати виновные подлежали суду. Однако сами издания являлись неприкосновенными. «Каково бы ни было наше отношение к поступкам или преступлениям при помощи печати, — писал автор проекта Г.Б.Иоллос, — мы твердо должны отстаивать начало неприкосновенности издания»⁹³. Для открытия нового периодического органа от издателей требовалось лишь указать адрес типографии, адрес и фамилию издателя и редактора. Вместе с тем законопроект предусматривал и ряд репрессивных мер против нарушителей закона о печати. Так, если на издании не указан адрес типографии

или фамилия издателя, то виновные подвергались штрафу в размере до 300 рублей, а если эти сведения были указаны неверно, то виновные подвергались тюремному заключению сроком до 6 месяцев. Более строгому наказанию подвергались лица, которые на страницах печати оказывали «дерзностное неуважение к верховной власти». За произнесение публичной речи или распространение сочинений, направленных против монарха, виновные наказывались заключением в крепость на срок до одного года. Лица, виновные в призывах «ко всякого рода насильственным действиям», карались заключением в крепость на срок до двух лет, а если эти призывы были приведены в исполнение и само преступление совершено, то сроком до пяти лет⁹⁴.

В кадетском законопроекте о свободе союзов указывалось, что «российские граждане вольны составлять союзы в целях непротивных законам или добрым правам, не спрашивая на то разрешения правительственной власти»⁹⁵. Вводя явный порядок создания союзов, кадеты вместе с тем подчеркивали, что для приобретения юридических прав союз должен иметь свой устав, который подлежал обязательной регистрации у местного старшего нотариуса. Это, по признанию самих авторов проекта, давало в руки власти прямую возможность «к пресечению деятельности союзов, вступающих в противоречие с правовым порядком»⁹⁶.

Таким образом, либеральными партиями (особенно кадетами) был разработан целый пакет законопроектов, направленных на формирование в России гражданского общества и правового государства. Причем вышерассмотренные и другие законопроекты (отмена смертной казни, амнистия) в значительной степени превосходили уже действующие в западноевропейских странах законы. В своей совокупности они, безусловно, вели к демократизации российского государства и общества, гарантировали бы права личности, способствовали бы раскрытию ее творческих и духовных потенций.

После Февральской революции либералы вынуждены были оперативно корректировать свою политиче-

скую программу. Учитывая, что в стране произошло свержение монархического режима, кадеты, а среди них в это время победу одержали сторонники «народного суверенитета», высказались за введение демократической парламентарной республики во главе с президентом. В своем докладе на VII съезде кадетской партии, состоявшемся в марте 1917 года, Ф.Ф.Кокошкин, мотивируя отказ кадетов от принципа монархизма, заявил, что кадеты «никогда в своем большинстве не считали монархию, хотя бы и парламентарную, наилучшей формой правления. Никогда монархия конституционная или парламентарная не была для нас, как для настоящих монархистов, тем верховным принципом, которому бы мы подчинили всю нашу политическую программу. Монархия была для нас тогда не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности»⁹⁷.

Через 12 лет после принятия программы первым учредительным съездом кадетской партии в 1905 году, Кокошкин пытался убедить своих единомышленников в том, что «монархическая форма правления, которую мы тогда отстаивали, есть для нас не цель, а только средство, при помощи которого мы в данный момент рассчитывали наикратчайшим путем приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы». Подчеркнув, что «в вопросе о государственном строе мы всегда отличаем вопрос о форме от вопроса о существе и содержании», Кокошкин заявил, что либералы, выдвигая требование конституционно-парламентарной монархии, всегда рассматривали его в качестве исторически необходимой переходной ступени от абсолютизма к полному осуществлению начал народоправства. «Парламентарная монархия, — заявил Кокошкин, — была в наших глазах прежде всего такой переходной ступенью, через которую переход от абсолютизма к народоправству мог быть совершаться наиболее мягким образом». Нельзя было также, продолжал Кокошкин, сбрасывать со счетов и отношение населения к монархии, с которой оно связывало «свое

представление о государстве с личным символом». Поэтому либералы и не хотели, «насилуя эту потребность, навязывать народу свои собственные идеалы». Однако за 12 лет государственное самосознание народа изменилось и «личный символ утратил свой идеал». В течение этого времени монархия попирала права народа и сама разрушала в его сознании ту связь, которая «существует между представлением о монархе и представлением о государстве». Монархия, подчеркивал Кокошкин, сама «подорвала собственные устои и своими собственными руками готовила свою гибель». Кокошкин привел слова патриарха русского либерализма И.И.Петрункевича о том, что «монархия совершила над собой акт самоубийства».

В новой политической ситуации, сложившейся в стране после Февральской революции, Россия, считал Кокошкин, должна стать демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительному собранию. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий «через посредство ответственного перед народным представительством министерства»⁹⁸. Согласно предложению Кокошкина, VII съезд кадетской партии внес изменения в раздел программы о государственном устройстве России.

Главной заботой и «головной болью» кадетов после Февральской революции было оптимальное решение вопроса о власти. После отречения Николая II от престола (за себя и сына) вопрос о преемственности власти оказался запутанным. Кадетским юристам пришлось немало поломать голову над тем, как обеспечить реальную преемственность власти в России. После безрезультатных переговоров с великим князем Михаилом Александровичем вся полнота власти (как законодательной, так и исполнительной) была сосредоточена в руках Временного правительства, ключевую роль в формировании которого играли кадеты. С формально юридической точки зрения власть Временного прави-

тельства была легитимной. Вместе с тем перед кадетскими правоведами встала задача подготовки базовых юридических документов, позволявших практически реализовать идею разделения властей при формировании новой системы правового государства. Во-первых, речь шла о том, чтобы четко разграничить вопросы правомочности Временного правительства и его законодательные и исполнительные функции. Сторонников идеи «народного суверенитета» явно смущало то, что новая власть является преемницей старой авторитарной власти. По их мнению, источником правового государства должна стать воля большинства народа, выраженная Учредительным собранием, избранном на основе всеобщего избирательного права. С этой точки зрения они считали необходимым эмансипироваться от влияния «третьиюньской Думы» и Временного комитета Государственной Думы, ставших преемниками воли монарха. Неслучайно VIII съезд кадетской партии отверг предложение князя Д.И.Шаховского о формировании представительного собрания из депутатов Государственной думы четырех созывов. Несколько позднее сторонники идеи «народного суверинета» высказались критически к Предпарламенту, которому они придали статус не законодательного, а законосовещательного учреждения.

Отстаивая идею созыва Учредительного собрания, как выразителя воли большинства народа, кадетские юристы считали, что оно должно выработать и принять конституцию, в которой и будет окончательно определена форма государственного устройства и правления, структура законодательных и исполнительных органов власти. Такой «непредрешенческий» подход, безусловно, был рассчитан на политическую консолидацию либеральных сил, заинтересованных в мирном переустройстве России. Вместе с тем идея «непредрешенчества» в определенной степени сглаживала те противоречия, которые имели место между либералами и леворадикальными социалистическими партиями.

Разумеется, выдвигая идею «непредрешенчества», кадетские юристы сосредоточились на разработке соб-

ственной модели правового государства, которую они намеревались провести при подготовке конституции Учредительным собранием. При Временном правительстве (и около него) был создан целый ряд комиссий и совещаний, в состав которых вошли видные кадетские юристы Ф.Ф.Кокошкин, Б.Э.Нольде, Н.И.Лазаревский, В.А.Маклаков, М.С.Аджемов, П.П.Гронский и другие. В соответствующих комиссиях были разработаны избирательный закон по выборам в Учредительное собрание (в ходе его подготовки победу одержали сторонники пропорциональной системы), его структура и основные принципы функционирования, а также проект конституции, в основу которого была положена модель государственного устройства, принятая на VII съезде кадетской партии. Кадетскими юристами были разработаны проекты реформы местного самоуправления и управления и т.д. Иными словами, к осени 1917 года кадетами был разработан пакет радикальных политических реформ, который они намеривались внести на рассмотрение Учредительного собрания. Однако реализовать их либералам не удалось.

Глава вторая

ПОСТАНОВКА И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В рамках либеральных теоретических представлений по национальному вопросу имел место довольно широкий разброс мнений и суждений в определении границ, структуры и содержания понятий: «нация», «национальность», «национализм» и т.д. Одни либеральные теоретики считали, что нация и национальность понятия духовные и даже иррациональные. «Исходя из предпосылок мистического реализма, — писал С.Н.Булгаков, — мы должны мыслить и чувствовать национальность лишь как некоторое субстанционное бытие, существующее прежде сознания. Мы сознаем себя членами нации, потому что мы реально принадлежим к ней, как к живому духовному организму. Это наша принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания: она существует и до него и помимо него и даже вопреки ему»¹. Другие же теоретики содержание понятий «нация» и «национальность» трактовали более расширительно. Так, П.Н.Милюков, раскрывая содержание понятия «национальность», выделял ряд компонентов: язык, религия, территория, «общая цель, история и предания». Перечислив эти структурные компоненты, он подчеркивал, что национальность — это «культурно-социальная группа», «объединение идеальной ценности», которое через свою интеллигенцию отражает «национальную душу»². Что же касается понятия «нация», то Милюков характеризовал ее как «совокупность граждан одного политического тела»³, а В.М.Гессен как «общность известных культурных

форм»⁴. Подобной же позиции придерживались ведущие специалисты по национальному вопросу Ф.Ф.Кошкин, Б.Э.Нольде и др. Так, Нольде определял «национальность» как культурную ценность⁵.

Трактовка понятий «нация» и «национальность» в качестве духовных и культурно-социальных категорий логически связана и с пониманием либералами национализма, в основе которого, по их мнению, лежат психоэтнические и психологические факторы, уходящие своими корнями в глубокое историческое прошлое, в подсознательные пласты человеческой психики. Поэтому либеральные теоретики рассматривали национализм в качестве данности, присущей той или иной национальности. Суть проблемы, по их мнению, сводится не к отказу от национализма, что практически невозможно, а замене «зоологических», казенных форм национализма более цивилизованными и гуманными. «Торжествующий ныне официальный национализм, — писал П.Б.Струве, — прокладывает путь не национально-государственному объединению, а к национальному автономизму и к федерализму. Он не собирает, а дробит государство»⁶.

Антитезу казенному национализму самодержавия, подрывающему «идею Российской империи, как великодержавного целого»⁷, либералы усматривали в той модели решения национально-колониального вопроса, которая была опробирована в Англии и Америке. «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, — подчеркивал Струве, — может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи»⁸. Высоко оценивал политику англичан в решении национально-колониального вопроса и П.Н.Милюков. «Есть империалистическая политика и политика. Та империалистическая политика, которую ведет империалистическая Англия, разве похожа на нашу! Завидно становится, — говорил он с думской трибуны, — когда читаешь о культурных методах английской колониаль-

ной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами»⁹. Теоретически соглашаясь относительно цивилизованных форм национализма, Струве и Милюков по-разному подходили к реализации этого лозунга в условиях российской действительности.

Либералы типа П.Б.Струве более откровенно проповедывали лозунг великорусского национализма. Разделяя народности, населяющие Российскую империю, на «державные» и «недержавные», Струве считал, что Россия — «есть национальное русское государство», а «русская народность — державная народность». «Великому народу, создавшему могущественное государство, — подчеркивал он, — не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ должен держаться такой политики, а из чувства национального самосознания и самоутверждения, из здорового национального эгоизма»¹⁰.

Проповедуя здоровый национальный эгоизм, Струве считал, что «русской национальности должна принадлежать гегемония в России»¹¹, что она должна открыто проводить в жизнь «национализм англосаксонского типа», который «не боится соперничества, сознательно задается прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и во всяком случае рядом с ними окажется более крепким и стойким»¹². В последовательной ассимиляторской политике Струве видел единственный путь роста и укрепления «державной» национальности.

Позицию Струве разделяли Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк, С.А.Котляревский, В.А.Голубев и другие. Так, С.Н.Булгаков писал, что Россия «остается и останется русским государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»¹³. «Мы полагаем, — за-

являл Голубев, — что, только подняв русскую национальность как державную, подняв ее внутреннее чувство, ее самосознание, ее настроение и дух, достигнем мы и того, что будут подняты в своей равноправности и другие национальности»¹⁴.

Тезис правых либералов о «державной» государственной нации снимал с повестки дня вопрос о праве других народностей на политическое самоопределение. По их мнению, в рамках «единой и неделимой империи» между национальностями должно сохраняться и соперничество, и состязание, что позволит предохранить нацию от застоя и отвечает требованиям «национальной гигиены»¹⁵. Вместо слияния различных народностей в некую общность, правые либералы считали целесообразным ограничиться их соглашением с «государственной нацией», которая должна сохранить статус державной. «Задача российской интеллигенции, развивая свою национальность, как национальность государственную, — писал Голубев, — стремится не к слиянию с другими национальностями, а к признанию соглашения с ними»¹⁶.

Позиция либералов-теоретиков мешала либералам-политикам налаживать контакты с идеологами других национальностей, вызывала с их стороны постоянные протесты. Либералы-политики полагали, что позиция либералов-консерваторов может привести к обострению конфликтов между «державными» и «недержавными» народностями, к ослаблению единого оппозиционного фронта борьбы с самодержавием, а в конечном счете к развалу Российской империи. Именно поэтому Милюков и его единомышленники выступали против крайностей великодержавного национализма, призывали своих коллег по партии «укротить бурные чувства», ибо «мы рискуем остаться с нашим национальным лицом по ту сторону культуры». Отмечая, что среди части интеллигенции «новейшей формации» усилилась националистическая тенденция к «отталкиванию» от национализма нерусских народов, Милюков считал ее «переходящим явлением». «Интеллигенция, а также та часть ее, от лица которой говорит П.Б.Струве, — пи-

сал Милюков, — это та самая интеллигенция текущей минуты, которая устала от политики и жизни и углубилась во все возможные «искательства», эстетические, этнические и философские. Основная, центральная идея этих поисков есть идея чего-то неразложимого, наиндивидуального, таинственно-открытого в душе, непостижимого мыслею, но постижимого чувством, не выразимого метафорически, выразимого интуицией и откровением». Предостерегая Струве, что «от эстетического национализма» всего лишь один шаг к «племенному шовинизму», Милюков пытался внушить ему, что не следует публично отвечать «национализмом на национализм, — нездоровым национализмом на нездоровый национализм». При этом Милюков пытался убедить националистов нерусских народов в том, что великодержавные настроения не свойственны кадетской партии, а являются наносными явлениями, порожденными в «гнилой атмосфере современной общественной реакции»¹⁷.

Милюков дал собственное понимание сущности национализма. Отметив, что «всякий национализм тяготеет к национальной исключительности», что он «может подчас принимать крайне уродливые формы шовинизма», Милюков подчеркнул, что национализм представляет собой одно из важных средств сохранить «исторические устои» и способов воздействия на массы с целью отвлечения их от «великих социальных и политических задач»¹⁸. По мнению Милюкова, «национализм есть такое понимание национального вопроса, при котором свойства национальности, приобретенные историей, считаются неизменными и вечными, превозносятся за счет особенностей других национальностей и кладутся в основу всей внутренней политики страны»¹⁹. В конечном счете великодержавный национализм противопоставляет себя: «1) развитию и прогрессу; 2) равноправию народностей (во имя державной народности, во имя захватов и завоеваний); 3) космополитизму и интернационализму»²⁰.

Какую же альтернативу предлагал Милюков великодержавному национализму. Отождествив понятия

национальности и государственности, он выделил два возможных варианта решения национального вопроса: «1) «национальное государство» — национальность и нация совпадают, т.е. государство опирается на единый социальный союз граждан; 2) «государство национальностей» — государственная организация, опирающаяся на национальные союзы на одинаковых правах (Австро-Венгрия)»²¹. По мнению Милюкова, также имеется два возможных пути для объединения национальностей в едином государстве: во-первых, ассимиляция и, во-вторых, свободное сожительство. Отвергая политику ассимиляции, которая до сих пор нигде не удавалась и приносила только вред, Милюков настаивал на необходимости мирного сожительства национальностей в рамках единого государства. «Вот почему, — подчеркивал он, — идее «национального русского государства мы противопоставляем идею российской государственности». Исходя из данного тезиса, он считал политически вредным выставлять в рамках «разноплеменного государства» лозунг «национального русского государства», который на деле означает стремление «державной» народности подчинить себе «недержавные» народности. «Русский народ, — отмечал Милюков, — перестав быть «господствующей нацией», ничего не потеряет, ибо ничего не имел, а только выиграет везде, где выиграет государство». Поэтому идея «государственной нации», по мнению Милюкова, вполне может осуществиться только в «государстве национальностей»²².

В принципе, не отказываясь от самой идеи национализма, но выступая против крайних форм его проявления, Милюков предложил собственную модель решения национального вопроса в рамках полиэтнического государства. Системообразующим элементом этой модели являлась идея космонационализма, суть которой сводилась к следующему. Считая, что «национализм — есть провинциализм в наше время», что «односторонняя гордость своей культурой, предпочтение своей общности есть жалкая ограниченность», Милюков подчеркивал, что «космополитизм имеет свои хорошие

стороны, как знание, как стремление приобщиться к мировой жизни». Вместе с тем, по его мнению, «нельзя стряхнуть с себя национальность. И это делать ненужно, ибо «дифференциация наций необходима, чтобы дать основу для организации человечества». Поэтому, настаивал Милюков, целесообразнее синтезировать, с одной стороны, национализм, а с другой — космополитизм. «Космонационализм, — писал он, — как нечто среднее между национальностью и человечеством — это, если не решение, то путь к решению, в котором права национальности и интересы культуры не пожертвованы одно другому»²³.

Теоретические представления идеологов либерализма по национальному вопросу стали основой разработки для национальных программ. Еще до революции 1905-1907 гг. в программу «Союзу Освобождения» был включен лозунг права народов на самоопределение. Это же требование было внесено в программу, которая была принята на конференции оппозиционных и революционных партий, состоявшейся в Париже в сентябре 1904 г. Во время конференции русские либералы установили контакты с представителями ряда национальных партийных организаций. Так, с финнами были начаты переговоры относительно конституционных прав Финляндии, а с поляками — об условиях автономии Польши.

Под влиянием событий 1905 года левые освободенцы вынуждены были на несколько градусов повысить свои требования в национальном вопросе, рассчитывая тем самым привлечь на свою сторону представителей либеральной интеллигенции других национальностей. Так, во время встреч с представителями украинской интеллигенции, состоявшейся накануне III съезда «Союза Освобождения» (март 1905 г.) левые освободенцы не возражали против федеративного устройства государства и национально-территориальной автономии. Но на самом съезде под давлением земских либералов они согласились на исключение из программы пункта о федерации, ограничили требование областной автономии, признав ее в виде исключения толь-

ко для Польши, Литвы, Закавказья и Украины. Другие же национальности получали право лишь на «свободное культурное самоопределение» и употребление родного языка в начальных школах и местных учреждениях.

Программа «Союза Освобождения» вызвала резкую критику со стороны П.Б.Струве. «В пункте об областном самоуправлении, — писал он, — мы считаем неправильной постановку на одну доску Польши, Литвы, Малороссии и Закавказья. Если Польша, по мнению Струве, с самого начала должна быть поставлена в такое же правовое положение, как и Финляндия, что «совершенно неприемлемо к таким областям России, как Закавказье, и тем более Литва и Малороссия»²⁴. При этом следует иметь в виду, что автономию Польши и Финляндии Струве понимал не как признание за ними права на политическую независимость, а как автономию в границах единого российского государства.

Рост национального движения и радикализация требований интеллигенции в национальных регионах вызвали тревогу у русских либералов. Так, в мае 1905 г. состоялся русско-польский съезд, на котором присутствовали представители русских либералов и польских национальных партий. Под давлением польских делегатов было принято решение, в котором признавалась необходимость «автономного строя в Королевстве Польском». Однако съезд отказался от какой-либо конкретизации пределов автономии Польши «до времени всесторонней разработки этой проблемы»²⁵. Безрезультатно закончились и последующие встречи с поляками. На съезде земских и городских деятелей, состоявшемся 6-8 июля 1905 г. в Москве, представители украинцев и грузин высказались за федеративное государственное устройство России. Однако рассмотрение этого вопроса было отложено.

Понимая, что оттягивать до бесконечности обсуждение национального вопроса нельзя, русские либералы приняли решение специально рассмотреть его на сентябрьском (1905 г.) земско-городском съезде, на котором с докладом «О правах национальностей и децен-

трализации» выступил ведущий теоретик по национальному вопросу Ф.Ф.Кокошкин. Исходная идея доклада — сохранение во что бы то ни стало унитарного устройства Российского государства. Отстаивая лозунг сохранения «единой и неделимой» империи, Кокошкин самым решительным образом высказался против принципа политического самоопределения наций и федеративного устройства государства, считая его лежащим «вне области практической политики». В представлении Кокошкина, это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой Российской империи»²⁶.

В докладе Кокошкин подробно остановился на вопросе о местной автономии. По его мнению, «практическая постановка вопроса о разделении России на автономные области и о предоставлении автономии отдельным областям одновременно с вопросом об изменении формы правления угрожает серьезной опасностью самому делу политической и гражданской свободы в нашем отечестве. Несомненно, что вопрос о пределах и формах автономии и в особенности о границах автономных областей вызовет острые разногласия и может усилить национальную рознь»²⁷. Основываясь на этой посылке, Кокошкин делал практический вывод: «Вопрос об областной автономии не может быть окончательно разрешен ранее политического освобождения». И только «после установления прав гражданской свободы и правильного народного представительства с конституционными правами для всей империи должен быть открыт законный путь для установления местной автономии»²⁸.

Считая вопрос об автономии находящимся в данный момент «вне практической политики», Кокошкин тем не менее счел необходимым изложить свое понимание данной проблемы. Во-первых, после политического освобождения страны автономия должна была вводиться постепенно, по мере «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей». Причем для введения автономии каждый раз требовалось издание «особого имперского указа об образовании той или иной автономной области».

«Местная автономия, — отмечал Кокошкин, — не нарушает государственного единства, если она устанавливается общегосударственным законом, определяющим ее границы»²⁹. Имперским законом определялись как пределы автономии, так и разграничительные функции между общеимперским и местным законодательным собранием. Во-вторых, принятые местными представительными собраниями законы могли получить юридическую силу только в том случае, если они были утверждены представителями центральной власти. При такой постановке вопроса речь по существу шла о распространении на автономную область принципов местного самоуправления. Недаром Кокошкин неоднократно подчеркивал, что «областная автономия и местное самоуправление суть явления одного и того же порядка», что автономия всего лишь «высшая ступень развития местного самоуправления»³⁰.

Исключение из общего правила, по мнению Кокошкина, составляла только Польша. Предполагалось, что сразу же «по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами» Польша будет выделена в «особую автономную единицу с сеймом, избираемым на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при условии сохранения государственного единства империи». При этом из компетенции сейма исключались: бюджет, внешняя политика, железные дороги, почта, телеграф и телефон. Что касается законов, издаваемых самим сеймом, то они подлежали утверждению царем. В роли посредника между царем и сеймом выступал статс-секретарь, ответственный перед сеймом. Во главе управления в Польше находился наместник, назначаемый царем.

Для других же национальностей, по мнению Кокошкина, в данный исторический момент должно было стать требование культурного самоопределения. Под этим требованием он прежде всего понимал представление каждой народности права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, основание учебных заведений, имеющих целью сохранение и

развитие языка, литературы и культуры. «Всякие стеснения в этой области по отношению к народностям, не имеющим сил развивать собственную национальную культуру, — отмечал Кокошкин, — лишь замедляют и осложняют естественный мирный процесс влияния их с преобладающими народностями, по отношению же к народностям более развитым и сильным приводят к противоположным своей цели результатам, вызывая с их стороны ожесточенный отпор и сепаратистские стремления»³¹. Декларируя лозунг культурного самоопределения, Кокошкин вместе с тем высказался за сохранение единого государственного языка.

Решения сентябрьского земско-городского съезда легли в основу национальных программ либеральных партий. Вместе с тем между этими программами имели место и расхождения, которые особенно заметными были между кадетами и октябристами. Кадеты включили в свою программу два пункта, которые были приняты еще на сентябрьском земско-городском съезде. «После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами, — говорилось в параграфе 24 программы, — для российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения». В следующем, 25 параграфе, говорилось о предоставлении автономии Польше «немедленно по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами»³².

В свою очередь октябристы самым категорическим образом выступали против идеи автономии вообще, в том числе и автономии Польши, считая, что это будет «первым шагом к Федеративному устройству России»³³. Поэтому в своей программе октябристы не шли дальше требования распространить местное самоуправление на всю территорию России. Аналогичной точ-

ки зрения по вопросу об автономии придерживались мирнообновленцы и прогрессисты.

Нельзя не отметить, что теоретические и программные установки либеральных партий по национальному вопросу не всегда совпадали с их реальной политической позицией. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

Известно, что после поражения революции 1905-1907 годов царизм предпринял настоящий поход против свободы и независимости Финляндии. 17 марта 1910 года Столыпин внес в III Думу проект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общеимперского значения», ущемляя конституционные права финляндского сейма. Политика царизма была поддержана октябристами. Запросы фракции октябристов и выступления их лидеров во время обсуждения правительственного законопроекта об общеимперском законодательстве в мае 1910 г. свидетельствовали о том, что программное требование «Союза 17 октября» о предоставлении Финляндии права на «известное автономное государственное устройство» являлось пропагандистской декларацией. Подавляющее большинство фракции выступило против автономии Финляндии, отстаивало принцип одностороннего законодательства, согласно которому финляндский сейм получал ограниченное право давать лишь свои заключения, которые в сущности не имели никакой реальной законодательной силы. Характерно, что во фракции нашлось всего лишь 19 человек, которые перед окончательным голосованием правительственного проекта 28 мая 1910 года высказались против его принятия. Подавляющее же большинство фракции вместе с правыми проголосовало за правительственный законопроект.

Неоднозначной по финляндскому вопросу была и позиция кадетов. Еще 21 октября 1909 года при ЦК была создана в составе П.Н.Милюкова, А.И.Шингарева, Д.Д.Протопопова, В.Д.Набокова и В.М.Гессена комиссия по финляндскому вопросу. В ноябре 1909 г. финляндский вопрос был вынесен на обсуждение пар-

тийной конференции. В своем выступлении Милюков подчеркнул, что в отношении Финляндии «мы должны оставаться на точке зрения 1905 г.», т.е. требовать восстановления конституции. Вместе с тем он предложил уточнить 26 параграф программы³⁴ в плане «соотношения списка тех вопросов, которые подлежат рассмотрению и финляндских, и имперских законодательных учреждений». Милюков внес на рассмотрение конференции две резолюции. «Конференция, — говорилось в первой из них, — признает необходимым, чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для империи и Великого Княжества законы и устанавливающего порядок их законодательного разрешения был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и финляндского сейма, в установленном сеймовым уставом порядке». По существу в этой резолюции, единогласно принятой конференцией, была сформулирована идея «параллельного законодательства», с которой затем Милюков выступил в III Думе. Суть этой идеи сводилась к выработке компромиссного решения, которое позволило бы «примирить» самодержавие и финскую либеральную оппозицию. Вторая резолюция носила более общий, пропагандистский характер и предназначалась для публикации в печати. «Конференция полагает, — отмечалось в ней, — что изменение существующих отношений между Россией и Финляндией должно быть произведено с соблюдением законодательных прав финляндского сейма»³⁵. По решению конференции при ЦК была создана во главе с Ф.Ф.Кокошкиным новая комиссия по финляндскому вопросу.

В ходе обсуждения правительственного законопроекта в III Думе основной смысл выступлений кадетских лидеров сводился к доказательству довольно простой мысли: финляндский вопрос лучше всего решать «законными средствами», не прибегая к «ассирийским методам», пропонирующим финнов на активные ответные действия. «За этим законом, — говорил Милюков, — последует ненависть, злоба, отчаяние и борьба, за борьбой последует необходимость репрессий, а за ре-

прессией последует разгром. Правительство провоцирует страну на поступки, которые оправдают жестокие меры управления, а иначе оно управлять не умеет»³⁶. Довольно резкая критика в адрес правительства прозвучала в выступлении Ф.И.Родичева: «После акта бесправия, — заявил он, — только революция может поставить и государство, и народ на правовые рельсы. В этом-то господа, жесточайшая опасность всякого бесправного гнета; опасность его состоит в том, что этим уничтожаются легальные пути восстановления справедливости»³⁷.

По предварительному соглашению с прогрессистами, польским колом и мусульманами кадеты внесли в Думу декларацию, в которой осудили правительственный законопроект за то, что он противоречит Основным законам, является нарушением «торжественных обязательств, положенных в основу правового существования финляндского народа», грозит «нарушением национальных учреждений и быта», противоречит «сложившемуся национальному правосознанию финляндцев», наносит «огромный вред и правосознанию русского народа»³⁸. В заключении декларации все четыре фракции заявили, что «будут голосовать против перехода к постатейному чтению» законопроекта. Однако несмотря на это заявление кадеты все же приняли участие в постатейном обсуждении законопроекта. При этом они, видимо, питали иллюзию относительно октябристов, часть которых, как было отмечено выше, голосовала против передачи правительственного законопроекта в комиссию и только после отклонения правооктябристским большинством всех своих поправок кадеты покинули зал заседаний Думы.

Принятие закона 17 июня 1910 года послужило для царизма отправной точкой для последующих мер против Финляндии. В сентябре 1910 года Столыпин внес в III Думу два новых законопроекта: о уравнивании в правах русских поданных в Финляндии и об отбывании воинской повинности финских граждан. Октябристы оказали полную поддержку правительственным проектам. Что же касается кадетов, то их позиция была вы-

жидательной. Так, в ходе совещания с представителями финляндского сейма, состоявшегося 18 октября, Милюков уклонился от ответа на вопрос депутата сейма социал-демократа Нуортена: что предполагает сделать кадетская фракция для защиты Финляндии? Кадетская фракция, заявил Милюков, будет «всеми мерами вести прежнюю политику; но дать какие-либо обещания может только в конце месяца, когда наметит свою политику для текущего момента»³⁹.

13 ноября 1911 года во время обсуждения законопроекта о правах русских поданных в Финляндии в кадетской фракции возникли серьезные разногласия. Правые кадеты В.А.Маклаков, Н.А.Захарьев и Л.А.Базунов высказались за признание за русскими прав господствующей нации и за введение общеимперского законодательства в Финляндии. Милюков и Н.М.Фридман настаивали на отклонении всяких законов, направленных к угнетению финнов⁴⁰. 30 декабря 1911 года в Петербурге на частной квартире состоялось заседание ЦК кадетской партии, на которое были приглашены депутаты финляндского сейма Неовиус и Нуортена. Финские социал-демократы проинформировали кадетское руководство о настроениях в различных слоях финского общества. Указав, что социал-демократы и младофинны являются сторонниками пассивной борьбы, Неовиус и Нуортена обратились к кадетам с просьбой, чтобы те поддержали «всеми мерами грядущее финское сопротивление, иначе народ найдет иные пути для протеста и тогда его кровь будет на наших руках»⁴¹. Председательствующий на этом заседании Н.А.Гредескул высказался против любых форм борьбы и заявил, что «у нас есть другие пути». Он предупредил финнов, что во время приближающихся выборов в IV Думу «нельзя активно агитировать за автономию финнов, ибо даже русские радикальные группы не чужды волне национализма, прокатившейся по России, а подобная ситуация может отвратить от к.-д. Пусть лучше дела текут старым руслом, после новых выборов будут найдены и новые меры борьбы»⁴².

Согласно агентурным сведениям департамента полиции, Милюков, «обаяние которого очень сильно в Финляндии», после принятия III Думой закона о введении общеимперского законодательства «во всех своих увещеваниях финнов держался очень лояльной почвы. Он настаивает на том, чтобы финские протесты не выходили за пределы дозволенного в культурных государствах и продолжает уверять, что принятые русским парламентом и одобренные законы о финских делах никогда не претворятся в практическую жизнь. Как единственное средство борьбы он рекомендует самое широкое печатное слово»⁴³.

Несмотря на явное нежелание кадетов оказать реальную помощь Финляндии, финские либералы и социал-демократы не прерывали с ними контактов. Согласно агентурным сведениям департамента полиции, 22-23 февраля 1912 года в заседаниях ЦК кадетской партии принимали участие финские делегаты Кальстрем, Вреди, Ионингсен. На этих заседаниях вновь обнаружилось разногласия среди членов ЦК. Часть из них отстаивала требование полной автономии Финляндии. Другие во главе с М.В.Челноковым и М.М.Винавером считали, что принятые III Думой финляндские законопроекты являются «полезными и необходимыми». По мнению Челнокова и Винавера, отношения между Россией и Финляндией не должны выходить «из рамок отношений между метрополией и автономной колонией». Аналогичной точки зрения придерживались В.М.Гессен и Н.Н.Кутлер. В результате предложенная правыми кадетами резолюция прошла большинством голосов, что «вызвало большой скандал»⁴⁴. Все это не могло не привести сначала к настороженности, а затем и постепенному охлаждению отношений между кадетами и финскими либералами. Мало помогали делу платонические заверения кадетских лидеров в том, что они являются сторонниками «восстановления конституционных гарантий, данные Финляндии русскими монархами»⁴⁵.

Великодержавную позицию занимали либералы в польском вопросе. Октябристы и прогрессисты были

решительными противниками предоставления Польше не только права политической независимости, но и даже автономии в пределах «единой и неделимой» Российской империи. «Польская автономия, — писал Е.Н.Трубецкой, — в настоящее время не принадлежит к числу осуществимых, а, следовательно, и очередных. С этим волею-неволею приходится мириться, каков бы ни был наш образ мыслей. К тому же вопрос об автономии служит яблоком раздора между различными русскими партиями. Теперь не в интересах дела и не в интересах самих поляков его возбуждать»⁴⁶. По мнению октябристов и прогрессистов, полякам вполне достаточно предоставить право местного самоуправления, право учиться и судиться на родном языке, право религиозной свободы.

В свою очередь кадеты настаивали на том, что в условиях осложнившейся международной обстановки постановку польского вопроса следует ускорить, ибо это позволит расчистить путь и для решения общеславянской проблемы в целом. Как бы продолжая свой спор с А.И.Гучковым, начатый на нобрьском земско-городском съезде 1905 года, Струве считал, что с экономической точки зрения Польша более заинтересована в русском рынке, чем Россия в польском. «Русским, — писал он, — экономически почти нечего делать в Польше. Россия же для Польши ее единственный рынок». Поэтому, делал общий вывод Струве, «обладание царством Польским есть для России вопрос не национального самосохранения, а политического могущества». Развивая этот тезис, Струве писал: «Опираясь на экономическую прикрепленность Польши к России, мы должны воспользоваться ее принадлежностью к империи для того, чтобы через нее скрепить наши естественные связи с славянством вообще и западным в частности. Польская политика должна служить нашему сближению с Австрией, которая является по преимуществу державой славянской». Поэтому либеральная польская политика, считал Струве, в огромной «степени поднимет наш престиж в славянском мире»⁴⁷.

С особой остротой польский вопрос выдвинулся во время Балканских войн. «Решение польского вопроса, — преодоление русско-польского антагонизма, — писал Е.Н.Трубецкой, — вот истинный ключ к обладанию проливами и решению всего вообще ближневосточного вопроса»⁴⁸. Решение польского вопроса прогрессисты продолжали усматривать в предоставлении полякам местного самоуправления. По существу на эту же точку зрения встали и кадеты, выступившие с резкой критикой позиции коло во время обсуждения законопроекта о введении городского положения в Польше в IV Думе. Излагая позицию кадетов по польскому вопросу, П.Д.Долгоруков заявил: «Единственное правильное решение польского вопроса — дарование Польше широкой автономии в смысле местного законодательства и предоставлении широкого развития национального самосознания (полная свобода веротерпимости, язык, школа)»⁴⁹. Подобная постановка решения польского вопроса на деле свидетельствовала о сближении позиций кадетов с прогрессистами и левыми октябристами.

Великодержавную позицию занимали либералы в еврейском вопросе. На антисемитской платформе в еврейском вопросе стояли октябристы. Несмотря на то, что в их программе декларировалось требование равенства всех российских граждан без различия пола, национальности и вероисповедания, на деле они были последовательными и решительными противниками предоставления равноправия евреям. В 1905-1906 годах об этом прямо и откровенно заявляло правое крыло «Союза 17 октября» и его западные и юго-западные отделы. Что же касается «центра» партии, то он стоял за, так называемое, поэтапное решение еврейского вопроса, суть которого сводилась к следующему: «1) предоставить евреям свободу передвижения, но сохранить за населением отдельных местностей право не допускать евреев; 2) евреи без ограничения принимаются в средние и высшие учебные заведения, но только в том случае, если остались свободные места; 3) евреи допускаются к участию в местном самоуправлении, в частных

обществах и союзах, но в определенном отношении и т.д.»⁵⁰. И лишь незначительная часть левых октябристов высказывалась за немедленное предоставление евреям гражданских прав в полном их объеме.

В 1907-1914 годах октябристы отказались от своих «увлечений» периода революции. В III Думе они встали на путь ничем не прикрытого антисемитизма. Так, фракция октябристов вместе с крайне правыми принимала самое активное участие в травле евреев. Она высказалась за недопущение евреев в мировые судьи, за лишение их права застройки, за лишение избирательных прав в органы волостного земства и т.д.

Довольно близкие к октябристам позиции в еврейском вопросе занимали правые кадеты. В ходе дискуссии о «национальном лице» Струве сделал попытку дать теоретическое обоснование так называемой идеи ансемитизма, суть которой состояла в следующем. С одной стороны, она противопоставлялась «зоологическим» формам проявления черносотенного антисемитизма, а также еврейскому национализму-сионизму. «Сознательная инициатива отталкивания от русской культуры, утверждения еврейской «национальной» обособленности принадлежит не русской интеллигенции, — писал он, — а тому еврейскому движению, которое известно под названием сионизма»⁵¹. С другой стороны, Струве настаивал на том, чтобы русская интеллигенция прекратила заниматься проповедью филосемитизма и показала евреям собственное «национальное лицо» продемонстрировала на деле «открытый, мужественный и завоевательный национализм». По мнению Струве, ансемитизм, представлявший собой форму «этического национализма», является единственным правильным путем «для правового решения еврейского вопроса, чем безысходный бой, мертвая схватка — «антисемитизма» с «филосемитизмом»⁵².

Намечая пути реализации идеи ансемитизма, Струве настаивал на необходимости эмансипации евреев (привлечение на службу русской государственности), а также их ассимиляции с русской культурой. «Центр тяжести политического решения еврейского вопроса,

— писал Струве, — заключается в упразднении так называемой «черты оседлости». В решении проблемы Великой России и вообще для хозяйственного подъема страны евреи представляют элемент весьма ценный. В том экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников»⁵³. Позицию Струве по еврейскому вопросу разделяли члены ЦК кадетов В.А.Маклаков, Н.А.Гредескул, Д.Д.Протопопов, А.В.Тыркова и другие. «Я, — говорил Маклаков в кругу единомышленников, — отличный кадет. Я принимаю всю программу за исключением принудительного отчуждения земли, всеобщего избирательного права и равноправия евреев»⁵⁴.

Центральное руководство кадетов во главе с Милюковым вынуждено было отмежеваться от правого крыла собственной партии. Дело в том, что позиция Струве и его единомышленников в еврейском вопросе способствовала отталкиванию от кадетов еврейской буржуазии, которая через «Союз равноправия евреев», возглавляемый членом ЦК М.М.Винавером, оказывала кадетам материальную помощь. Немало представителей еврейской национальности было в самом ЦК, в редакциях кадетских органов печати, в составе столичных партийных организаций. И несмотря на все это кадетское руководство в условиях третьеиюньской политической системы все же не решалось поставить еврейский вопрос на повестку дня.

Эта позиция нашла свое отражение в решении совещания кадетской фракции с представителями партийных комитетов, состоявшемся 20-21 октября 1908 года. В этом решении подчеркивалось, что при постановке еврейского вопроса «необходима крайняя осторожность, и выставление своей программы по этому вопросу в III Думе было бы крайне рискованным»⁵⁵. Не хотели «рисковать» кадеты и в IV Думе. Достаточно сказать, что во время процесса над Бейлисом (1913 г.), спровоцированного крайне правыми и националистами

ми, кадеты предпочитали молчать. 13 октября 1913 года ЦК кадетов принял постановление, в котором говорилось: «Признать несвоевременными резолюции протеста по делу Бейлиса в общественных учреждениях, а также агитацию в широких слоях населения, высказаться против инициативы фракции к.-д. о внесении думского запроса в связи с тем же делом ввиду затруднительности его юридического обоснования»⁵⁶. Однако после завершения дела Бейлиса кадеты, стремясь как-то спасти свою репутацию в глазах еврейской буржуазии и интеллигенции, в ряде думских вступлений высказались за демократическое решение еврейского вопроса.

Великодержавную позицию занимали либералы и в украинском вопросе. Так, октябристы вообще отрицали существование такого вопроса и даже не включили украинцев в «список национальностей» (поляки, литовцы, немцы, татары, эстонцы, латыши, армяне, чехи и грузины), которым они намеревались предоставить право обучения в низшей школе на родном языке. Нескольким иначе к постановке и решению украинского вопроса подходили прогрессисты, выступавшие за развитие на Украине земских учреждений, за украинский язык в начальной школе. Они теоретически допускали возможность автономии Украины, правда, с оговоркой, «если в этом будет нуждаться народ»⁵⁷.

Для кадетов, поддерживавших традиционные связи с различными политическими направлениями и течениями украинского национального движения и имевших довольно разветвленную сеть местных партийных организаций на Украине, украинский вопрос оказался далеко не простым делом. С одной стороны, правое крыло кадетов во главе со Струве вообще считало украинский вопрос «вредной интеллигентской выдумкой», призывало объявить решительную борьбу против «украинского партикуляризма». Такая позиция вела к обострению отношений между кадетами и украинскими либералами, которые все чаще и чаще стали заявлять о том, что «ждать от великороссов энергичной активной защиты инородческих требований было бы на-

ивно»⁵⁸. С другой стороны, «Союз автономистов-федералистов», возглавляемый членом ЦК кадетской партии А.Р.Ледницким, относился сочувственно к требованиям украинских либералов. В свою очередь центральное руководство кадетской партии пыталось найти некую равнодействующую в украинском вопросе, которая, однако, проходила все же ближе к правому, чем к левому крылу партии. Следует также иметь в виду, что постановка украинского вопроса вела к тому, что кадеты, хотели они этого или нет, должны были раскрыть свою позицию по национальному вопросу вообще. Если попытаться кратко сформулировать суть требований украинских либералов, то их можно свести к следующим основным пунктам: 1) федеративное устройство государства; 2) национально-территориальная автономия Украины в этнографических границах; 3) широкая децентрализация и преобразование органов местного управления на демократических началах; 4) создание областного законодательного сейма, избранного на основе всеобщего избирательного права с равным, прямым и тайным голосованием; 5) наделение областного сейма законодательной инициативой по отношению к центральному общеимперскому законодательству; 6) введение всеобщего обучения на украинском языке на всех ступенях образования, а также допущение свободного употребления украинского языка в церкви, суде, органах местного самоуправления⁵⁹.

Реализацию этих требований украинские либералы во главе с М.С.Грушевским мыслили в рамках «единой и неделимой» Российской империи. При этом они выражали готовность отказаться от требования федерации, соглашались на сохранение русского языка в качестве государственного. Вместе с тем они продолжали настаивать на национально-территориальной автономии Украины, создании областного законодательного сейма. Однако эти в общем и целом умеренные требования украинских либералов оказались в принципе неприемлемыми для кадетской партии.

Позиция кадетского руководства была изложена Милюковым в 1909 г. на ноябрьской партийной конфе-

ренции, на которой присутствовали представители партийных комитетов с Украины, настаивавшие в своих выступлениях на необходимости постановки в III Думе украинского вопроса. В ответ на это Милюков заявил, что кадеты не намерены отождествлять себя с отдельными национальными группами. «Партия, — подчеркнул он, — не может сделаться ни украинской, ни балтийской, ни еврейской, хотя и должна пользоваться всякой практической возможностью выступать в защиту угнетенной национальности. И если сами национальные группы о взаимных своих интересах мыслят не всегда одинаково, то тем труднее для нашей партии сразу установить единую точку зрения, уравновесить все интересы»⁶⁰. Но кадеты пользовались «всякой практической возможностью» выступить в III Думе в защиту украинцев очень редко. Так, еще в марте 1908 года 12 членов кадетской фракции поставили свои подписи под законопроектом о введении украинского языка в начальных школах. В декабре 1909 года во время прений о местном суде П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев и И.В.Луцицкий высказались за допущение украинского языка в судопроизводстве. В ноябре 1910 года при обсуждении правительственного законопроекта о низшей школе Милюков и Луцицкий заявили о возможности обучения на украинском языке. Фактически вышеназванными мероприятиями и ограничилась деятельность кадетов в III Думе по украинскому вопросу.

В связи с усилением национального движения в 1912-1914 годах активизировалась деятельность украинских и либеральных, и радикальных партий. В 1912 году в Москве стал издаваться специальный журнал «Украинская жизнь», на страницах которого была напечатана избирательная платформа украинских либералов. Ее основные положения сводились к следующим требованиям: 1) введение преподавания на украинском языке в начальных школах в местностях с украинским населением; 2) введение в тех же местностях преподавания украинского языка, литературы, истории и украиноведения в качестве обязательных предметов в средних и высших учебных заведениях; 3) допущение

свободного употребления украинского языка в церкви, суде и во всех общественных учреждениях на Украине; 4) отмена исключительных положений на заграничные издания на русском и украинском языках⁶¹.

Данная избирательная платформа, требования которой ограничивались рамками культурно-национальной автономии, полностью удовлетворяла кадетов, вступивших в предвыборное соглашение с украинскими либералами. Но если для кадетов эта избирательная платформа представляла собой максимум требований, которые они соглашались отстаивать в IV Думе, то для украинских либералов она являлась тем минимумом, на которой они соглашались идти навстречу кадетам. Украинские либералы во главе с М.С.Грушевским прекрасно понимали, что кадеты никогда не согласятся на удовлетворение их требований не только о федерации, но и о национально-территориальной автономии. Тем не менее они продолжали питать иллюзию относительно того, что им рано или поздно все же удастся «вырвать» у кадетов согласие если не на федерацию, то, по крайней мере, на национально-территориальную автономию. Именно эти вопросы находились в центре оживленных дискуссий, которые шли на протяжении 1913-1914 гг. между кадетами и украинскими либералами.

Еще в декабре 1912 года на страницах журнала «Украинская жизнь» А.Л.Погодин высказал предложение о том, что представителям русских и украинских партий следует «съехаться и сговориться». «Мне кажется, — писал он, — что, обсудив хладнокровно и с достаточными данными в руках вопросы русско-украинских отношений, мы разъехались бы не врагами, а друзьями и союзниками»⁶². На переговоры о такой встрече потребовался почти год. И не случайно. Дело в том, что кадетское руководство вообще мало внимания уделяло разработке национального вопроса. Так, 20 сентября 1913 года на заседании МО ЦК Д.И.Шаховской вынужден был признать, что представители отдельных национальностей, не дождавшись ответа от кадетов, приступили к переговорам, с трудовиками о

подготовке съезда по национальному вопросу. «Если мы, — подчеркнул Шаховской, — не будем активны в отношении национального вопроса и не окажем должного внимания отдельным национальностям, они от нас уйдут и это повредит нам на выборах»⁶³. П.П.Долгоруков также считал, что «к сожалению, среди к.-д. совсем не замечается интереса к национальным вопросам»⁶⁴. На заседании вновь — какой уже раз — было принято решение о создании специальной комиссии в составе П.Д.Долгорукова, Ф.Ф.Кокошкина, А.Р.Ледницкого, Б.А.Кистяковского, В.П.Обнинского и М.И.Комиссарова для предварительной разработки национального вопроса⁶⁵. 5 октября 1913 года на заседании МО ЦК в ходе обсуждения национального вопроса Милюков сделал следующее признание: «На Кавказе почва для к.-д. утрачена, вследствие обострения национальных вопросов». В свою очередь Д.Д.Протопопов обратил внимание членов ЦК на недовольство кадетами финнов, которое выразилось в «непослании ими депутации на юбилей «Русских ведомостей»⁶⁶.

7 октября 1913 года на заседание МО ЦК были приглашены представители киевского комитета И.Н.Полторацкий, Е.Г.Шольп, бар. Ф.Р.Штейнгель, В.А.Коссинский, Н.П.Василенко и М.М.Могильницкий. Лидеры киевских кадетов изложили платформу по украинскому вопросу. Отрицая обвинения в адрес украинцев в сепаратизме, Штейнгель заявил: «Есть только стремление, чтобы на Украину смотрели как на область, имеющую такое же право на автономию, как и Польша. Мы стремимся через автономию перейти к национальному бытию. Доминирующая роль в автономной украинской области должна принадлежать украинцам, но другие национальности не должны быть подавляемы. Для нас, кроме общегосударственных свобод, нужна свобода языка. Без этого невозможна пропаганда в крестьянских массах». Василенко настаивал на необходимости уравнивания в правах «недержавных» национальностей с «державными»⁶⁷.

Против требований украинских кадетов дополнить программу партии пунктом об автономии Украины вы-

сказались П.Д.Долгоруков и П.Н.Милюков. «По условиям момента, — заявил Милюков, — сейчас своевременно говорить о расширении прав самоуправления, но не провозглашать национальную автономию»⁶⁸.

В начале февраля 1914 года состоялась поседка Милюкова в Кисв. В ходе переговоров с украинскими кадетами Милюков высказался против федерации, предупредив своих коллег о том, что «партия к.-д. не только отрицает возможность федерации в близком будущем, но и будет бороться против самого принципа федерации, как утопического, хотя федералисты и не посягают ни на единство России, ни на монархический принцип». Выступая 19 февраля 1914 года в IV Думе по поводу запрещения Шевченковских торжеств, Милюков реализовал свои угрозы в адрес украинских федералистов-автономистов. Он со всей определенностью заявил, что кадетская партия никогда не поддержит лозунг федерации и она не имеет ничего общего с позицией федералистов-автономистов. Единственным, на что партия может согласиться, это признать законными требования украинцев в пределах культурно-национальной автономии⁶⁹.

Заявление Милюкова вызвало недовольство со стороны украинских кадетов, лидеры которых стали настаивать на переговорах уже не лично с Милюковым, а с ЦК кадетской партии. Сам Милюков считал возможным согласиться на такую встречу и договориться с украинцами относительно законопроектов «о языке в начальной и средней школе, и в суде, и о кафедрах украиноведения в южных университетах». Если же, заявил он, украинцы «будут демонстративно настаивать на своих широких требованиях, то от них придется отгораживаться»⁷⁰.

17 марта 1914 года состоялось пленарное заседание ЦК, которое явилось своего рода «репетицией» перед встречей с украинцами. Вновь проинформировав членов ЦК о результатах своих переговоров с украинцами, Милюков со всей определенностью заявил: «Он считает постановку вопроса о федеративной связи Украины с Россией вредной и будет бороться против нее»,

что «он не может признавать за всеми народностями, населяющими Россию, права на автономию и что автономия может быть признана только тогда, когда она выходит из коренных потребностей нации». В основу же соглашения с украинцами «он может ввести только право культурно-национального самоопределения и исполнение очередных задач: свободу языка в школе и суде, устройство кафедр и т.д.⁷¹. Далее Милюков отметил, что после его выступления в Думе состоялась вторичная беседа с украинцами, в ходе которой выяснилось, что они как минимум требуют национально-территориальной автономии Украины «с отдельными провинциями, со своим бюджетом, войском и т.д.» Участники заседания, отмечается в протоколе, высказали пожелание, чтобы Милюков в своем ответе украинцам разъяснил, что в вопросе «о национальных требованиях к.-д. не могут пойти далее указанных пределов программой партии и поэтому при настоящих условиях возможно говорить только о национальном самоопределении и широком областном управлении, может быть с некоторыми местными особенностями»⁷².

23 марта 1914 года национальный вопрос оказался в центре внимания кадетской партийной конференции. Инициатором его постановки на сей раз выступил Н.В.Некрасов, который заявил: «Не трудно предвидеть, что наступят бурные времена, когда все вопросы будут поставлены остро, и не лучше ли теперь заняться выяснением национальных требований, в мирное время, когда мы еще можем говорить не с одной пеною у рта. Хуже будет, когда они резко всплывут на поверхность в бурное время». Хотя сам Некрасов в национальном вопросе придерживался умеренной позиции, тем не менее его выступление было встречено в штыки большинством членов ЦК.

Так, Кокошкин высказался против постановки национального вопроса на основе лозунга «право на политическое самоопределение». По его мнению, эта формула «могла быть растянута до союза суверенных государств включительно. Политическое самоопределение не может быть признано для всех национальностей

еще и потому, что многие национальности перепутаны на одной территории. Этот вопрос страшной сложности. Возбуждение национального вопроса по такой формуле сопряжено было бы с большими опасностями»⁷³.

Точку зрения Кокошкина поддержал А.М.Колюбакин, выступивший против отделения хотя бы «единой пяди русской земли». «Надо, — заявил он, — чтобы всем народностям предоставлены были права на широкое самоуправление, на родной язык и проч.»⁷⁴. Подводя итог дискуссии, Милюков заявил: «Достижение национальностями даже тех прав, которые указаны в 24 параграфе программы к.-д., прав на культурное самоопределение, — является задачей на многие годы. И если хотят дела, а не деклараций, пусть не перегружают нас широкими требованиями и не отягчают нашего положения, чтобы не было снова крушений. Ведь крушение 1905 г. было результатом не только широты нашей программы, но и следствием упорно распускавшейся клеветы, будто мы собираемся делить Россию на части»⁷⁵. По мнению Милюкова, «практически последовательный и постепенный путь должен заключаться в том, чтобы с каждой национальностью предельно договориться на почве ее реальных ближайших нужд».

О том, как кадеты пытались «договариваться» с каждой национальностью в отдельности, свидетельствует обсуждение украинского вопроса 24 марта 1914 года, которое имеет принципиально важное значение для понимания позиции кадетской партии по национальному вопросу вообще. В своем выступлении Милюков, выразив согласие с требованием украинцев относительно права на культурное самоопределение, категорически высказался против как федерации, так и национально-территориальной автономии. Он заявил, что в данный момент «достаточно остановиться пока на признании необходимости широкого самоуправления». Сразу же после выступления Милюкова слово взял лидер украинских либералов М.С.Грушевский, который попытался разъяснить членам кадетского ЦК, почему киевские кадеты настаивают на необходимости поста-

новки вопроса о федерации и автономии. «Широкая постановка вопроса, — отмечал он, — нужна была и для осведомления общественного мнения о действительных нуждах украинства, и для выяснения, с другой стороны, отношения великорусских прогрессивных элементов к этим нуждам». В данный же момент «центр тяжести политической программы украинских групп — в автономии». И если партия кадетов «сознает серьезность этого постулата украинцев, это, конечно, нисколько не обяжет ее включить автономию Украины в свою ближайшую программу. Важно пока лишь принципиальное признание». Если же кадеты в принципе не признают автономию Украины, то украинские группы могут пересмотреть «свою политическую тактику». Другой представитель украинских либералов Е.Г.Шольп заявил, что если кадеты выскажутся против лозунга федерации, то члены кадетской партии в Юго-Западном крае выйдут из состава партии.

Сразу же после выступлений украинцев слово взял Ф.Ф.Кокошкин. По его мнению, следует вообще «оставить вопрос о федеративном строе России, а говорить только об автономии». И как бы спохватившись, что допустил тактический промах, обмолвившись об автономии, Кокошкин тут же заявил: «этот вопрос не из тех, которые стояли бы на очереди ближайшего дня, как признают сами украинцы, и П.Н.М. (Милюков — В.Ш.) отнес его к музыке будущего». Указав, что в данный момент «ограничиться одной украинской автономией не удастся», ибо «сейчас же явятся со своими требованиями и другие группы», Кокошкин подчеркнул, что такая широкая постановка национального вопроса поставила бы партию кадетов в критическое положение. «Результат будет ясен: гибель будет грозить с двух сторон или там, на окраинах, выйдут из партии, или здесь в центре. Если вопросы о национальной автономии будут поставлены конкретно, то в ближайший следующий момент освободительное движение потерпит неизбежное крушение, так как неизбежны будут столкновения между самими недержавными народами... Трудно заставлять национальные группы

удерживать у себя внутри проявляющиеся стремления к автономии, но еще труднее положение партии к.-д. В 1905 г. ясно звучала общая задача — добиться прав человека и гражданина, между отдельными соединившимися группами, не было торга о взаимных выгодах; теперь звучат совершенно иные ноты... Прогрессивные элементы далеко еще не хозяева положения да и не доберутся до такого положения при том грузе, какой наваливают на них национальные требования.

Позиция кадетского руководства была прекрасно понята украинскими либералами. Об этом свидетельствуют дальнейшие выступления М.С.Грушевского, Н.П.Василенко и М.А.Славинского. «Речь Милюкова в Думе, — говорил Грушевский, — заставляет украинцев опасаться, что в партии к.-д. они могут встретить решительную оппозицию своим жизненным интересам». Если в 1905 году 24 параграф кадетской программы удовлетворял всех, то «теперь, — отмечал Славинский, — уже выяснилось, что политическая свобода господствующей народности может совмещаться с полным отрицанием прав народностей недержавных». Если же кадеты не пойдут «навстречу национальным течениям, — продолжал Славинский, — то эти течения пойдут боковыми руслами к невыгоде как для партии, так и для самого дела свободы России». Если же кадеты уклонятся от контактов с национальными группами, то им «грозили бы перспективы из общеимперской превратиться в одну из великорусских прогрессивных партий». Но, видимо, почувствовав, что кадетское руководство на испуг взять нельзя, Славинский закончил свое выступление на иной ноте. «Сейчас никто не требует изменять по существу 24 параграф программы партии, надо лишь яснее поставить вопрос об отношении к автономии. Если партия хочет оставаться общеимперской, она должна пойти навстречу национальным требованиям». Как бы продолжая мысль своего коллеги, Грушевский также подчеркнул: «Украинцы изменения программы к.-д. не требуют, но хорошо бы, чтобы из уст деятелей партии в Государственной думе, в рамках 24 параграфа совершенно категорически или

в приблизительных выражениях заявлено было о готовности работать для автономии Украины и те же мысли выражены были бы в близкой партии прессы. Для украинцев важно получить открытые уверения в сочувствии украинской автономии. Если к.-д. в этом откажут, украинцам придется искать в других думских группах ораторов, которые ставили бы их требования».

Почувствовав, что украинские либералы начинают капитулировать, Милюков, взяв инициативу в свои руки, предложил им еще более урезать свои требования. Он настоятельно рекомендовал им отказаться от лозунга автономии Украины, которому он «лично симпатизирует», но как «ответственный политический деятель настоящего момента» считает его невозможным поставить на очередь. Милюков пытался внушить украинским либералам мысль о том, что если «требования одной какой-либо национальности к имперской партии и ею принятые, тем самым делаются достоянием уже не одной национальности, а являются общей нормой для прочих. Автономисты-федералисты украинские, предъявляя свои требования, очевидно, готовы к установлению нормы, которая явится обязательной по отношению и ко всем другим национальностям; партия же к.-д. видит, что не у всех народов эта потребность одинаково назрела и предпочла бы практиковать этот вопрос в отдельности». По мнению Милюкова, «при попытке раскрыть скобки 24 параграфа не оказывается налицо ни организаций, которые имели бы достаточные полномочия осуществить автономию, ни даже стихийной исторической необходимости. Поэтому лучше пока остаться при 24 параграфе, не раскрывая скобок. Что же остается партии к.-д. как имперской делать в Думе и в партийной печати в пользу украинского движения? Говорить с кафедры об идейном сочувствии автономии партия не может, так как в политике обращаются с реальными величинами». В заключение своего выступления Милюков сам решил припугнуть украинских либералов, заявив, что он лично «готов будет уйти из партии к.-д., если она заявит себя сторонницей федерализма... Украинцы должны

понять, что поведение к.-д. диктуется именно тем, что они имперская, и не великорусская партия. Лучше пусть потерпят крушение некоторые излишние требования и надежды украинцев, чем партия к.-д., взяв на себя несвоевременные и непосильные задачи, самосохранение требует от к.-д. не выходить за определенные границы»⁷⁶. Выступление Милюкова окончательно поставило все точки над «и». Было предельно ясно, что кадетское руководство не намерено идти на какие-либо уступки украинским либералам.

Особую остроту национальные проблемы приобрели в годы первой мировой войны. «Из всех вопросов нашей внутренней жизни, выдвинувшихся в непосредственной связи с войной, — писал Ф.Ф.Кокошкин, — первое место принадлежит, бесспорно, национальному вопросу»⁷⁷. Война с логической неизбежностью выдвинула вопрос о необходимости единения всех национальностей. «Идущие в бой инородцы, — подчеркивал Кокошкин, — должны знать, что они идут на защиту общего отечества, которое для них не чужой, а свой дом, в котором есть место для свободной жизни и развития их народности. Население окраин, угрожаемых неприятельским нашествием, должно чувствовать себя живой неразрывной частью государственного организма, связанной с его центром своими насущными жизненными интересами»⁷⁸.

Кадеты прекрасно понимали, что национальная политика царизма способствовала усилению сепаратистских тенденций, а это затрудняло их задачу удерживать под своим идейно-политическим влиянием национальные отряды либеральной оппозиции. Вместе с тем они должны были учитывать активизацию националистических настроений не только в национальных регионах страны, но и в эмиграции. Известно, что еще в 1912 году в Париже был создан «Союз национальностей», которому в конце 1916 года удалось провести в Лозанне съезд представителей народностей России⁷⁹. И, наконец, кадеты вынуждены были принимать в расчет международную обстановку, позиции воюющих

стран, пытавшихся использовать в своих интересах остроту национального вопроса в России.

Однако определяющее влияние на разработку либералами национального вопроса в 1914-1917 годах оказала внутривнутриполитическая ситуация в стране. С первых дней войны кадеты, отказавшись от оппозиционной борьбы с правительством, подчеркивали необходимость «сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами»⁸⁰. Делая акцент на унитарном характере государственного устройства России, кадеты еще с большей силой стали подчеркивать свое неприятие лозунгов политического самоопределения народов, федеративного устройства государства, территориальной автономии.

В своих думских выступлениях по национальному вопросу они стремились не выходить за рамки программы Прогрессивного блока. Суть этой программы сводилась к следующим четырем пунктам: 1) разрешение русско-польского вопроса, а именно: отмена ограничений в правах поляков на всей территории России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии Царства Польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении; 2) вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности, дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения, отмена стеснений в выборе профессии, восстановление еврейской печати; 3) примирительная политика в финляндском вопросе, в частности, перемены в составе администрации и Сената и прекращение преследований должностных лиц; 4) восстановление малорусской печати, немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и ссыльных и освобождение тех из них, которые подверглись преследованиям⁸¹. Вместе с тем собственно партийная деятельность кадетов по национальному вопросу в 1914-1917 годы была гораздо шире и продуктивнее, чем думская. При ЦК действовали комиссии по еврейскому вопросу (председатель

М.М.Винавер), украинскому (А.А.Корнилов и В.И.Вернадский), польскому (П.Н.Милюков, Ф.Ф.Кокошкин, А.А.Корнилов, Д.Д.Протопопов), армянскому (П.Н.Милюков, М.С.Аджемов, А.К.Дживилегов, М.И.Пападжанов), литовскому (М.С.Монас, М.М.Винавер, Ф.Ф.Кокошкин, П.Н.Милюков, Н.П.Василенко, В.И.Вернадский, А.А.Корнилов, М.М.Ичас, Д.Д.Гримм и Н.А.Гредескул).

Из всех вышеназванных национальных проблем, по которым были созданы специальные комиссии, наиболее слабо разработанными оказались еврейский и украинские вопросы. Выступать с инициативой их постановки в Думе кадетские лидеры считали нецелесообразным: первого — в связи с ростом антисемитизма и шпиономании, искусственно раздувавшихся черносотенной пропагандой, а второго — в связи с событиями в Галиции и позицией правительства и крайне правых националистов в отношении западных украинцев. Трем же остальным вопросам (польскому, армянскому и литовскому), которые в годы войны приняли международный характер, было уделено самое пристальное внимание.

14 августа 1914 г. было опубликовано обращение главнокомандующего вел. кн.Николая Николаевича к полякам, в котором им были обещаны свобода вероисповедания, сохранение языка и дарование Польше самоуправления под скипетром русского царя. Кадеты считали, что при разработке польского вопроса «необходимо стоять на почве воззвания главнокомандующего к полякам» и не выходить за пределы «польской автономии 1905 г.»⁸².

Они самым категорическим образом высказались против предоставления Польше политической независимости. «Сейчас, — заявил на заседании ЦК 7 октября 1914 г. Милюков, — независимая Польша, в силу тех или иных обстоятельств, могла бы занять враждебную позицию по отношению к России, и надо пока ее придержать»⁸³. Допуская в исторической перспективе возможность предоставить Польше автономию в этнографических границах, Милюков подчеркнул, что это

решение должно быть обязательно проведено «через российские законодательные учреждения, через органы российского народного представительства»⁸⁴. Иной же путь предоставления Польше автономии (например, в порядке статьи 87 Основных законов или тем более революционного переворота) Милюков считал вообще неприемлемым. «Все подобные экстраординарные способы решения вопроса, — заявил он, — действительно находились бы вне пределов партийной программы к.-д.». Предоставление автономии Польше исключительно законодательным порядком позволило бы, по его мнению, с одной стороны, разработать перечень вопросов, ограничивающих права сейма, а с другой — вывести польских представителей из Государственной думы, избежав тем самым возможности их «вредного влияния на чисто русские дела»⁸⁵.

Последовательным и бескомпромиссным противником предоставления политической независимости Польши выступал П.Б.Струве. «Выделение Польши как независимого государства, — заявил он, — имело бы громадные и вредные последствия»⁸⁶. И только один из участников этого заседания А.А.Корнилов допускал, «что может быть полная независимость Польши для русских интересов лучше, чем оставление польского представительства в Думе»⁸⁷. Дискуссия и на этом заседании не привела к каким-либо определенным результатам. Члены ЦК кадетской партии с нетерпением ждали завершения работы над «Проектом закона об устройстве Царства Польского», автором которого являлся Ф.Ф.Кокошкин.

Основное содержание проекта Ф.Ф.Кокошкина сводилось к следующим положениям. Царство Польское должно составлять «нераздельную часть государства Российского» и, следовательно, подлежало «действию общегосударственных законов и установлений». Согласно проекту, Польша в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу с законодательным однопалатным сеймом, избранным на основе всеобщего избирательного права. К компетенции сейма были отнесены следующие вопросы: установление и

отмена налогов, податей и повинностей (за исключением государственных монополий, таможенных пошлин и акционерных обществ), рассмотрение и утверждение бюджета и др. Посреднические функции между сеймом и царем должен был осуществлять особый статс-секретарь, который назначался монархом. Во главе управления Польши находился наместник, тоже назначаемый и увольняемый царем. Наместнику передавались функции по назначению и увольнению министров, а за монархом оставались права роспуска сейма и утверждение всех принимаемых им законов. Проект предусматривал также отмену вероисповедальных ограничений, вводил употребление «местных языков» как в делопроизводстве, так и в преподавании. Однако официальным языком сношений между польскими общегосударственными учреждениями, а также ответы на обращения русских подданных должны были производиться исключительно на русском языке⁸⁸.

Проект Кокоскина на протяжении 1915-1916 годов неоднократно обсуждался на заседании ЦК кадетской партии. Так, на заседании ЦК 31 марта 1916 года А.Р.Ледницкий выразил свое несогласие с проектом и высказался за предоставление Польше полной политической независимости. «Для поляков же, — говорил он, — точка зрения автономии создаст прямо критическое положение, она ставит их против России»⁸⁹. Ледницкий предупредил, что в случае опубликования проекта в печати его личное положение как поляка было бы безвыходным, и он принужден был бы уйти из партии». В свою очередь кн. Д.И.Шаховской, стремясь как-то разрядить ситуацию, заявил: «Если демократия в России возобладает, надо думать, что демократическая Россия выскажется за самостоятельность Польши; но это еще вопрос будущего, относительно которого партия не может брать на себя никаких обязательств». А.А.Корнилов считал, что следует заявить о признании желательности восстановления Польши в этнографических границах, но что же касается предоставления ей полной самостоятельности, то это «может быть и нежелательно»⁹⁰. Подводя итоги дискуссии, Милюков за-

явил: «в деле освобождения Польши нельзя идти дальше предоставления ей самой широкой автономии. Он считает это жизненным вопросом для России, и принадлежность к партии для него менее важна, чем соблюдение жизненных интересов России»⁹¹.

Военные поражения России на фронтах, ослабление ее международного престижа, появление разного рода проектов о внесении существенных корректив в политическую карту Европы, разрабатывавшихся как в странах австро-германского блока, так и Антанты, заставляли кадетов вновь и вновь возвращаться к польскому вопросу. В мае 1916 года на заседании МО ЦК был заслушан доклад кн. П.Д.Долгорукова о Польше. Считая в настоящее время польский вопрос «скорее тактическим, чем программным», докладчик подчеркнул, что его решение самым непосредственным образом связано с тем или иным исходом войны. Далее он наметил три возможных варианта этого исхода: 1) условия мира будут продиктованы державами австро-германского блока; 2) Россия вместе со своими союзниками продиктует условия мира центральным державам; 3) война кончится вничью и победителей вообще не будет.

При первом исходе войны кадетская партия вообще будет не в состоянии «повлиять на решение польского вопроса». Во втором же случае все три части Польши должны быть соединены в самостоятельное государство, имеющее выход к Балтийскому морю. Учитывая такую возможность, ЦК кадетов должен заранее разработать и внести от имени России на рассмотрение международного конгресса специальный акт о восстановлении независимости Польши в ее этнографических границах. Наконец, при третьем исходе возможен лишь *Status quo ante bellum* и Россия в состоянии будет иметь влияние только в той части Польши, которая входила в ее состав до войны. Ратуя на словах за предоставление Польше широкой автономии, Долгоруков с особой силой подчеркнул, что желанию поляков «восстановить самостоятельное польское государство, хотя

в пределах русской Польши, следует отнести отрицательно»⁹².

На заседании МО ЦК 8 ноября 1916 года были приняты специальные тезисы по польскому вопросу, суть которых сводилась к следующим пунктам. Во-первых, в них подчеркивалось, что выступление партии с признанием о независимости или вообще с какими-либо проектами устройства Польши несвоевременно, ибо нельзя «забывать, что независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России» и поэтому никто не дает «нам права от имени России соглашаться на такое умаление ее силы». Во-вторых, признание независимости Польши «навлечет на партию нападки справа и со стороны правительства» и в связи с этим позиция партии будет ослаблена, а «мы сильны сейчас именно тем, что стоим на почве охраны интересов государства». В-третьих, так как польский вопрос уже приобрел в настоящее время международный характер, то для его решения потребуются соответствующий международный акт. В-четвертых, каким бы ни оказалось в будущем устройство Польши «во всяком случае мы не можем себе представить ее иначе, как соединенной известной связью с Россией»⁹³. В этом итоговом документе, принятом за два с небольшим месяца до Февральской революции, с предельной откровенностью была изложена окончательная позиция кадетской партии по польскому вопросу.

2 и 6 ноября 1914 года на заседаниях ЦК были заслушаны и обсуждены два сообщения Милюкова по армянскому вопросу. Отметив, что армяне, проживающие в шести вилайетах Турции, ждут от наместника на Кавказе воззвания подобно тому, с каким обратился главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич к полякам, Милюков изложил три возможных комбинации решения армянского вопроса. Во-первых, среди определенной части армянской интеллигенции циркулирует мысль о возможности создания после войны политически независимого «Великого Армянского государства», состоящего как из русских, так и турецких территорий. Во-вторых, более широкое распростране-

ние получила идея об образовании в тех же вилайетах автономной Армении под формальным протекторатом Турции. И, наконец, третья комбинация заключается в аннексии турецкой части Армении Россией. Возможная реализация этих комбинаций, продолжал он, имеет трудности международного характера, ибо в этом регионе сталкиваются интересы многих стран. Однако более политически реальным решением для России явилась бы аннексия Армении, ибо, считал Милюков, «нам надо иметь армян вместе, иначе они будут игралищем и орудием против нас, как и поляки до сих пор. Конечно, при объединении армян надо было бы позаботиться, чтобы это не было объединением на русском бесправии»⁹⁴. Более того, продолжал он, «если Армения будет конституироваться в своих этнографических границах, со стороны Европы не будет возражений против аннексии ее Россией»⁹⁵. Две другие комбинации решения армянского вопроса Милюков считал невыгодными для России.

Позиция Милюкова была поддержана большинством участников заседания. Так, В.И.Вернадский категорически выступил против единого и политически независимого армянского государства, считая, что его создание на побережье Черного моря было бы «для русских интересов совсем нежелательно». Что же касается автономии Армении под протекторатом Турции, то это тоже «грозило бы неприятностями при международных осложнениях». В автономной Армении, подчеркнул Вернадский, «Россия скорее будет иметь врага, чем друга»⁹⁶. С его точки зрения, самым оптимальным решением являлась бы аннексия Армении, которая «связала бы армянскую интеллигенцию с русскими интересами и в общем больше гарантировала бы интересы демократии». Такой же точки зрения придерживался И.И.Петрункевич. «В автономной Армении под суверенитетом Турции, — говорил он, — Россия имела бы беспокойного соседа, постоянно стремящегося присоединить к себе армян из соседних областей; это был бы постоянный нарыв под боком тем более что и европейские державы, несомненно, постараются и свои инте-

ресы проводить в автономной Армении. Поэтому и в торговом, и в военном отношении выгоднее была бы аннексия Армении к России с некоторой полосой Черного моря, как моря русского»⁹⁷. К позиции кадетского руководства в армянском вопросе были близки видные либеральные представители армянской интеллигенции М.С.Аджемов, А.К.Дживилегов, М.И.Пападжанов и др.

В 1916 году комиссия при ЦК по литовскому вопросу обсудила проект П.С.Монаса об автономном устройстве Литвы. Этот проект, состоявший из шести разделов и 36 статей, строился на тех же исходных принципах, что и проект закона об устройстве Польши. Согласно проекту Монаса, Литва в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу и составляла «нераздельную часть Российского государства». На Литву распространялись «общие гарантии гражданской и политической свободы, установленные общегосударственными законами», которые в случае необходимости могли быть расширены местным литовским законодательством». В своих внутренних делах Литва должна была управляться особыми установлениями, на основе особого законодательства.

Литовский однопалатный сейм избирался на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Принятые сеймом законопроекты подлежали утверждению царем. Причем из компетенции сейма исключался весьма значительный круг вопросов: внешняя политика, бюджет, средства коммуникации общероссийского характера, армия и флот, дела православной церкви, уголовное законодательство. По существу в сфере его компетенции оставались лишь местные налоги, подати, пошлины, сборы и повинности, а также смета и роспись доходов и расходов. В проекте отмечалось, что литовское население имеет право отбывать воинскую повинность в сухопутных войсках, расположенных в Литве. На литовском языке должно было вестись и все делопроизводство в законодательных, судебных, административных, а также казенных учебных заведениях. В роли посредника между царем и

сеймом выступал статс-секретарь, который назначался верховной властью из числа граждан Литвы. Им на одобрение царя и предоставлялись законопроекты, принятые сеймом. Во главе особого управления в Литве находился наместник, назначаемый верховной властью из числа граждан Литвы. Высшим судебным учреждением Литвы должен был стать Сенат.

После Февральской революции позиции кадетов по национальному вопросу по существу остались неизменными. Он был подвергнут обстоятельному обсуждению на VIII съезде кадетской партии (май 1917 г.), на котором был заслушан доклад Ф.Ф.Кокошкина «Об автономии и правах национальностей» и внесены изменения в соответствующие разделы партийной программы. На IX съезде кадетской партии (июль 1917 г.) по национальному вопросу был заслушан доклад Б.Э.Нольде и принята специальная резолюция.

Подчеркнув свою приверженность принципу сохранения единой и неделимой России, оба докладчика и большинство делегатов партийных съездов высказались против предоставления народностям права политического самоопределения, так и национально-территориальной автономии. На данном историческом отрезке в условиях политической дестабилизации и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны по национально-территориальному принципу, на чем настаивали представители отдельных национальностей, с логической неизбежностью привело бы «к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)⁹⁸. Наиболее оптимальным решением национального вопроса в рамках полиэтнического государства, по мнению кадетских теоретиков и политиков, должно было стать предоставление народностям не территориальной, а культурно-национальной автономии.

Наряду с этим кадеты считали вполне назревшим распространение местного самоуправления на всю территорию России. Губернским и областным земствам

предоставлялись автономные права, включая издание местных законов, в сфере хозяйственной, культурной и культурно-национальной жизни. Однако при этом местное законодательство не должно было противоречить общегосударственному законодательству. Общегосударственным органам власти предоставлялось право в случае необходимости применять вето по отношению к местному законодательству.

Губернские и областные органы местного самоуправления могли вступать между собой «в срочные и бессрочные» соглашения для совместного осуществления общих задач и образовывать для этой цели «временные или постоянные союзы». Изменения территориальных границ губерний и областей, а также их разделение и слияние могло быть осуществлено «по инициативе и с согласия подлежащих местных представительных собраний и в соответствии с желаниями местного населения», но только в порядке общегосударственного законодательства. Что же касается урегулирования взаимоотношений России с Польшей и Финляндией, то эти вопросы, по мнению кадетов, должны быть решены Учредительным собранием.

Большое внимание в докладах и резолюциях партийных съездов было уделено проблемам языка. Кадеты особо подчеркивали, что русский язык должен сохранить статус не только общегосударственного, но и должен быть языком межнационального общения. В местных государственных и общественных учреждениях, содержащихся за счет государства или органов самоуправления, устанавливалось право употребления местных языков соответственно национальному составу населения. При этом должны быть в порядке общегосударственного законодательства обеспечены права русского языка и языков национальных меньшинств. Населению каждой местности предоставлялось право получения начального, а по возможности, среднего и высшего образования на родном языке.

Разработанный в конкретных условиях начала XX века либеральный вариант решения национального вопроса являлся, на мой взгляд, наиболее оптималь-

ным, ибо создавал условия и предпосылки для сохранения единства исторически сложившегося полиэтнического российского государства. При наличии конституционного закрепления гражданских и политических прав личности этот вариант гарантировал ее права и в сфере культурно-национальных отношений. Либеральный вариант был рассчитан на компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, предоставляя реальный шанс избежать насильственного решения национального вопроса, а, следовательно, и распада Российской империи.

Глава третья

РАЦИОНАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Проблема модернизации России является одной из центральных в теоретическом наследии идеологов русского либерализма в начале XX века. Известно, что еще легальные марксисты, ставшие позднее идеологами либерализма нового типа, предприняли плодотворную попытку теоретически сконструировать «идеальную» модель капитализма как самонастраивающейся и саморегулируемой системы общественных отношений, способной избежать социальных катаклизмов. Анализируя происходившие структурные сдвиги в мировой капиталистической экономике на рубеже двух веков, либеральные теоретики полагали, что в данных формах организации и функционирования она действительно достигла своего предела, за которым реально возможен социальный катаклизм. Но в отличие от многих ведущих теоретиков социал-демократии, увидевших в империалистической стадии капитализма канун мировой социалистической революции, идеологи нового либерализма считали, что на данном этапе речь может и должна идти не о крахе частной собственности как таковой, а именно устаревших форм организации капиталистического хозяйства. Катаклизм, считали они, будет принципиально иного порядка, чем тот, которого ожидали марксисты, что речь идет о замене устаревших и изживших себя форм организации капиталистического хозяйства другими, более совершенными формами, отвечающими достижениям мировой науки и технологии, требованиям новой, более рациональной организации производства и труда.

В контексте этой теоретической посылки о возможности преодоления кризисных явлений в экономике в рамках капиталистической системы русские либералы рассматривали и проблему модернизации России. При этом они отдавали себе отчет в том, что речь идет о модернизации экономики страны догоняющего типа развития, где все процессы осложнены многочисленными реликтовыми наслоениями, пронизывающими все стороны общественной жизни и общественного сознания.

Разрабатывая модель экономики страны догоняющего типа развития, либеральные теоретики особое внимание уделяли проблеме системного развития ее производительных сил. «Подъем производительных сил, — писал П.Б.Струве, — должен быть понят и признан, как национальный идеал и национальное служение»¹. «Подъем производительных сил, — подчеркивал С.А.Котляревский, — есть в настоящее время подлинная национальная задача, национальная обязанность современных поколений, от которой зависит политическое и культурное будущее России»². Развитие производительных сил должно было способствовать решению целого комплекса задач.

Во-первых, превратить Россию из аграрно-крестьянской страны в развитую индустриальную державу, ликвидировав тем самым ее отставание от западноевропейских стран и США. Во-вторых, сформировать средний класс и упрочить его экономическую мощь и политическое влияние, преодолев тем самым резко полярную социальную стратификацию. В-третьих, подвести прочную экономическую базу под систему социальных реформ, рассчитанных в своей совокупности на повышение материального благосостояния основной массы населения. В-четвертых, реализация социальных реформ позволила бы в конечном счете избежать социальных катаклизмов, стабилизировать через систему институтов представительной, исполнительной и судебной власти политическую обстановку в стране.

Что же мешало, по мнению либералов, развитию производительных сил в России и какие меры следова-

ло бы принять для ускорения темпов этого развития? Важно подчеркнуть, что идеологи либерализма усматривали главную причину экономической отсталости России не в сфере производственных отношений, а прежде всего в отсутствии в стране политических свобод, в недостаточной защите правительством интересов промышленности и торговли. Поэтому они в первую очередь настаивали на необходимости проведения коренных политических преобразований в стране, пересмотре приоритетов в экономической политике царизма. Необходимыми предпосылками и условиями рациональной политики должно было стать установление в России конституционно-парламентарного режима, повышение роли предпринимателей и промышленников в разработке текущей и перспективной экономической политики.

Прежде чем перейти к анализу содержания предлагаемых идеологами либерализма нового типа экономических преобразований, кратко остановимся на понимании ими роли государства в экономическом развитии страны. В отличие от английских и американских либералов, у их русских коллег отсутствовали традиции так называемого «экономического либерализма» и «экономической свободы» в смысле невмешательства государства в экономическую жизнь. Эти идеи были подвергнуты критике еще в 1894 году в книге П.Б.Струве «Критические заметки об экономическом развитии России». Будучи государственниками в самом широком смысле этого слова, русские либеральные теоретики считали, что государство и его реформированные структуры должны активно вмешиваться в процесс экономического развития, взяв при этом на себя роль регулятора и даже арбитра.

Если попытаться суммировать основные требования либеральных теоретиков и практиков в области экономики, то их можно свести к следующим пунктам: 1) создание при Совете Министров специального органа (с участием представителей законодательных палат и деловых промышленных кругов) для разработки перспективного плана развития всех отраслей народного

хозяйства; 2) пересмотр устаревшего торгово-промышленного законодательства и отмена мелочной опеки и регламентации, стесняющей свободу частной предпринимательской деятельности; 3) пересмотр налоговой системы и сокращение непроизводительных бюджетных расходов; 4) расширение бюджетных прав Государственной думы и преобразование Государственного контроля; 5) открытие доступа частному капиталу к эксплуатации природных богатств, к более широкому участию в железнодорожном строительстве, горных промыслах, почтово-телеграфном деле; 6) ликвидация или же максимальное сокращение казенного хозяйства и распространение на казенные заводы всех налогов и повинностей; 7) организация промышленного кредита и учреждение банка долгосрочного промышленного кредита; 8) создание торгово-промышленных палат и биржевых судов; 9) расширение внешней торговли и организация консульской службы. Эти и аналогичные им меры должны были, по мнению либералов, создать благоприятные предпосылки и условия для рационального функционирования экономики. Они же должны были обеспечить и высокие темпы индустриализации страны.

Отметим, что в подходе к проблеме индустриализации среди идеологов русского либерализма имелись различные точки зрения. Так, прогрессистски настроенные предпринимательские круги, правое крыло кадетской партии считали, что индустриализацию следует проводить именно форсированными темпами и прежде всего за счет широкого привлечения иностранного капитала. Эта точка зрения наиболее последовательно была выражена П.Б.Струве. «Есть только одно более или менее быстродействующее средство оживления хозяйственной деятельности в стране. Это помещение (или «инвестирование») больших капиталов в разного рода «сооружения», на первом месте в железные дороги и во все области т.н. «производства». В странах богатых это происходит изнутри; страны беднее, каковым принадлежит Россия, должны прибегать и всегда прибегают к привлечению капиталов извне.

Следует раз и навсегда ясно понять, что другого способа быстрого и ощутимого воздействия на экономическую жизнедеятельность страны нет и быть не может. Те, кто думает, что можно непосредственно создать экономическое производство или подъем какими-нибудь внеэкономическими, общекультурными средствами, придается иллюзиям и притом иллюзиям, вряд ли полезным для жизни»³. Выступая за широкое привлечение иностранных капиталов в Россию, М.И.Туган-Барановский писал: «Без помощи иностранных капиталов нечего и думать о развитии нашей промышленности... Наши самобытники с ужасом говорят о захвате иностранными капиталистами природных богатств России... Подсчитывают будущие дивиденды, которые получают иностранные капиталисты и которые уйдут из России. Но при этом забывают, что этих прибылей совсем бы не было, если бы иностранный капитал не оплодотворил нашей промышленности»⁴. За широкое привлечение иностранного капитала в Россию ратовали российские промышленники А.И.Коновалов, братья П.П. и В.П.Рябушинские, С.И.Четвериков и другие.

Октябристы и центральное руководство кадетской партии, в принципе не отрицавшие необходимости инвестирования иностранных капиталов в экономику России, тем не менее считали, что индустриализацию следует все же осуществлять за счет внутренних ресурсов. Так, по мнению октябриста М.В.Красовского, иностранный капитал можно и нужно привлекать «на возможно более для нас выгодных условиях», но при этом нельзя забывать о необходимости обнаружения «в среде нашего русского народа» внутренних источников, которые «могут нас вывести из затруднения экономического и финансового и помогут нам стать наряду с европейскими государствами»⁵. К числу таких источников октябристы относили активную поощрительную финансовую помощь промышленности со стороны государственной казны и всемерное развитие внутреннего рынка.

В свою очередь кадетское руководство, выступавшее против искусственного поощрения промышленно-

сти за счет казны и призывавшее капиталистов «отучаться ходить на помочах государственного кредита», считало главным источником индустриализации развитие внутреннего рынка. «Вопрос о внутреннем рынке, — заявил 7 мая 1908 г. при обсуждении сметы Министерства промышленности и торговли председатель бюджетной комиссии III Государственной думы А.И.Шингарев, — основной вопрос нашей торговли и промышленности»⁶. На необходимость развития внутреннего рынка он вновь указал в 1909 году. «Пока этот внутренний рынок не будет богат, до тех пор не может широко развиваться торгово-промышленная жизнь»⁷. Еще более определенно Шингарев эту же мысль высказал во время обсуждения сметы МТиП в 1910 году. «Без сильного внутреннего рынка никакие меры поощрения промышленности, привлечения иностранных капиталов, усилия покровительственной политики ни к чему не приведут»⁸.

В логической связи с проблемой индустриализации рассматривались либералами вопросы о формах организации и функционирования промышленности. Из всей совокупности этих проблем наибольшее внимание было уделено двум: казенной промышленности и монополиям. По первому вопросу между теоретиками и практиками не было каких-либо принципиальных разногласий. Все они сходились в том, что правительственные чиновники не могут быть «хорошими предпринимателями», что типичными чертами казенной промышленности являются: бесхозяйственность и убыточность, бесконтрольность и безответственность. Острой критике подвергались не только казенные заводы, но и казенные железные дороги. Особенно активно на ликвидации казенных заводов настаивали крупные частные предприниматели. Так, в 1908 году участники совещания о металлургической и машиностроительной промышленности потребовали распространить на казенные заводы все налоги и повинности, которые несут частные предприниматели, и закрыть их в случае убыточности, а также прекратить постройку новых и расширение старых казенных предприятий⁹. В 1909 году

журнал «Промышленность и торговля», рассмотрев состояние уральских казенных заводов, подчеркивал, что они не только безнадежны технически, но и «вредны своей незаконной конкуренцией частным заводам». По мнению этого органа крупных предпринимателей, «ликвидация их крайне необходима, но возможна лишь при продаже совместно с приписанными к ним лесами и землями»¹⁰.

В наиболее концентрированном виде отношение крупных предпринимателей к казенному хозяйству высказал в своем выступлении в IV Думе 29 марта 1913 года лидер фракции прогрессистов А.И.Коновалов. Отметив, что в России наблюдается «своего рода гипертрофия экономических функций государства, в силу которых громадные средства выкачиваются из страны и тем самым ослабляется ее производительная потенция», Коновалов высказался против политики «расширения хозяйственных операций казны», «вовлечения ее в новые отрасли народного хозяйства» и «всякого рода коммерческие предприятия». Считая политику концентрации оборотных средств в руках государства неприемлемой «с точки зрения грядущих задач развития производительных сил», Коновалов подчеркнул, что «всякое усиление экономической мощи нашего правительства влечет к усилению его политической мощи», а это является явлением принципиально нежелательным¹¹.

Выступления, подобные коноваловскому, как отметил отечественный историк В.С.Дякин, обуславливались прежде всего тем, что в годы промышленного подъема в экономической политике правительства проявилась тенденция к усилению казенного хозяйства, к обновлению и совершенствованию рычагов государственного вмешательства в частный сектор. Все это не могло не привести к дальнейшему обострению противоречий между царизмом и крупной буржуазией в экономической сфере¹². Вместе с тем следует иметь в виду, что октябристы и прогрессисты, выразившие стремление крупных предпринимателей освободиться от конкуренции казенной промышленности, ни в коей

мере не хотели освобождать государство от его традиционных поощрительных функций. Речь по существу шла лишь о том, что государство, отказавшись от казенной промышленности, должно было продолжать выполнять функции распределения заказов среди частного сектора, т.е. выступать в роли экономического регулятора частно-капиталистического производства. Октябристы и прогрессисты настаивали на том, чтобы правительство более активно и в более широких размерах привлекало крупный частный капитал к строительству экономически необходимых и коммерчески выгодных железных дорог, морских портов, к эксплуатации лесных и минеральных богатств, принадлежащих государству, государственных земель в Сибири, Средней Азии, Закавказье, на Севере и т.д.

Что же касается кадетов, то они также высказывались за коренную реорганизацию казенного хозяйства, за проникновение частного капитала во все сферы экономики. Они поддерживали предложение октябристов и прогрессистов о создании в законодательном порядке специальной анкетной комиссии из депутатов Государственной думы и Государственного Совета, представителей промышленности и торговли для обследования положения на казенных заводах. Но в отличие от октябристов и прогрессистов, кадеты более осторожно подходили к вопросам не только ликвидации, но и значительного сокращения казенной промышленности. Такая позиция обуславливалась тем, что они питали надежду на возможность коренной реорганизации казенной промышленности после установления в стране конституционно-парламентарного режима и использовании ее в дальнейшем, с одной стороны, в качестве мощного рычага для создания рационального капиталистического хозяйства, а с другой, — как одного из «каналов» пополнения государственного бюджета и использования последнего для решения социальных проблем.

Гораздо сложнее и противоречивее была позиция теоретиков и практиков либерализма по отношению к монополиям. Из калейдоскопа различных оценок,

суждений и мнений по данному вопросу можно выделить два основных течения: промонопольное и антимонopolное, которые сложились в рамках либеральной концепции экономического развития России.

Первое течение представляли правые кадеты, а также предприниматели и менеджеры типа братьев В.П. и П.П.Рябушинских, А.И.Коновалова, Ю.П.Гужона, С.И.Четверикова, Н.С.Авдакова, А.А.Вольского и других. Идеологи предпринимательских кругов пытались дать теоретическое обоснование закономерностей возникновения монополий и их позитивной роли в экономике страны. Так, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, А.И.Каминка, И.М.Гольдштейн и другие видели в монополиях крупный шаг к организованному и демократическому капитализму. «Это неизбежная стадия прогресса, — писал Каминка, — на пути развития более совершенных форм промышленной деятельности. Уничтожить ее значит задерживать весь прогресс в этой области»¹³. По их мнению, монополии являются не только «регуляторами» капиталистического хозяйства и лучшим средством устранения кризисов и анархии производства, но и важнейшим инструментом для установления классового мира между трудом и капиталом.

В поддержку «новых явлений» в экономической жизни выступали часть официального руководства октябристской и кадетской партий. Поводом к практической постановке вопроса о монополиях послужил запрос правых консерваторов и октябристов о металлургическом тресте, обсуждение которого в печати и Думе вызвало острую полемику среди либеральных идеологов и практиков. Апологеты монополий самым решительным образом высказались за создание треста. «Запрещение трестов при разрешении существования синдикатов, — писал М.И.Гольдштейн, — является полнейшей бессмыслицей.... Мы не можем питать ни малейшего сочувствия ко всякого рода реакционным попыткам, направленным к запрещению или затруднению возникновения трестов или иных форм соглаше-

ний предпринимателей»¹⁴. Они требовали явочного порядка создания предпринимательских союзов, учреждения парламентской анкетной комиссии и выработки специального законодательства для легализации и урегулирования деятельности монополий.

В ходе подготовки запроса правительству октябристы провели ряд совещаний, на которые в качестве экспертов были приглашены А.А.Вольский, Ю.П.Гужон, И.И.Янжул, М.М.Федоров, В.А.Караулов, В.А.Степанов и другие. Причем Гужон, Вольский и Янжул высказались за создание металлургического треста. Федоров, Караулов и Степанов, считавшие монополии закономерным и естественным результатом экономического развития, настаивали на активном контроле за деятельностью монополитических союзов и объединений. Однако большинство думской октябристской фракции высказалось против создания металлургического треста. Подчеркивая, что «тенденция к монополизации есть стоголавая гидра, у которой на месте отсеченной головы вырастает новая»¹⁵, октябристы в запросе и специальном письме к П.А.Столыпину настаивали на том, чтобы для выработки нового законодательства о промышленных союзах правительство «не санкционировало промышленных предприятий монополитического характера»¹⁶.

Однако следует подчеркнуть, что октябристы, выступая против металлургического треста, не были противниками монополий вообще. Излагая в Думе позицию октябристов-предпринимателей по отношению к синдикатам, трестам и картелям, А.Д.Протопопов назвал их организациями, направленными к «устранению конкуренции», к «преодолению губительных, периодически повторяющихся кризисов». Вместе с тем он указал, что подобного рода организации «имеют склонность злоупотреблять своей силой и из организаций оборонительных переходят в организации, угрожающие правильному течению экономической жизни». Поэтому, по его мнению, если в первом случае синдикаты, тресты и картели следует «признать явлением естественным», то во втором случае к ним долж-

ны быть «применены меры для ограждения справедливых интересов как общества, так и населения»¹⁷.

Октябристы настаивали на выработке законодательных мер, ограничивающих «вредную» сторону деятельности монополий. В ходе обсуждения в III Думе запроса о металлургическом тресте от имени фракции октябристов П.В.Каменский внес формулу перехода к очередным делам, в которой говорилось: «Признавая, что наши действующие законы не заключают постановлений, регулирующих деятельность возникающих в настоящее время картелей, синдикатов и трестов, что при отсутствии таких законов исполнительная власть лишена средств препятствовать этим союзам превращаться в монополитические организации, вредные для общества и государства, что поэтому является назревшей необходимостью в выработке правительством законодательных мер, контролирующих новые экономические явления»¹⁸. При выработке таких законодательных мер, отмечали октябристы, не следует стремиться к «упразднению нарождающегося явления», а направить развитие монополий в такое русло, которое бы соответствовало интересам «государственного и народного хозяйства»¹⁹.

В письме к П.А.Столыпину октябристы сформулировали ряд предложений, которые должны быть положены в основу нового законодательства о предпринимательских союзах. Предлагалось создать при МТиП специальную комиссию по образцу действующих в некоторых государствах анкетных парламентских комиссий. Предпринимательские союзы должны быть регламентированы в гораздо большей степени, чем «обычные торговые и акционерные общества». Причем исходным принципом такой регламентации должен служить «действительный характер преследуемых предпринимательскими союзами целей». На основании этого критерия в отдельную группу выделялись союзы, «преследующие чисто промышленные цели», создание которых признавалось «во всяком случае допустимым». К другой группе были отнесены торговые союзы, «исключительно озабоченные возвышением заработ-

ков посредством торговли», разрешение которых признавалось условным. И, наконец, в третью группу предлагалось выделить так называемые «спекулятивные комбинации», которые подлежали запрещению «под страхом уголовного наказания».

В новое законодательство октябристы предлагали ввести специальные пункты, в которых содержались бы требования «широкой гласности и публичности всей отчетности союзов», при этом контролю государственной власти подлежали не только «состояние счетов и производительности», но и данные о ценах на товары по сортам». Правительственным органам предоставлялось право устанавливать «предельные цены» и строго контролировать их соблюдение «во всех районах империи, согласно наперед составленному прейскуранту цен». Кроме того, в отчетность должны были входить «точные сведения о заработной плате служащих и рабочих предприятия». Наконец, предлагалось ограничить размеры промышленных союзов путем установления «минимума производства». В качестве ориентира для определения такого минимума должна была служить предпринимательская организация, которая выработывала около «40 или 50% производства данного продукта по всей стране». И только после того, в письме делался итоговый вывод: «когда будет выработано новое законодательство о предпринимательских союзах, они перестанут быть явлением, воспрещенным законом»²⁰. По мнению октябристов, такой идеальной формой предпринимательского союза должны были стать действующие в «настоящее время акционерные предприятия»²¹.

В отличие от откровенных апологетов монополий, кадетское руководство занимало более сдержанную позицию по отношению к действующим монополитическим объединениям. Имея в составе партии довольно сильное антимонаполитическое течение, состоящее из представителей земского и городского самоуправления, кадетское руководство больше внимания уделяло «теплым» сторонам деятельности монополий, указывая при этом на то, что они все же не способны полностью

устранить кризисы, анархию производства, рост монопольных цен, спекуляцию, коррупцию и т.п. Кадетские лидеры настаивали на создании эффективной системы государственного контроля за деятельностью монополий. Государство, по мнению кадетских политиков, должно было выработать систему законодательных мер, направленных на пресечение «преступного направления деятельности» монополий. «Законодательные нормы, — подчеркивал А.И.Шингарев, — должны быть направлены против всякого похода (монополий — В.Ш.) на потребителей, против всяких преступных соглашений крупнейших промышленных организаций»²².

К числу мер государственного контроля кадеты относили регистрацию картелей и трестов, которые должны были публиковать отчеты о количестве сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках, средних ценах, о числе входящих в монополию предприятий и занятых на них рабочих и служащих. Подчеркивая, что монополии «угрожают очень существенно как интересам рабочих, так и широкой массе потребителей», кадеты настаивали на создании целой системы противовесов (сохранение казенного хозяйства, кооперация, создание рабочих профсоюзов и т.д.) для защиты от посягательств со стороны предпринимательских союзов. «Государство, — писал Туган-Барановский, — должно предоставить полную свободу самозащиты, свободу профессиональной организации, которую рабочий должен противопоставить организациям капитала. Объединенному капиталу должен противостоять и объединенный труд»²³. Аналогичной точки зрения придерживались и некоторые прогрессисты, связанные с земским и городским самоуправлением. «Надо поддерживать новое явление (монополии — В.Ш.) в экономической жизни, — писал М.М.Федоров, — и вместе с тем создавать им противовесы-поощрение профсоюзов, коопераций, в народном самоуправлении»²⁴.

Уделяя преимущественное внимание индустриализации промышленности, идеологи либерализма настаивали на необходимости ликвидировать «ножницы»

между уровнями развития крупной промышленности и аграрным сектором. Они считали, что основой для развития производительных сил в сельском хозяйстве должно было стать, с одной стороны, крупное помещичье хозяйство капиталистического типа, а с другой, — всемерное развитие мелкой крестьянской собственности на землю. В целях подъема сельскохозяйственного производства при содействии государства предполагалось провести целый комплекс мероприятий: 1) поощрение сельскохозяйственной промышленности и связанных с ней сельскохозяйственных технических производств; 2) развитие мелких крестьянских кустарных промыслов и организация дешевого кустарного кредита; 3) открытие на местах банков акционерного типа; 4) создание широкой сети дешевого мелкого кредита: долгосрочного (ипотечного), краткосрочного, переселенческого, мелиоративного и т.п.; 5) передача части средств сберегательных касс на нужды сельскохозяйственного и мелиоративного кредита, а также оказание широкой поддержки мелким сельскохозяйственным товариществам, которые должны иметь право объединяться в крупные союзы; 6) создание широкой сети разного рода сельскохозяйственных и кредитных коопераций; 7) устройство опытных станций, образцовых крестьянских хуторов; 8) снижение пошлин на сельскохозяйственные орудия, машины и семена; 9) распространение технического, агрономического и коммерческого образования.

Особое значение либералы придавали развитию сельскохозяйственной кооперации, которая должна была стать могучим средством развития производительных сил в сельском хозяйстве, повышения материального благосостояния основной массы крестьян. «Для крестьян, — писал М.И.Туган-Барановский, — кооперация является незаменимым и единственно возможным средством для поднятия их экономического благосостояния»²⁵. Сельскохозяйственная кооперация, не мешая индивидуальной самостоятельности крестьян, позволяла им реализовать выгоды как крупного, так и мелкого производства, обеспечить увеличение доходов

и уменьшение расходов на потребительские нужды, облегчить даже самым бедным крестьянским хозяйствам приобретение дорогостоящих сельскохозяйственных машин, удобрений, получение кредита и т.д.

Важнейшим отличительным признаком кооперации от чисто капиталистического предприятия, по мнению либералов, является то, что она не преследует цели получения капиталистической прибыли, даже несмотря на то, что в нее входят представители капитала и используется наемный труд. «Всякое предпринимательское промышленное или торговое дело, — писал А.Н.Анцыферов, — основано на стремлении извлечь наибольшую возможную прибыль. Всякое кооперативное учреждение — на стремлении поставить в возможно лучшие условия труд. Кооперация не господствует ни над кем. И в этом новизна кооперации как общественной формы»²⁶. В кооперации, в отличие от капиталистического предприятия, отмечал Туган-Барановский, — осуществляется принцип социальной справедливости²⁷.

Кадеты одними из первых предприняли попытку на практике реализовать кооперативные идеи. На первом Всероссийском съезде представителей кооперативных учреждений, состоявшемся 16-21 апреля 1908 года в Москве, был поставлен вопрос о необходимости создания Народного банка. Однако только 3 марта 1911 года правительство утвердило устав Московского Народного банка, который представлял собой акционерное учреждение с основным капиталом 1 млн. руб., разделенном на 4 тыс. именных акций по 250 рублей. 29975 акций предназначались для передачи 1240 кооперативным учреждениям, а 548 акций 143 частным лицам. Учредителями банка и соответственно владельцами этих 548 акций стали кадетски настроенные профессора и видные кооперативные деятели: А.А.Мануйлов, А.А.Чупров, А.Ф.Фортунов, А.Н.Анцыферов, В.Я.Железнов, А.В.Васильев, В.А.Перелешин, П.А.Садырин и другие. Считая, что главным источником пополнения средств банка должны стать внутренние ресурсы, его учредители вступили в переговоры с запад-

ноевропейскими кооперативами, рассчитывая на получение от них финансовой поддержки.

12 марта 1912 года Московский Народный банк начал свои операции. Уже к январю 1913 года он сумел объединить 786 кредитных и 324 ссудно-сберегательных товариществ, 229 потребительских обществ, 50 маслодельных артелей, 20 сельскохозяйственных обществ, 25 касс мелкого кредита, 10 различных кооперативных союза и другие кооперативные организации. Чистая прибыль Народного банка составляла 4.583 руб. в год²⁸.

Развитие капиталистической экономики с предельной остротой поставило вопрос о необходимости коренной перестройки всей инфраструктуры, которая должна была обеспечить максимально благоприятное функционирование всей системы народного хозяйства. Либералы настаивали на том, что следует при любой экономической конъюнктуре продолжать железнодорожное строительство, шире использовать при этом частный капитал. Они считали необходимым пересмотреть всю правительственную железнодорожную политику, реорганизовать МПС. При выработке нового курса железнодорожной политики, считал октябрист М.В.Красовский, следует учитывать два обстоятельства: «1) насколько данная железнодорожная линия способна оживлять местный край в экономическом отношении и 2) насколько она поможет использовать природные богатства данной местности»²⁹. Либералы настаивали на расширении почтово-телеграфной сети, строительстве шоссейных и грунтовых дорог, разного рода торговых сооружений, зернохранилищ и элеваторов, морских портов и речных пристаней и т.д.

Считая расширение внутреннего рынка коренным вопросом нашей промышленности и торговли, либералы вместе с тем выступали за дальнейшее развитие внешней торговли. Они считали необходимым создать при МТиП Совет по экспертным делам и специальный экспертный банк для проведения финансовых операций, связанных с интересами русской внешней торговли. Одновременно они настаивали на реформе кон-

сульской службы, на необходимости внимательного изучения международных рынков. «Русские промышленники, — говорил А.И.Шингарев, — должны знать, какие продукты, где и по каким ценам могли бы найти себе сбыт»³⁰. Отстаивая интересы русской промышленности и торговли, либералы выступали за пересмотр торговых договоров с Германией, США, Китаем, Болгарией, Сербией, за учреждение специального банка на Балканах.

Значительное внимание либеральные теоретики уделяли разработке рациональной финансовой и налоговой системы. Основная суть предлагаемых ими в данной сфере реформ сводилась к следующему: 1) пересмотру государственного расходного бюджета в целях сокращения расходов и отмены непроизводительных по своему назначению ассигнований; 2) введение прогрессивного подоходного и поимущественного обложения, а также прогрессивного налога на наследство; 3) постепенное понижение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы первой необходимости; 4) понижение таможенных пошлин «без угрозы существованию русского народного хозяйства»; 5) независимость Государственного контроля и подчинение его надзору всех доходов и расходов государства; 6) независимое положение Государственного банка и пересмотр его устава «в целях приспособления его к роли регулятора денежного обращения»; 7) отделение сберегательных касс от Государственного банка и изъятие их из ведомства Министерства финансов; 8) обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита. Едва ли нужно специально доказывать, что вышеназванные меры должны были обеспечивать оптимальное функционирование народнохозяйственной системы.

Теоретики русского либерализма прилагали все усилия к тому, чтобы внедрить сконструируемую ими модель организованного и демократического капитализма в сознание рабочих, служащих, технической интеллигенции, предпринимателей. Они призывали рабочих к установлению «свободной дисциплины труда»,

которая является «основой хозяйства», к тесному сотрудничеству с предпринимателями, к мирному разрешению конфликтов между трудом и капиталом. По их мнению, в «упорной и планомерной» работе над подъемом производительных сил в равной мере заинтересованы как предприниматели, так и рабочие. «Это основная реальная солидарность всех социальных сил, — писал С.А.Котляревский, — участвующих в производственном процессе, гораздо существеннее всех психологических антагонизмов, которые создаются классовым положением этих слоев»³¹.

Одновременно либеральные идеологи призывали интеллигенцию коренным образом пересмотреть свое «экономическое мировоззрение», признать, что содействие развитию производительных сил есть «национальный идеал и национальное служение»³². Настаивая на тесном сотрудничестве науки и капитала, они считали, что это может в конечном счете привести к созданию рациональной производственной системы хозяйства, к взаимному приспособлению и примирению демократии и капитализма, к установлению в стране социального мира³³.

Как видим, либеральная теоретическая модель экономического развития России представляла собой целостную систему радикальных реформ, способных создать динамичную и саморегулируемую рыночную экономику, которая в свою очередь должна была стать базой для конституционно-парламентарного строя, основой для решения социальных проблем. К сожалению, политическая ситуация в стране в начале XX века не позволила либералам опробовать свою модель на практике. Придя к власти в результате победы Февральской революции, Временное правительство, состоявшее из ведущих либеральных политиков, сразу же оказалось в экстремальной ситуации. С одной стороны, его действия контролировались и блокировались Советом рабочих и солдатских депутатов, лидеры которого придерживались принципиально иных, в том числе и экономических, доктрин, а с другой, — у него не оказалось необходимых рычагов и исполнительных меха-

низмом для реализации уже принятых решений. Вынужденное отказаться от проведения системных реформ до окончания мировой войны, Временное правительство пыталось найти выход не только из политического тупика, но из экономической разрухи скорее декларированием необходимости реформ, чем их конкретной практической реализацией. Им был предложен проект декларации по вопросам экономической политики, подготовленный временно управляющим министерством торговли и промышленности кадетом В.А.Степановым. В специальной докладной записке Временному правительству Степанов предпринял попытку сформулировать основные принципы его экономической программы. Подчеркнув, что «страна стоит перед экономическим и финансовым крахом», Степанов дал характеристику основных структурных элементов кризисной ситуации. Во-первых, к лету 1917 г. борьба труда против капитала приняла такие острые формы, которые грозят «исключительными осложнениями не только для обороны», но и «просто для существования страны». Во-вторых, «расстройство народного государственного хозяйства России достигло в настоящее время высшего напряжения». В-третьих, экономической разрухе соответствует «крайне неблагоприятная «психологическая конъюнктура» почти всех общественных элементов». В среде рабочих «усиленно культивируется узкоклассовое настроение», выражающееся, с одной стороны, в неуклонном падении производительности труда, а с другой, — в неуклонном росте требования повышения заработной платы. При этом намечалась устойчивая тенденция к анархическим захватам рабочими «предприятий в свое управление». В-четвертых, предприниматели, утратив веру «в устойчивость экономической конъюнктуры», обнаружили склонность приостановить производство и легко соглашаются с требованиями рабочих, рассчитывая «непомерно возрастающие расходы производства переложить на потребителей и прежде всего на казну, ресурсы которой напряжены до последней степени». В-пятых, галопирующими темпами идет «сужение внутрен-

него товарного рынка» и инфляция. В этих экстремальных условиях правительство, по мнению Степанова, должно занять определенную и твердую позицию.

Прежде всего Временное правительство должно самым решительным образом заявить об объективной невозможности изменений «существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее за войной время». Для настоящего и ближайшего будущего «мощное развитие наших производительных сил немыслимо без привлечения иностранных капиталов и создания выгодных условий для их приложения». Одновременно правительство считает, подчеркивалось в записке и проекте, невозможным «предоставление хозяйства на волю самоопределения частных интересов». В связи с этим подчеркивалась необходимость планомерного вмешательства государства «в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей хозяйства». При этом личная инициатива и частная собственность оставались «непоколебленными», но должны были «стать в подчиненное положение к общему интересу».

Государственному урегулированию подлежало не все народное хозяйство, а лишь те его отрасли, которые обеспечивали жизнеспособность экономики страны. Прежде всего речь шла о предприятиях оборонного комплекса, добывающих отраслях промышленности, металлургии, а также производстве предметов первой необходимости и жизненного обихода. В случае необходимости правительство могло ввести государственную монополию, а также принять меры «к разумному объединению отдельных частных предприятий, с возможным участием в этих объединениях казны». Таким путем Временное правительство намеривалось «уравновесить производство и распределение наиболее важных для жизни страны изделий и материалов».

Государственное урегулирование распространялось не только на само производство, но и предусматривало вмешательство в борьбу между трудом и капиталом. Так, в регулируемых отраслях промышленности недопускалась «остановка производства на почве конфлик-

тов труда и капитала», которые должны были подлежать обязательному «примирительному разбирательству» правительственных органов. Так, в случае недостижения соглашения в примирительных учреждениях по вопросу о заработной плате правительство само определяло «нормы оплаты по профессиям и местностям». Кроме того, правительство посредством изменения шкалы налогового обложения регулировало прибыль предпринимателей, стремясь, однако, при этом «не убить у промышленников интереса к делу». Государственное регулирование должно было распространиться и на сферу учета и распределения рабочей силы³⁴. По мнению автора записки и проекта В.А.Степанова, реализация Временным правительством экономической программы позволила бы избежать национальной катастрофы. Однако реализовать эту программу Временному правительству так и не удалось.

Глава четвертая

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В начале XX века одним из важнейших структурных компонентов либеральной идеологии стали социальные реформы, которые увязывались в логическую цепочку со всем комплексом программных требований по переустройству России в правовое государство. По существу либеральные социальные реформы являлись крупномасштабной попыткой цивилизованного решения накопившихся и предельно обострившихся социальных проблем, ставших постоянным источником системного кризиса, в котором оказалась страна в начале XX в. Реализация социальных реформ в контексте других либеральных преобразований должна была стать гарантом стабилизации гражданского общества и правового государства, важнейшей предпосылкой и неприменным условием ее поступательного экономического развития и роста материального благосостояния народа.

Осознав необходимость именно системных реформ, русские либералы придавали постановке и решению социальных проблем многофункциональное значение. Во-первых, социальные реформы должны были способствовать созданию принципиально иной социальной основы для проектируемой либералами новой политической системы правового государства, базирующейся на идее разделения властей, для создания и планомерного функционирования новых институтов гражданского общества. Во-вторых, создание новой политической системы с логической неизбежностью должно было привести к коренным изменениям в отношении существующих форм собственности, прежде всего зе-

мельной, которая на протяжении веков являлась экономической основой авторитарной власти, а ее носители в лице дворянского сословия являлись основными поставщиками кадров для всех уровней институтов старой государственной власти. В-третьих, социальные реформы должны были дать мощный импульс для создания экономики рыночного типа. В-четвертых, социальные реформы, направленные на повышение материального благосостояния основной массы трудового народа, должны были сформировать достаточно эффективную и разветвленную систему социального обеспечения, без которой было трудно, если вообще невозможно, достичь социальной и политической стабильности в российском обществе, раздираемом острейшими противоречиями. В-пятых, реализация социальных реформ должна была отрегулировать систему взаимоотношений центральных и местных органов власти, создать новые общественные институты самоуправления, повысить общественную инициативу. В-шестых, социальные реформы несли в себе довольно мощный социальный и нравственный заряд, ибо в той или иной форме отражали миропонимание и мироощущение русской интеллигенции о социальной справедливости, о ответственности за судьбу простого человека.

Либералы выступали за правовое решение социальных проблем, стремились найти наиболее оптимальный компромисс между разнородными социальными и политическими силами. Они в принципе считали неприемлемым применение насильственных методов в решении социальных вопросов, считая, что такой путь в конечном счете приведет к политической дестабилизации, к эскалации насилия и духовной деградации общества. Подчеркивая огромную роль правового государства в реализации сильной социальной политики, русские либералы считали, что оно должно самым решительным образом отказаться от традиционной роли «ночного сторожа», а взять на себя функции социального арбитра, активно отстаивающего широко понятие общегосударственные интересы. Согласно либеральной

модели правовое государство должно стать гарантом социальной стабильности в обществе. Вместе с тем они считали, что при разработке и реализации социальных реформ центральная власть должна максимально учитывать региональную специфику, бытовые и культурные традиции местного населения.

Центральное место в социальной программе русского либерализма занимал аграрно-крестьянский вопрос, непосредственно связанный и затрагивающий все стороны общественной жизни, судьбы основной массы населения — многомиллионного и многонационального российского крестьянства. Важно подчеркнуть, что аграрно-крестьянский вопрос ставился и решался русскими либералами как широкая комплексная проблема, включавшая в себя самые различные аспекты: политические и правовые, экономические и социальные, духовные и нравственные. Будучи общенациональной проблемой, аграрно-крестьянский вопрос требовал общегосударственного решения.

В принципе отвергая какие-либо насильственные методы решения аграрного вопроса, либеральные теоретики выступали решительными противниками эсеровской социализации и большевистской национализации земли. Если социализацию земли они рассматривали как меру вообще утопическую, то против национализации выдвигали целую систему контраргументов как экономического, так и особенно политического характера. Учитывая, что в пореформенный период произошло достаточно тесное переплетение промышленного и финансового капитала с земельной собственностью, либералы считали, что национализация земли должна была неизбежно вызвать своеобразную цепную реакцию, затронула бы интересы не только помещиков, но и интересы торгово-промышленной буржуазии, купечества, а также средних городских слоев. «Не следует забывать, — писал М.И.Туган-Барановский, — что денежный капитал сплетен самыми тесными узами с земельной собственностью. Во-первых, земля обращается на рынке и переходит из рук в руки путем купли-продажи. Почти всякий крупный денежный капи-

талист является вместе с тем и землевладельцем, благодаря чему класс капиталистов непосредственно сливается с землевладельческим классом. Затем денежный класс господствует над землевладением путем ипотечного кредита. Единый земельный налог, проектируемый Джорджем, был бы конфискацией не только земельной ренты, но и процента по всем капиталам, выданным под залог земли»¹. Либералы прекрасно понимали, что уничтожение собственности на землю логически приведет к уничтожению собственности на капитал. «Если отобрали землю, — писал А.И.Чупров, — то кто поручится, что в будущем не отберут и капитала?»² Отрицание экономической целесообразности национализации земли было обусловлено стремлением либералов сохранить самые различные формы собственности, в том числе и помещичье хозяйство капиталистического типа.

С точки зрения политической против национализации либералы выдвигали следующие аргументы. Во-первых, национализация сделала бы государство единственным собственником земли и придала бы «правительственной власти такую силу и значение, которое в современных условиях имело бы крайне опасный и угрожающий характер для развития в стране гражданской свободы»³. Во-вторых, при представительном образе правления в высшей степени желательно, чтобы «капиталисты имели противовес в лице землевладельцев», от этого выиграли бы рабочие и крестьяне. В-третьих, национализация земли неизбежно повела бы на практике к обострению классовой борьбы, к усилению того или иного класса а, следовательно, к его единоличному господству и не исключено, что и к диктатуре. «Уход с исторической арены землевладельческого класса, — писал М.И.Туган-Барановский, — явился бы грозным предзнаменованием предстоящей гибели и других имущих классов современного общества»⁴. В-четвертых, национализация не встретила бы широкого сочувствия в крестьянской массе и массе мелких собственников, что, в свою очередь, затруднило бы борьбу против самодержавия и помешало бы реализации об-

щеполитической программы. «Нельзя, — писал П.Н.Милюков, — в самом деле, скрывать от себя, что провозглашение принципа «национализации земли» в общей форме было бы равноценно формальному отрицанию частной собственности на землю: такая формула вызвала бы протест не только со стороны принципиальных сторонников частной собственности, но и со стороны могущественного тяготения в сторону частной собственности в среде даже и самих крестьян-земледельцев. Для будущности партии такое решение было бы чрезвычайно опасно, так как при первой попытке провести принцип полной национализации земли в жизнь тотчас же обнаружилась бы та огромная пропасть, которая отделяет отвлеченный принцип от его практического осуществления»⁵. Либеральная концепция общественного развития предусматривала, что при решении аграрного вопроса необходимо согласовать интересы заинтересованных сторон (государства, помещиков, крестьян) создать необходимые предпосылки и условия для развития сельскохозяйственного производства и улучшения положения наиболее обездоленных слоев сельского населения.

Либералы сходились в том, что следует уравнивать крестьян в правах с остальными гражданами, отменить все исключительные законы, юридически принижающие податные сословия, административную опеку, поднять производительность земледелия и на этой основе крестьянское благосостояние. В принципе они сходились и в том, что в общегосударственных интересах следует передать для дополнительного наделения безземельных и малоземельных крестьян государственные, кабинетские, удельные, монастырские и церковные земли. Вместе с тем они понимали, что земель этих категорий явно недостаточно для удовлетворения потребностей крестьян в земле. Поэтому перед либералами вставал вопрос о необходимости перераспределения помещичьей земельной собственности. И вот здесь-то между ними имели место довольно серьезные расхождения, связанные с различными подходами к вопросу о целесообразности и масштабах отчуждения

помещичьей земельной собственности, о тех или иных нормах дополнительного наделения крестьян землей, о механизмах реализации аграрной реформы.

Так, октябристы, наиболее тесно связанные с помещичьим классом и крупной торгово-промышленной буржуазией, которая в своей массе уже успела обзавестись земельной собственностью, ратовали за максимальное сохранение помещичьей земельной собственности, за сохранение за помещиками приоритетных позиций в центральном и местном управлении, в местном суде. Если в 1905-1907 годах они еще как-то пытались делать цифровые прикидки относительно того, сколько земли могли бы без всякого ущерба для себя продать крупные помещики, то с началом столыпинской реформы эти попытки практически сошли на нет. Лишь некоторые левые октябристы, примерно до 1908 года по инерции продолжали в абстрактно-теоретической форме рассуждать о том, что в будущем «крупное землевладение должно само по себе устраниваться», что «введение экстенсивного хозяйства на больших площадях представляет собой ненормальное явление». При этом они пытались убедить владельцев крупных латифундий в том, что в их же собственных интересах выгоднее распродать «окраины их имений», а на «оставшихся малых центральных участках» организовать «интенсивное хозяйство с разнообразными техническими и заводскими производствами, способными обслуживать прежде всего потребности местных сельских и ближайших городских рынков»⁶.

Однако октябристы как целое самым решительным образом выступали против любой «ломки» помещичьего землевладения, считая, что столыпинских аграрных мероприятий вполне достаточно для обеспечения мирной эволюции помещичьего хозяйства в капиталистическом направлении. Недаром в думской программе октябристов, принятой в октябре 1907 года, подчеркивалось, что среди «общих мер не может быть места принудительному отчуждению земли, допускаемому законом только в исключительных и неизбежных случаях (в целях «рационального» землеустройства —

В.Ш.) в противном случае было бы поколеблено право частной собственности, на прочности которой жиздется прогресс народного хозяйства»⁷.

Основной акцент в программе октябристов был сделан на «повышение производительности земли», необходимым условием которого должно было явиться крестьянское землевладение, основанное не на общинной, а на личной собственности. «На смену полуголодного крестьянина-общинника, — писал В.Н.Львов, — должен явиться зажиточный крестьянин-собственник, хозяйничающий на своем участке земли, независимый, заботливый, культурный»⁸. По мнению октябристов, для повышения производительности земледелия и улучшения экономического положения крестьян необходимо провести в законодательном порядке следующую систему мер: 1) создать мелкую земельную собственность на отрубных или хуторских участках; 2) расселить крестьян поселками для уничтожения вредных влияний длинноземелья их наделов; 3) ликвидировать чересполосицу; 4) содействовать широкому развитию крестьянских кустарных промыслов; 5) содействовать организации мелкого крестьянского кредита; 6) поощрять сельскохозяйственную промышленность и связанные с нею сельскохозяйственные технические производства; 7) широко распространять в народе сельскохозяйственные знания; 8) передать для целей землеустройства местных крестьян земли казенные, удельные, кабинетские и другие, находящиеся в распоряжении государства, на условиях, которые будут установлены в законодательном порядке; 9) содействовать покупке крестьянами земель у частных владельцев по взаимному их соглашению при посредстве Крестьянского поземельного банка; 10) организовать переселение избыточного населения на свободные казенные, кабинетские, удельные и на приобретенные для этого государством земли на льготных для крестьян условиях; 11) при недостаточности вышеназванных мер и в «случае государственной важности» допустить принудительное отчуждение для целей землеустройства части частновладельческих земель для наделения ею исключительно

но местных безземельных и малоземельных крестьян с вознаграждением владельцев, на условиях, установленных законодательной властью; 12) урегулировать в законодательном порядке долгосрочные и краткосрочные арендные договоры на землю; 13) разрешить «на справедливых основаниях» вопрос о сельскохозяйственных рабочих и об охране их труда; 14) предоставить местным землеустроительным комиссиям право решать вопросы размежевания владений и угодий, переселения и расселения, сбора сведений о крестьянах и других землевладельцах и земледельцах, желающих продать или купить землю, проводить оценку этих земель, решать вопросы о ссудах на сельскохозяйственные улучшения; 15) преобразовать деятельность Крестьянского поземельного банка, привлекать для участия в нем выборных представителей от всех разрядов землевладения и земледелия⁹.

Октябристы предлагали передать подготовку и реализацию аграрной реформы в руки несколько усовершенствованных центральных и местных правительственных землеустроительных комиссий. Суть этих усовершенствований сводилась к следующему. Они предлагали пополнить Центральный комитет по землеустройству постоянными членами, которые «подготовлены теоретически и практически знакомы с условиями сельского хозяйства в России». В Петербурге и в губерниях должны были периодически созываться съезды и совещания местных выборных деятелей по землеустройству. В заседаниях уездной землеустроительной комиссии должен был принимать участие член Крестьянского банка.

Позиция кадетов по аграрному вопросу была более радикальной. Все они были согласны в том, что в первую очередь следует пожертвовать крупным латифундальным землевладением, являвшимся экономической основой сохранения полукрепостнических пережитков в деревне, постоянным источником недовольства крестьянства. По мнению кадетов, крупные латифундии являлись «наглядным доказательством несправедливости существующего распределения земельной

собственности», «бельмом на глазу» для крестьян, жаждущих получить помещичью землю. Поэтому они считали, что прекращение дальнейшего ведения такого хозяйства «с культурной точки зрения, только желательно»¹⁰. Согласно кадетской аграрной программе, крупное латифундиальное землевладение должно быть подвергнуто безусловному отчуждению без каких-либо ограничений.

Вместе с тем кадеты понимали, что одних крупных латифундий явно недостаточно для решения земельного вопроса. Ими была поставлена проблема о необходимости отчуждения и тех земель, на которых помещики вели хозяйство и обрабатывали их собственным инвентарем. Вопрос о пределах отчуждения помещичьего землевладения подобного типа был в кадетской среде дискуссионным. Левые кадеты считали возможным в целях удовлетворения требований крестьян пойти на ликвидацию и среднего помещичьего землевладения. Однако эта точка зрения не получила поддержки ни со стороны специалистов-аграрников, ни со стороны руководства кадетской партии. «Пока землевладелец, — писал А.А.Кауфман, — сам ведет хозяйство на своей земле, общество может и должно с этим мириться, пока оно мирится, вообще, с частной собственностью на орудия производства»¹¹. Отсюда делался вывод о том, что к отчуждению таких земель следует подходить с большой осторожностью и осмотрительностью. Поэтому, допуская возможность отчуждения части земель помещиков, ведущих самостоятельное хозяйство, кадетские теоретики подчеркивали, что на этот шаг следует идти лишь в крайних случаях, когда «не представляется никакой иной возможности удовлетворить земельную нужду окрестного населения и когда притом будет обеспечена надежда, что хозяйство станет и впредь продолжаться в не худшем виде, чем прежде»¹².

К хозяйствам, которые не подлежали отчуждению, кадеты относили не только «исключительно интенсивные» и «образцово-показательные имения», но и те владения, которые отвечали следующим критериям: 1)

урожайность должна вдвое превышать среднюю на крестьянских землях; 2) размер заработков крестьян и сельскохозяйственных рабочих превышает (по расчету на десятину) валовую доходность десятины земли в условиях крестьянского хозяйства¹³. Кроме того, в течение длительного времени не подлежали отчуждению и те помещичьи земли, которые обслуживали сельскохозяйственные промышленные предприятия. В перво-думском кадетском проекте «42-х» было специально оговорено, что окончательный срок перехода этих земель в государственный земельный фонд должен быть определен только центральным землеустроительным органом. «Ради этих культурных оазисов, — говорил во II Думе Н.Н.Кутлер, — уместно, конечно, сделать известное отступление от общего начала принудительного отчуждения земель, уместно установить известную постепенность в переходе культурных частновладельческих земель к крестьянам, дабы дать возможность мелкому крестьянскому землевладению приспособиться к выполнению новых задач, которые оно должно осуществить»¹⁴.

Согласно кадетской аграрной программе, принудительному отчуждению вообще не подлежали: 1) мелкие помещичьи землевладения, не превышающие трудовой нормы, независимо от методов ведения хозяйства; надельные и другие соответствующие им крестьянские земли, в том числе и купленные через Крестьянский и другие банки; 3) земли, на которых были расположены фабрично-заводские и сельскохозяйственные предприятия (земли под строениями, складами, сооружениями и т.п.); 4) городские выгодные земли, принадлежавшие городам, местечкам, заставам, благотворительным и просветительным учреждениям, поскольку они непосредственно служили для общественно-санитарных, образовательных и т.п. целей; 5) земли под усадьбами, огородами (кроме сдававшихся в аренду), искусственными лесонасаждениями, виноградниками, хмельниками, питомниками и т.п. Исключение составляли те случаи, когда отчуждение необходимо было для устранения чересполосицы.

В кадетской программе указывалось, что помещичьи земли подлежат отчуждению «по «справедливой» оценке (не рыночной) за счет государства». При этом эта оценка определялась «по нормальной для данной местности доходности, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой»¹⁵. Основным критерием оценки отчуждаемых помещичьих земель кадеты считали способ их эксплуатации. Для земель, которые сдавались в аренду и обрабатывались крестьянским инвентарем, нормальная доходность должна была исчисляться применительно к условиям местного крестьянского хозяйства. В свою очередь, оценка земли, обрабатываемой самими владельцами и их инвентарем, должна была производиться применительно к условиям частновладельческого хозяйства. При этом кадеты подчеркивали, что владельцы этих земель могут требовать «специальной оценки по данным о действительном доходе за ряд лет, поскольку, однако, размер дохода не определяется пониженной, против обычных местных цен, оплатой труда сельскохозяйственных рабочих»¹⁶.

Вполне естественно возникал вопрос, кто будет платить за отчуждаемые помещичьи земли? В период деятельности I Думы кадетское руководство считало, что выкуп помещичьих земель будет произведен за счет государства. Вместе с тем в кадетской партии с самого начала существовало и постепенно набирало силу течение, представители которого выступали против выкупа земель только за счет государства, предлагая возложить часть платежей и на крестьян. «Даровая раздача земли, — писал Н.Н.Кутлер, — вызвала бы слишком большое, практически невыполнимое требование на землю, слишком большую зависть к получающим землю со стороны тех, которым в земле отказано. Можно было бы опасаться также и легкомысленного отношения населения к чрезмерно легко доступному обогащению. Неблагоприятное нравственное влияние дарового приобретения земли на народную массу способно было бы уничтожить все благие экономические

следствия этой меры. Даровая раздача малоземельным крестьянам земель, приобретенных на общегосударственный счет, была бы вместе с тем несправедливостью в отношении прочих классов населения»¹⁷. По мнению Кутлера, проведение в жизнь аграрной реформы может принести пользу государству только в том случае, если расходы на эту операцию будут отнесены, «если не полностью, то в весьма значительной части, на счет тех элементов крестьянского населения, для которых она собственно и предназначается»¹⁸. Во II Думе точка зрения Кутлера и его единомышленников восторжествовала. В аграрном законопроекте, внесенном кадетской фракцией во II Думу, указывалось, что половина расходов по выкупной операции должна быть возмещена самими крестьянами.

За отведенные земли крестьяне должны были уплачивать поземельный налог, величина которого находилась в прямой зависимости от размера выкупа за помещичью землю. «С точки зрения финансовой, — подчеркивал Кутлер, — плата за отведенные в дополнительный надел земли должна возможно ближе соответствовать вознаграждению, уплачиваемому за землю лицам, у которых она отчуждена»¹⁹.

Длительное время в кадетской аграрной программе дискуссионным оставался вопрос об условиях передачи земли крестьянам. До роспуска I Думы в партии преобладало мнение о необходимости передачи из общегосударственного фонда земли крестьянам в аренду. Однако уже в I Думе часть кадетской фракции выступила против придания государственному земельному фонду характера постоянного учреждения и настаивала на передаче земли крестьянам в частную собственность. «Желательно, — говорил Л.И.Петражицкий, — по возможности создание зажиточных людей, которые могли бы получить просвещение... Но для этого необходимо наделение частной собственностью, а не пользование ею, нужно, чтобы была возможность дифференциаций, чтобы те, кто находит, что лучше в городе, могли продать свой участок и идти в города, избрать иные профессии, а другие, оставаясь на земле, могли

бы прикупить земли. Нужно создавать такие формы, при которых в сельском населении воспитывалась бы хозяйственная деловитость, развивалась предприимчивость, для этого нужно воспитывать ее на праве собственности»²⁰. После роспуска I Думы в кадетской партии восторжествовала точка зрения о необходимости передачи земли крестьянам в частную собственность.

Кадеты выступили против радикального требования трудовиков о наделении крестьян по трудовой норме. «Одно только упоминание в программе партии о трудовых нормах, — писал А.А.Кауфман, — несмотря ни на какие оговорки, подольет масла в огонь несбыточных крестьянских мечтаний о земле и просторе»²¹. Кадеты считали, что земельный надел крестьян с большим трудом можно довести до потребительской нормы, т.е. до такого количества земли, которое достаточно для «покрытия средних потребностей в продовольствии, одежде, жилище и для несения повинностей»²². По их мнению, потребительская норма должна была равняться высшему наделу, определяемому положением о реформе 1861 года.

При определении потребительской нормы кадеты принимали в расчет и промысловые доходы населения. При этом они не скрывали, что без посторонних заработков на стороне крестьяне при потребительской норме не могут удовлетворить свои насущные потребности. При современном хозяйственном положении страны, писал А.А.Кауфман, даже «поднятие хозяйства до уровня этих почти нищенских потребностей — сомнительно в смысле практической осуществимости»²³. Характерно, что во II Думе кадеты вообще отказались от каких-либо норм наделения крестьян, передав дело земельной реформы в руки местных комитетов. «Будем просто требовать одного, — заявил Кутлер, — помогать крестьянам в их малоземелье, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными нормами, которые могут затруднить эту реформу, сделать ее химеричной или фанастической»²⁴. Местным комитетам предоставлялось право устанавливать так называемый «нормальный размер» земельного обеспечения, до которого «в

пределах имеющегося запаса земли и при наличной возможности добровольного выселения должно быть доведено количество земли у трудового малоземельного населения»²⁵.

В основу определения «нормального размера» кадеты рекомендовали брать данные о существующих средних размерах землепользования на надельных, собственных и арендуемых землях той части населения, которая ведет самостоятельное хозяйство, не нанимая и не отпуская из своего состава сельскохозяйственных рабочих. Дополнительному наделению землей в первую очередь подлежали безземельные и малоземельные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие. Местным комитетам предоставлялось право «возбуждать вопросы о расширении или вообще изменении круга лиц, подлежащих дополнительному наделению»²⁶. Отметив, что наделению землей подлежало только наличное население, Н.Н.Кутлер заявил во II Думе: «Партия народной свободы предлагает дать землю только крестьянам и земледельцам других сословий, в настоящее время сидящих на земле и от нее живущих»²⁷.

Одним из центральных пунктов кадетской аграрной программы был пункт о механизме реализации земельной реформы. В отличие от октябристов, кадеты передавали решение аграрного вопроса в руки местных комитетов, создаваемых на паритетной основе из представителей всех заинтересованных сторон: государственных чиновников, помещиков и крестьян. Местные земельные комитеты наделялись широкими правами и по существу от них зависело проведение реформы в том или ином регионе.

Рассмотренные выше общетеоретические и программные установки идеологов русского либерализма позволяют лучше понять и их отношение к содержанию и направленности столыпинской аграрной реформы, а также тем методам, при помощи которых ее предполагалось реализовать. Идеологов либерализма в принципе удовлетворяло экономическое содержание столыпинской реформы. Недаром, давая оценку имен-

но ее экономического содержания, Струве сравнивал ее с «благодатной хирургической операцией». В экономическом развитии России, считал он, в один ряд со столыпинской реформой «могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог»²⁸.

Идеологи либерализма разделяли и идеи создания мелкой крестьянской собственности, экономически «крепкого» крестьянства, лежащие в основе столыпинской реформы. Основываясь на опыте западноевропейских стран, они считали, что «образование могущественного класса крестьян-землевладельцев, привязанных к личной земельной собственности», является необходимым условием «экономического возрождения России»²⁹. Мелкая крестьянская собственность, по мнению либералов, является тем крепким фундаментом, на котором должно быть построено «здание» правового государства. «Если демократическая Россия, — писал С.А.Котляревский, — есть не пустое слово и не отвлеченная формула, то единственный путь для нее — это кристаллизация среди крестьянства такого слоя, представители которого, как самостоятельные хозяйственные субъекты, будут иметь более высокий уровень потребностей и более широкий горизонт интересов. Тогда в их руки неизбежно должно перейти и местное самоуправление по мере постепенного сокращения помещичьего землевладения. Тогда и политические взгляды не будут определяться стихийным тяготением к земле»³⁰.

Реализация идеи мелкой крестьянской собственности, считали идеологи либерализма, могла бы стать мощным стимулом роста материального благосостояния и культурного уровня крестьянства, необходимым условием получения им гражданского и политического равноправия. «Переход крестьянства к праву личной собственности на землю, как начало, подготовляющее и экономический подъем России, и политическое равноправие крестьянства, и сознательное выступление этой новой демократической силы, как основного элемента общественной и политической жизни России, —

писал М.М.Федоров, — имеет такое огромное историческое значение, что к вопросу о нем нельзя подходить с точки зрения временных политических комбинаций: он много выше и значительнее всякой партийной политики данного момента»³¹. Именно в насаждении института мелкой крестьянской собственности идеологи либерализма усматривали то «ценное сокровище» и «зерно истины», которые содержались в столыпинской аграрной реформе.

Вместе с тем идеологи русского либерализма расходились в оценке тех методов реализации аграрной реформы, на которых настаивало правительство Столыпина. Октябристы одобрили столыпинские методы проведения реформы, особенно те, которые были направлены на насильственное разрушение крестьянской общины. Более того, под их влиянием III Дума пошла даже дальше указа 9 ноября 1906 г., дополнив его новым разделом, предусматривавшим, что те общины, в которых передел не производился в течение 24 лет и более, считались автоматически перешедшими к участковому-подворному землевладению. При этом отдельные крестьяне-домохозяева получали право требовать выдела принадлежавших им участков к одному месту. Выступая за форсированное разрушение крестьянской общины, октябристы стремились таким путем ускорить темпы капиталистической эволюции сельского хозяйства, создать условия для расширения внутреннего рынка. Кроме того, в отличие от Столыпина, который все же делал основную ставку на сравнительно узкий слой «крепких и сильных» крестьян, которые, по его мнению, и должны были прежде всего стать социальной опорой режиму «3-го июня» 1907 г., октябристы рассчитывали на то, что им удастся при помощи форсированного разрушения общины в относительно короткий срок создать широкой слой зажиточного крестьянства, которое и должно было стать социальной опорой для той политической системы, основы которой были заложены 17 октября 1905 г.

В свою очередь идеологи прогрессистского течения в русском либерализме выступили решительными про-

тивниками насильственного разрушения крестьянской общины. Во-первых, любые методы насильственного вмешательства во все сферы жизни, включая и крестьянскую общину, явно противоречили их теории эволюционного общественного развития. Во-вторых, они прекрасно понимали, что в условиях предельного обострения социальных антагонизмов в России насильственные методы разрушения общины дадут мощный дополнительный импульс к дальнейшему обострению классовой борьбы в стране. «По весьма понятной причине и община и дворянское владение, — писал М.М.Ковалевский, — являются препятствием к той пролетаризации масс, которая необходима людям, полагающим, что окончательный строй общества будет установлен борьбой классов, в которой пролетаризованный крестьянин пойдет рука об руку с городским пролетарием-рабочим. И вот к ним-то будет сделан тот призыв, который едва ли услышат наши крестьяне, еще сидящие на земле, еще не пролетаризованные, призыв: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»³².

Аналогичной точки зрения придерживался один из ведущих теоретиков прогрессизма князь Е.Н.Трубецкой. «Как бы ни была нам антипатична община, — писал он, — мы все-таки не считаем дозволенным отдавать ее на экспроприацию кулакам, ни растаскивать ее крючьями подобно горящему зданию. Вот почему мы — сторонники земельной частной собственности не можем сочувствовать правительственной земельной программе. Она представляется нам антиправовой и революционной в самом своем основании. Для нас ясно, что единственно правовой путь ликвидации общины заключается в устранении препятствий к ее естественному саморазвитию; упразднение общинной собственности должно быть предоставлено доброй воле самого собственника, т.е. общины, а не отдельных ее членов»³³. Трубецкой считал, что правительство, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные землевладения», с экономической точки зрения ставит «крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия», а с политической

точки зрения ведет к «возбуждению одной части крестьянского населения против другой». Именно поэтому, считал Трубецкой, прогрессисты, будучи сторонниками «успокоения и мирного обновления деревни», все же не могут сочувствовать правительственной политике, которая в конечном счете вызовет «раздор и междоусобье в крестьянской среде»³⁴.

Чтобы как-то самортизировать негативные последствия столыпинской политики насильственного разрушения общины, прогрессисты предлагали осуществить следующие меры: 1) выход домохозяина из общины может быть осуществлен лишь с согласия крестьянского общества; 2) «гнездовое» расселение крестьян на правах собственников пахотной земли и с сохранением их связи с общиной в деле владения и пользования лугами, лесами и другими общественными угодьями; 3) ограничение мобилизации крестьянской земли; 4) сохранение социальной организации общины как административной, так и хозяйственной единицы.

Принципиальными противниками насильственных методов разрушения крестьянской общины являлись и кадеты, выступавшие за эволюционный путь самоликвидации общинных порядков в деревне. «Мы, — заявил А.И.Шингарев, — вовсе не желаем закреплять людей в общине... мы говорим: пускай идет этот выдел... пускай община подвергается исторической эволюции, мы не желаем ни стеснять, ни разрушать»³⁵.

Во-первых, для кадетов предельно ясна была основная идея П.А.Столыпина — сохранить экономическую и одновременно расширить социальную опору самодержавия. «Создавать в среде крестьян собственников, чтобы они уважали и помогали отстаивать помещную собственность, — писал А.А.Кауфман, — вот в чем объяснение ее экстремности и неотложности»³⁶. Во-вторых, насильственное разрушение общины, по мнению кадетов, не в состоянии превратить междуклассовую борьбу крестьян с помещиками во внутриклассовую борьбу между зажиточными крестьянами и основной массой крестьянства. Напротив, политика разграбления общинных земель неминуемо приведет к тому,

что «взоры крестьян вновь будут обращены на помещичьи земли». «Потеряв в общине своего естественно-го союзника, — писал Н.Н.Кутлер, — государство затрудняет и осложняет этим борьбу и для себя: землю надо найти не для целых общественных союзов, а для отдельных личностей, нужно найти землю не только вне фонда наделных земель, хотя бы во многих местностях он оказался достаточным для предотвращения малоземелья»³⁷. В-третьих, кадеты прекрасно понимали, что насильственная ломка общины ускорит пролетаризацию населения, увеличит кадры безземельного сельскохозяйственного пролетариата, а это в свою очередь еще больше обострит социальные антагонизмы и в конечном счете приведет к новой революции. «Ведь, разрушая общинное землевладение и создавая на его обломках класс состоятельных крестьянских собственников, — писал А.А.Мануилов, — наши реформисты отбросят в ряды безземельного пролетариата огромный контингент людей, так или иначе сидящих в настоящее время на земле. Явятся ли эти лица преданными поклонниками института частной собственности и станут ли они, не имея ни кола, ни двора, защищать частновладельческие имения, это весьма сомнительно, не придется ли тогда и нам — увы! — слишком поздно пожалеть о нашей общине»³⁸. Столыпинская аграрная политика, подчеркивал Милюков, «несомненно, будет революционизировать массы больше, чем что-либо другое, ибо она вызовет социальную борьбу богатых и бедных в самых зловещих формах»³⁹.

Понимая, что при активной поддержке правоокейб-ристского большинства столыпинский указ 9 ноября 1906 года будет принят Думой и станет законом, кадеты, чтобы смягчить его отрицательные последствия, внесли в думскую аграрную комиссию ряд законопроектов, среди которых центральное место занимал «Проект закона о выделе отдельным домохозяевам участков из общинных земель». Согласно проекту, каждому домохозяину, принадлежащему к составу общины, предоставлялось право требовать выдела участка общинной земли соответствующего доле его участия

в общинном землевладении. Но при этом за общиной сохранялось право «или удовлетворить это требование о выделе или оставить причитающийся на долю желающего выделиться домохозяина участок за собой, уплатив домохозяину соответственно стоимости участка денежное вознаграждение». Получив заявление о выделе, община должна была провести его «при первом же переделе общинной земли». Причем сам этот передел всецело зависел от общины, которая могла провести выдел и путем обычной переверстки, не прибегая к общему переделу. Если же выдел производился одновременно с общим переделом, то размер выделяемого участка определялся «согласно общим основаниям, принятом при этом переделе». В случае же, если выдел производился в порядке частичной переверстки, то его размер определялся на основании «последнего бывшего передела, соразмерного числу разверсточных единиц (паев) в семье выделяющегося домохозяина ко времени подачи им заявления о выделе». В тех же случаях, когда число паев установить было нельзя, то выделу подлежал участок, соответствующий «размеру постоянного (не арендного) пользования выделяющегося домохозяина общинною землей». В свою очередь выдел, с одной стороны, мог ограничиться только теми землями, которые состояли «в отдельном пользовании домохозяина», то тогда за выделяющимся из общины сохранялось право «общего с остающимися в составе общины домохозяевами пользоваться угодьями, переделаемыми на общих основаниях (луга, лес и т.п.), а также вовсе непеределаемыми (выгоны, пастбища и т.п.)», а, с другой стороны, выдел мог привести к полному прекращению «всякого участия выделяющегося домохозяина в общине». Однако и в том, и в другом случаях выделяемый участок должен быть «равноценен тому пользованию общинною землей, которого домохозяин лишился после выхода».

Проект предусматривал, что в случае отвода выделяемому участка из земель худшего или лучшего качества, а также замены одних угодий другими количество земли в выделяемом участке должно «увеличи-

ваться или уменьшаться соответственно различию в качестве земли в угодьях». Выдел участка отдельному хозяину должен был производиться с таким расчетом, чтобы, во-первых, «не создавалась неудобная чересполосность», и, во-вторых, «на этом участке могло быть организовано хозяйство, не стесняемое хозяйством общины и в свою очередь не стесняющее последнюю».

В ряде статей законопроекта определялся порядок выдела. Так, если выдел производился одновременно с переделом, то в приговоре о переделе специально фиксировалось: 1) каким домохозяевам производятся выделы участков; 2) в каком размере и по какому расчету производятся выделы; 3) в скольких местах и где именно участки земли должны быть отведены выделяемому; 4) сохраняются ли за выделяемыми какие-либо права на общинные земли и какие именно. В том же случае, когда выдел производился во время частичной переверстки по приговору 2/3 крестьян, имеющих право участия на сходе, то в этих приговорах о каждом выделе должны быть зафиксированы все выше перечисленные сведения. Приговоры о выделах должны были исполняться особо назначенными для этого сходом лицами или же сельским старостой, при участии понятых. В случае необходимости сельское общество или же выделяющейся домохозяин могли обратиться к земскому начальнику, согласно распоряжениям которого «правительственные или частные элементы» должны были наметить границы выделяемых участков и подготовить за счет государственных средств их план.

В проекте содержались статьи, в которых фиксировался процессуальный порядок защиты как прав общины, так и отдельного домохозяина. «Если в течение трех лет со времени получения требования о выделе община не удовлетворит этого требования ни путем выдела в натуре, ни путем уплаты желающему выделиться вознаграждения по соглашению с ним или, если производится передел земли, хотя бы до истечения указанного трехлетнего срока, община не исполнит требования о выделе, заявившего ей до постановления общественного приговора о переделе, то желающему

выделится домохозяину предоставляется право искать с общины вознаграждения в подлежащем суде». По решению суда община должна была уплатить вознаграждение желающему выделится домохозяину. «Но если присужденное взыскание не будет уплачено общиной добровольно или в силу мер принуждения в течение года со дня вступления решения в законную силу, то истцу предоставляется право просить суд о принудительном выделе причитающегося ему участка». Причем решение суда о принудительном выделе должно быть произведено в исполнении при неперменном участии землемера. Акты об исполнении судебных приговоров о принудительном выделе представлялись через земского начальника старшему нотариусу.

Этот законопроект был подвергнут неоднократному обсуждению как на заседаниях специального бюро по аграрному вопросу, действующего при ЦК, так и на заседаниях думской фракции. В результате этих обсуждений проект был дополнен двумя новыми статьями, а в ряд имеющихся были внесены редакционные изменения. Во-первых, было принято решение об исключении из числа домохозяев, которые могли требовать выдела, всех тех, кто в «продолжении последних трех лет ни лично, ни через членов своей семьи не вели хозяйства за свой счет на общинной земле или сдавали свои наделы вперед на срок не менее 3-х лет». По мнению фракции, распространение права выдела «на многочисленную категорию домохозяев, отсутствовавших из общины, было бы опасно для интересов последней и не вызывалось бы соображениями об улучшении техники хозяйства и землепользования». Во-вторых, в одной из новых статей (ст.17) особо подчеркивалось, что «выделяемые из общего состава общинной земли участки отдельных домохозяев не утрачивают характера наделной земли и подчиняются действию узаконений, которые установлены и имеют быть установлены для подворного надельного землевладения». Кроме того, земля выделялась не в личную собственность домохозяина, а в собственность как его, так и членов его семьи. Вторая, вновь введенная статья 18 устанавлива-

ла предел сосредоточения земли в отдельных руках. Запрещалась скупка на одно лицо свыше шести указанных наделов, а в местностях, где нельзя было установить размер такого надела, более 25 десятин⁴⁰.

Данный, а также ряд других кадетских законодательных предложений (о крестьянском землепользовании на наделных землях, о залоге крестьянских земель), внесенные в аграрную комиссию III Думы, были отвергнуты ее правооктябристским большинством. Одновременно были отвергнуты и все попытки кадетов внести поправки в правительственный законопроект о землеустройстве, суть которых сводилась, с одной стороны, к исключению из состава землеустроительных комиссий предводителя дворянства и земского начальника, а с другой, — к увеличению в этих комиссиях представителей от земства и крестьян. В свою очередь кадетская фракция в III Думе проголосовала против как указа 9 ноября 1906 года, так и правительственного законопроекта о землеустройстве.

В IV Думу кадеты внесли законопроект о реформе земельной аренды, который также преследовал цель смягчить накал социальных противоречий в деревне, усиленных проведением столыпинской аграрной реформы. Согласно проекту, арендаторам, а ими могли быть как отдельные домохозяева, так и сельское общество в целом, которые арендовали землю либо с продовольственными целями, либо в пределах не превышающих трудовой нормы (включая в нее наделную или же собственную землю) на срок менее девяти лет (но не менее одного года) предоставлялось право просить арендные комитеты о продлении срока аренды до 9 лет. Однако это право не распространялось на аренды промыслового характера (фруктовые сады, виноградники, огороды и т.п.) и на аренду имений с коммерческими целями. Арендатор одновременно с просьбой о продлении срока аренды мог просить арендный комитет об установлении справедливой арендной цены. Причем такая цена устанавливалась с учетом всей совокупности обстоятельств, влиявших «на доходность хозяйства данного участка (средней урожайности при данном ко-

личестве земли, средних местных цен на продукты, средней заработной платы сельскохозяйственных рабочих и т.п.). Справедливая арендная плата, согласно проекту, составляла «остаток, полученный за вычетом из валового дохода всех издержек производства, нормальной оплаты труда и вознаграждения за риск, связанный с неурожаем, падежами скота и т.п.».

Арендатор получал право «на получение от собственника земли вознаграждения за те затраты», которые он «произвел для улучшения земли и правильного ведения хозяйства, но не успел использовать ко времени прекращения аренды». Произведенные арендатором улучшения авторы проекта подразделяли на три основные категории: «1) улучшения, за которые может быть получено вознаграждение только в том случае, если предварительно было дано собственником письменное разрешение на их производство; 2) улучшения, за которое может быть получено вознаграждение только в том случае, если арендатор своевременно предупредил собственника в письменной форме о своем намерении произвести их и собственник не опротестовал их в течение определенного срока; 3) улучшения, за которые арендатор может получить вознаграждение, хотя бы он их произвел и без согласия и ведома собственника». При расчетах между собственником и арендатором из суммы, причитающейся последнему за улучшения, исключались: «а) все его недоимки собственнику по арендной плате и б) стоимость, по оценке подлежащими органами, повреждений и иного ущерба, нанесенного арендатором имуществу собственника на арендуемой земле».

Большое место в проекте было уделено посреднической аренде, которая характеризовалась как одна «из самых вредных форм найма земли». В целях борьбы с такой формой аренды специальной статьей проекта (12) предусматривалось следующее правило: «лица, арендующие землю с целью ее передачи, не пользуются правом вознаграждения за улучшения и не могут требовать ни продления срока аренды, ни регулирования арендной платы». В свою очередь, субарендаторам

предоставлялось право «просить о продлении срока аренды и об урегулировании платы». При сдаче в аренду земель казенных, кабинетских, удельных, монастырских, церковных, общественных, войсковых правом их получения без торгов пользовались сельские общества и земельные товарищества.

Для реализации закона планировалось создание специальных арендных комитетов, которые должны были состоять: а) из председателя; б) двух крестьян по выбору волостных сходов; в) двух землевладельцев по выбору земского собрания. Члены арендных комитетов должны были избираться на один год. Их решения не подлежали апелляции и приводились в исполнение по правилам, установленным для третейских судов⁴¹.

На урегулирование отношений между предпринимателями и рабочими была направлена либеральная рабочая программа. Одним из ее центральных пунктов было требование свободы рабочих союзов, собраний и стачек. Согласно проекту, разработанному специальной комиссией во главе с П.Б.Струве, рабочие профессиональные союзы создавались явочным порядком, и право приобретения ими юридического лица зависело исключительно от судебной власти. За профсоюзами признавались право на защиту материальных интересов рабочих, пользование стачечными фондами и фондами помощи по безработице, право объединения союзов в федерации, полная независимость их от администрации. За убытки, вызванные стачками, профсоюзы не должны были нести материальной ответственности перед предпринимателями.

В самой непосредственной связи с законопроектом о профессиональных союзах находились выработанные той же рабочей комиссией «Общие начала закона о рабочем договоре» и «Предварительная редакция проекта закона о свободе стачек». Авторы первого проекта настаивали на необходимости заключения рабочими профсоюзами коллективного договора с предпринимателями. Этот договор должен был действовать в течение не более трех лет и являлся обязательным для всех членов профсоюза. В нем регламентировались, с одной

стороны, права и обязанности предпринимателя по отношению к рабочим (внутренний распорядок рабочего дня, обеспечение безопасности производства, предоставление работы и необходимых инструментов, размер заработной платы и т.д.), а с другой, — права и обязанности рабочего (право требовать полного использования своих сил, возмещения убытков по вине предпринимателя, право на минимум гарантированной заработной платы и т.д.).

В проекте отмечалось, что коллективный договор может быть расторгнут только в судебном порядке любой из заинтересованных сторон, если они представят суду уважительные причины. «Расторжение договора до срока без законного основания, — указывалось в проекте, — обязывает виновную сторону к возмещению убытков»⁴².

Либералы стремились перенести решение вопросов взаимоотношения труда и капитала в специальные арбитражные органы (примирительные камеры, третейские суды, разного рода согласительные комиссии и т.п.) с участием представителей от рабочих и предпринимателей. По их мнению, создание примирительных камер «из равного числа представителей труда и капитала» в некоторых случаях могло бы способствовать предотвращению стачек «общественно вредного» характера (например, стачек рабочих и служащих на железных дорогах, на почте и телеграфе, на городском коммунальном транспорте и т.д.). И только после безуспешных переговоров руководства профсоюза с предпринимателями стачка могла бы быть объявлена, причем рабочие обязывались «поддерживать во все время стачки собственными силами порядок и предупреждать бесчинства». В случае насилия во время стачки виновные подлежали аресту на срок не свыше одного месяца, а виновные в повреждении имущества подвергались бы денежному штрафу не свыше 10 руб. Однако средства стачечных фондов конфискации не подлежали⁴³.

Важное место в программе русских либералов занимал вопрос о продолжительности рабочего дня и рас-

пределении рабочего времени на промышленных предприятиях. Отметим, что по этому вопросу среди либералов имелись различные точки зрения. Октябристы относились вообще отрицательно к сокращению рабочего дня для взрослых рабочих. Исключение составляли лишь те рабочие, которые трудились в «особо вредных для здоровья производствах»⁴⁴. Что же касается продолжительности рабочего времени для женщин и подростков, то октябристы допускали возможность его ограничения во всех производствах. Указывая на необходимость законодательного урегулирования сверхурочных работ, октябристы вместе с тем заявляли, что практическое осуществление этой меры будет зависеть от «состояния развития промышленности».

В кадетской же рабочей программе имелось требование постепенного законодательного введения 8-часового рабочего дня. Обосновывая необходимость именно не одновременного, а постепенного сокращения рабочего времени до 8 часов, кадеты выдвигали следующие аргументы: 1) в связи с низким уровнем развития технического производства в России «многие фабрики еле дышат» и введение 8-часового рабочего дня может привести к их закрытию, а если это так, то «нельзя же заставить фабрикантов работать в убыток»; 2) закрытие промышленных предприятий или сокращение производства приведут к уменьшению заработной платы рабочих и безработице, а это, в свою очередь, будет способствовать обострению социальных антагонизмов⁴⁵. Из этих посылок кадеты делали вывод о невозможности немедленного введения 8-часового рабочего дня во всех отраслях промышленного производства, на котором без всякой аргументации и исключительно в политических целях настаивали социалистические партии.

По мнению кадетских специалистов по рабочему вопросу, введение 8-часового рабочего дня возможно лишь на тех предприятиях, где по техническим и другим условиям труда от его введения не понизится производительность труда. К таким предприятиям они относили главным образом те (государственные и обще-

ственные), на которых производство имело непрерывный характер, а также подземные работы. Рабочие, занятые по восемь часов в сутки в непрерывном производстве, освобождались от работы в воскресные дни на 24 часа. Определение круга предприятий, на которых должен быть немедленно введен 8-часовой рабочий день, возлагалось на фабричную инспекцию.

На тех предприятиях, где работали в одну смену (дневную) сохранялся 10-часовой рабочий день. И только через пять лет после опубликования закона рабочий день должен был сократиться до девяти часов. На предприятиях, где имела место двухсменная работа, которая частично падала на ночное время, устанавливался 9-часовой рабочий день. Рабочие в этих отраслях производства освобождались в выходные дни на 30 часов. Через пять лет на производстве, где работали в две смены, должен был быть введен 8-часовой рабочий день.

Кадеты, как и октябристы, допускали возможность сверхурочных работ («в меру действительной необходимости и по решению фабричной инспекции»), которые могли составить 50 дней в год для каждого отдельного предприятия. К сверхурочным работам не допускались женщины, а также подростки, не достигшие 17 лет. Рабочее время подростков от 13 до 15 лет ограничивалось шестью часами дневного времени⁴⁶.

Большое место в либеральных рабочих программах было уделено вопросам социального страхования. При этом между октябристами и кадетами также имели место существенные расхождения. Отстаивая интересы крупного капитала, октябристы всячески стремились ограничить сферу страхования рабочих и служащих. Согласно октябристской программе, все издержки по страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний должны были нести предприниматели. В случае же обычного заболевания «в течение известного срока» (не более 13 недель) издержки по страхованию в равной мере должны были нести как предприниматели, так и рабочие. Государственному страхованию по старости подлежали рабочие

и служащие тех учреждений, которые не имели пенсионных касс, а их заработок был ниже «установленных законом норм».

В свою очередь кадеты выступили с широковетательными заявлениями о предоставлении компенсации рабочим за утраченную ими вследствие несчастного случая или профессионального заболевания трудоспособность, подчеркивая, что выплата компенсации должна производиться полностью за счет предпринимателя, а также о введении государственного страхования на случай смерти, старости, болезни и т.д. По мнению кадетов, введение страхования рабочих должно было «устранить многочисленные поводы к обострению отношений между предпринимателями и рабочими»⁴⁷.

Обязательному страхованию от несчастных случаев подлежали все рабочие и служащие независимо от рода предприятия (промышленные, транспортные, сельскохозяйственные, строительные и т.д.) исключительно за счет предпринимателей. Потерпевшим предполагалось выплачивать еженедельные пособия и пенсии. Пособия должны были назначаться в размере 60% среднего действительного заработка потерпевшего со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности или признания ее утраты.

Пенсии должны были выплачиваться в случае утраты трудоспособности: при полной утрате — в размере двух третей годового содержания потерпевшего, а при неполной — в уменьшенном размере, «определяемом соответственно степени ослабления трудоспособности потерпевшего». Если потерпевший признавался вполне нетрудоспособным и при этом нуждающимся в постоянном уходе, то пенсия должна была назначаться в размере его полного годового содержания. Выдача пенсий должна была производиться со дня прекращения выдачи пособия. В случае смерти потерпевшего пенсия должна была выплачиваться членам его семьи в размере не свыше двух третей годового содержания умершего.

В проекте обращалось внимание на организацию и деятельность больничных касс, на которые возлагалась

обязанность выдавать денежные пособия и предоставлять больным бесплатное лечение. Предусматривались также организация местных касс (земских и городских), фонды которых составлялись из взносов предпринимателей (две трети) и рабочих (одна треть). Намечалось создание судов для разбора вопросов, касающихся страхования.

Во II Думу кадеты внесли «Проект о нормальном отдыхе торговых служащих». В отличие от столыпинского закона «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах, конторах и в ремесленных заведениях», а также октябристского законопроекта, устанавливавших для торговых служащих и ремесленников 12-часовой рабочий день и допускаявших его увеличение до 14 часов, кадеты в своем проекте предлагали установить 10-часовой рабочий день. Однако и они допускали его увеличение до 12 часов в продовольственных магазинах. Местным органам управления предоставлялись широкие права изменять сроки открытия и закрытия торговых заведений, а также разрешать торговлю в праздничные дни. В пределах рабочего дня проект устанавливал для служащих обязательные перерывы для принятия пищи, а также воскресный и праздничный отдых. Торговые служащие и ученики обоего пола, не достигшие 17 лет, должны были независимо от перерывов освобождаться от занятий в будничные дни не менее чем за три часа для посещения школы, женщины — освобождались от работы за две недели до родов и в течение четырех недель после родов с сохранением содержания.

Проект о найме торговых служащих устанавливал подробную регламентацию взаимоотношений между служащим и владельцем торгового предприятия, начиная от оформления условий найма до мельчайших подробностей совместной деятельности. По заключении личного договора владелец предприятия обязан был выдать служащему расчетную книжку, в которой обозначалось время заключения договора и срок, если он являлся срочным (в данном случае обе стороны могли отказаться от его продолжения только при наличии

уважительных причин, например, несвоевременная плата, грубое обращение, недобросовестность при исполнении работы, неявка на работу без уважительных причин в течение трех дней и т.п.). Уважались также обязанности, возлагаемые на торгового служащего, размер вознаграждения и сроки его выдачи.

Проект не только регламентировал обязанности служащего, но и в какой-то мере гарантировал его права. Если служащий вследствие несчастного случая или болезни лишался возможности выполнять установленные обязанности, то он сохранял право на получение жалования в течение двух месяцев. В случае болезни служащего хозяин обязывался предоставлять ему бесплатную медицинскую помощь в течение двух месяцев. Торговому служащему, который проработал в одном и том же предприятии не менее года, предоставлялось право требовать месячный отпуск с сохранением содержания⁴⁸.

После Февральской революции некоторые социальные разделы кадетской программы, прежде всего аграрный, подверглись некоторой корректировке. На VIII съезда партии народной свободы, состоявшемся 9-12 мая 1917 года в Петрограде, по докладу Н.Н.Черненкова была принята специальная резолюция по аграрному вопросу. Характерно, что в ряде важнейших позиций кадетское руководство возвратилось к своей первоначальной программе, принятой в 1905 году. Во-первых, произошло некоторое расширение источников пополнения общегосударственного земельного фонда для наделения крестьян, в который должны были отойти земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, принадлежащие Крестьянскому и Дворянскому банкам, а также принудительно отчуждаемые частновладельческие земли, превышающие трудовую норму. По существу, как и в 1905 году, речь шла о принудительном отчуждении подавляющего большинства помещичьих земель.

Принудительному отчуждению не подлежали: 1) земли сельских обществ и приравненные к ним казачьи земли; 2) не превышающие трудовой нормы

мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; 3) земли под фабриками и заводами, усадьбы, сады, виноградники, огороды; 4) земли, принадлежащие городам, земствам, а также другим учреждениям, предназначенные для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общепользовательных целей. В тех местностях, где не было недостатка земли для нормального обеспечения малоземельного и безземельного населения, тем владельцам, которые вели хозяйство собственным инвентарем, предоставлялось право «сохранить за собой количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для этого предельной нормы. Одновременно допускалось также, что в исключительных случаях, когда местные земельные учреждения признают необходимым сохранить «данное хозяйство в прежнем виде» сохранить за владельцем участок, превышающий предельную норму.

Земли государственного фонда передавались на удовлетворение нужд малоземельного и безземельного трудового земледельческого населения. Земли отводились на началах постоянного (бессрочного) пользования как коллективным единицам: общинам, обществам с подворным владением, товариществам и прочим союзам землевладельцев, так и отдельным владельцам. В новой редакции программы подчеркивалось, что «все земельные союзы (общины, общества с подворным владением), товарищества и проч. должны приобрести характер частно-правовых организаций».

Принудительное отчуждение частновладельческих земель должно было производиться путем выкупа их государством. Выкупная сумма выплачивалась владельцам земли выкупными свидетельствами. Причем государство принимало на себя погашение всей выкупной суммы и известной доли процентов по выкупным свидетельствам. Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов включалась в особый налог с земель, отводимых в пользование населения.

В новой редакции программы содержались требования, направленные на: 1) устранение из действующих законов мер насильственного разрушения общинного

землевладения; 2) установление порядка о выделе отдельных членов из общины, обеспечивающего интересы как выходящих и выделяющихся, так и прочих общинников. Местным земельным учреждениям предоставлялись достаточно широкие права в реализации земельной реформы, включая выработку критериев принудительного отчуждения частновладельческих земель, определения норм и их доходности, круга наделяемых малоземельных и безземельных местных крестьян, а также в решении вопросов их переселения⁴⁹.

Теоретическое осмысление содержательной (сущностной) стороны социальной программы русских либералов начала XX в., так и предлагаемых ими механизмов ее практической реализации должно быть учтено современными реформаторами, если они серьезно стремятся к созданию правового государства и системы рыночных отношений. При этом прежде всего следует понять почему глубоко теоретически обоснованные либеральные программы не только не были восприняты, но и по существу отвергнуты теми социальными стратами, на улучшение положения которых они и были направлены. Во-первых, опыт России показывает, что в экстремальных ситуациях либеральные программы, рассчитанные на реформирование всех сфер общественной жизни, на мирное, парламентское согласование разнородных социальных интересов не нашли (и сейчас не находят) поддержки со стороны массового сознания, в котором, как правило, продолжают доминировать максималистские требования и экстремистские настроения. Если же учесть ту предельную остроту политической конфронтационности, резкую поляризацию социальных интересов, имевших место как тогда, в начале XX века, так и сейчас, на его завершающей стадии, то можно с большей или меньшей долей вероятности предположить, чем же закончатся современные реформаторские эксперименты. Во-вторых, суть проблемы, на мой взгляд, состоит в том, что любая социальная программа должна найти отклик и поддержку в массовом сознании, ибо только в этом случае она имеет шанс на успех. Российского же крестьянина.

рабочего и служащего, имеющих крайне низкий уровень жизни, практически мало волновал вопрос о экономической целесообразности сохранения рационального капиталистического помещичьего хозяйства, или же о экономической невозможности немедленного осуществления 8-часового рабочего дня. Массовое сознание как тогда, так и сейчас лучше воспринимает именно максималистские лозунги социалистических партий, которые, без учета каких-либо реальных экономических возможностей, настаивали на национализации и даже социализации земли, на немедленном введении 8-часового рабочего дня, максимальном повышении заработной платы и т.п. В этой ситуации реальные и ответственные политики, как правило, проигрывают и пасуют перед демагогами, начинают заискивать перед маргинальной средой, корректировать в угоду ей свою программу, что, в конечном счете, ведет к их политическому провалу.

Глава пятая

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Внешнеполитическая программа являлась важнейшим структурным элементом либеральной идеологии. Ее отдельные элементы появились еще в период русско-японской войны. Однако глубокая теоретическая проработка и политическая обкатка этой программы была осуществлена в 1908-1914 годах, когда «взрыв» интереса к внешнеполитическим вопросам достиг в России своего пика. Они ставились и рассматривались на страницах периодической печати, в специальных исследованиях по вопросам международных отношений и международного права, в докладах и лекциях, активно обсуждались в различных партийных кругах. Начиная с февраля 1908 года, обсуждение внешней политики вошло в думскую практику, стало предметом острых дискуссий на пленарных и закрытых заседаниях III и IV Думы. Входя в состав парламентских делегаций и межпарламентских комиссий, лидеры либеральных партий поддерживали контакты с многими парламентариями и крупными политическими деятелями ведущих западных государств. Они же контактировали с министрами иностранных дел А.П.Извольским и С.Д.Сазоновым, крупными чиновниками МИД. В период первой мировой войны внешнеполитическая программа русских либералов приобрела заверченный характер и стала реализовываться министром иностранных дел Временного правительства П.Н.Милюковым.

Устойчивый интерес к внешнеполитическим проблемам со стороны русских либералов был вполне закономерен, ибо отражал ведущие тенденции междуна-

родного процесса в начале XX века, для которого были характерны: предельная обостренность борьбы между различными государствами за новый передел мира, за новые территории и рынки сбыта. Все это, разумеется, не могло оставить равнодушными русских либералов, которые после поражения царизма в русско-японской войне считали уже не возможным остаться в стороне от обсуждения международных проблем, стремились включить их в контекст своей общетеоретической модели переустройства России.

Внешняя политика является особой сферой теоретической мысли и общественной жизни, где, в отличие от внутренней политики, различные интересы отражаются и сталкиваются не прямо, а опосредованно, что придает ей некую сублимацию общенациональных интересов. Поэтому особое место внешней политики в системе ценностных ориентаций не могло не оказать влияния на выработку либеральными партиями своих внешнеполитических программ. Октябристы и прогрессисты считали, что в области внешней политики вообще следует придерживаться внепартийной линии. Даже центральное руководство кадетской партии во главе с П.Н.Милюковым неоднократно подчеркивало, что в вопросах внешней политики следует придерживаться «менее партийной линии, чем в вопросах внутренней политики»¹. И тем не менее до определенного момента (фактически до начала первой мировой войны) нельзя ставить знак равенства между кадетской «менее партийной» и октябристской и прогрессистской «внепартийной» линиями в области внешней политики. Несмотря на то, что по мере обострения международной обстановки расхождения по внешнеполитическим вопросам между либеральными партиями постепенно сглаживались, тем не менее полное «партийное разгораживание» в этой сфере произошло только после начала первой мировой войны.

Эти расхождения касались довольно широкого круга международных проблем: выбор внешнеполитической ориентации, определение основных направлений внешнеполитического курса, оценка места и роли на-

ционально-освободительных движений в международной политике, путей и средств решения внешнеполитических задач. При этом октябристы и прогрессисты по преимуществу отстаивали те международные соглашения, которые прежде всего и больше всего отвечали непосредственным и даже в известной мере сиюминутным интересам крупной торгово-промышленной буржуазии, стремившейся к расширению и упрочению своего экономического положения в тех регионах, которые традиционно входили в сферу влияния России, к завоеванию новых территорий и новых рынков сбыта. Кадеты же преимущественное влияние уделяли разработке теоретических основ и принципов внешней политики, аккумулировавшей в себе широко понятые общенациональные интересы России. При этом они стремились смоделировать развитие международных отношений на обозримую историческую перспективу.

В наиболее концентрированном виде основное содержание внешнеполитической доктрины русского либерализма было изложено в статье П.Б.Струве «Великая Россия», опубликованной в январе 1908 года, с весьма характерным подзаголовком «Из размышлений о проблеме русского могущества». Обратив внимание на органическую связь между внутренней и внешней политикой, Струве попытался дать ответ на им же сформулированный вопрос о том, в какой мере изменения, происшедшие в области государственного строя после 17 октября 1905 г., способствовали укреплению внешнего могущества России? Акцентируя внимание на том, что «внешнее могущество есть верховная ценность с государственной точки зрения», Струве писал: «Оселком и мерилom всей, т.н. «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос в какой мере эта политика содействует т.н.внешнему могуществу государства». И хотя в данной статье Струве не дал прямого ответа на этот вопрос, но из ее контекста видно, что речь шла о необходимости проведения активной внешней политики.

Одним из необходимых условий создания Великой России, по мнению Струве, является ее ориентация на

союз с Францией и соглашение с Англией, которые должны оказать поддержку России в осуществление ее национальных внешнеполитических задач. Он настаивал на необходимости коренного изменения основного направления внешнеполитического правительственного курса. Струве считал, что дальневосточная политика царизма была в корне ошибочной, ибо шла вразрез с «историческим прошлым» и «живыми культурными традициями». Крах дальневосточной авантюры царизма был преопределен прежде всего потому, что эпицентр внешней политики государства был искусственно перенесен «в область, недоступную русской культуре». «Теперь пора признать, — писал Струве, — что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, «выходящие» к Черному морю». По мнению Струве, для утверждения реального господства России в бассейне Черного моря имеется прочный материальный фундамент: «люди, каменный уголь и железо». На этом реальном базисе и только на нем «неустанную культурную работу, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного». Именно с Черноморского побережья, подчеркивал Струве, «мы должны экономически завоевать и наши собственно тихоокеанские владения».

Теоретически разрабатывая проблемы Великой России, Струве настаивал на необходимости наращивания военной мощи государства, создании «сильной армии и такого флота», который «обеспечивал бы нам возможность десанта в любом пункте Черного моря и в то же время абсолютно обеспечивал нас от вражеского десанта в этой области. Другими словами, мы должны быть господами на Черном море». Из такого господства, про-

должал он, «само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке», которое должно быть «осуществлено мирным путем»².

Программная статья Струве, вызвавшая острую полемику в печати различных политических направлений, стимулировала процесс разработки внешнеполитической концепции русского либерализма. Либералы сходились в том, что основным фактором, определяющим развитие международных отношений в начале XX века, является «мировая конкуренция Англии и Германии», что назревающий конфликт между этими странами лежит «в основе мировых отношений». Настаивая на том, чтобы царизм прекратил в выборе своей внешнеполитической ориентации колебания между Германией и Англией, либералы были тем не менее против того, чтобы Россия шла «на буксире той или другой стороны исключительно». «Наш интерес, — заявил Милюков на заседании ЦК 1 марта 1909 года, — в балансировании, соответственно собственным целям. Союз России с Англией полезен для англичан, чем для нас: без поддержки континентальной армии Англия не могла бы победить Германию и такую континентальную армию мы могли бы ей дать и, напротив, в случае нашего столкновения с Германией английский флот не принес бы нам большой пользы. Поэтому, как ни выгодно там тесное общение с Англией во многих других отношениях, но мы не можем не оглядываться и на Германию. Что касается союза с Францией, то здесь фатально и мы и Франция обречены на союз, чтобы парализовать армию Германии. И этот союз, в смысле оборонительного средства, остается еще надолго. Положение вещей однако меняется, если мы посмотрим на этот союз с точки зрения активной политики: здесь Франция может больше рассчитывать на нас, чем мы на ее». Общий же вывод Милюкова сводился к следующему: хотя союзы с Францией и Англией желательны, но система этих союзов скорее пассивная, чем активная и «расчет наш на поддержку со стороны союзников не может быть слишком велик»³.

Отстаивая идею балансирования, либералы, учитывая расстановку сил на международной арене, выступали за союз с Францией и за соглашение с Англией. Причем для кадетов внешнеполитическая ориентация на эти страны была изначально доминирующей и всецело соответствующей их модели государственного устройства. Разъясняя причину, почему кадеты склоняются к союзу с Францией и соглашению с Англией, Милюков подчеркивал: «в силу их внутреннего строя и, наоборот, нам менее симпатичен союз с Германией, с которой наша дипломатия связана отчасти династическими связями, отчасти солидарностью в охране старого строя»⁴.

Вместе с тем для октябристов и прогрессистов до определенного момента была характерна известная двойственность в выборе внешнеполитической ориентации. С одной стороны, они ориентировались на союз с Францией и соглашение с Англией, а с другой — на Японию и даже какое-то время на Германию. Однако после Боснийского кризиса 1908 года и по мере дальнейшего обострения межимпериалистических противоречий на Среднем и особенно на Ближнем востоке, октябристы и прогрессисты переходят в лагерь противников Германии и сближаются в этом вопросе с кадетами. Однако на Дальнем Востоке октябристы продолжали ориентироваться на Японию и маньчжурскую династию в Китае, выступая при этом против кадетов, которые ориентировались в данном регионе на США и китайскую либеральную буржуазию.

Определенные расхождения между либералами были и по вопросу выбора основного направления внешнеполитического курса России. Октябристы и прогрессисты были убеждены в том, что Россия несмотря на поражение в русско-японской войне сохранила потенциальную возможность для проведения активной внешней политики одновременно на Дальнем, Среднем и Ближнем Востоке. Что же касается кадетов, то они, в принципе, не игнорируя дальневосточного и средневосточного направлений внешней политики, считали все же целесообразным сосредоточиться на од-

ном из перспективных, по их мнению, направлений — Ближнем Востоке. Установление господства России в бассейне Черного моря, считали кадеты, должно стать основой для проведения в дальнейшем активной внешней политики и в других регионах.

Выступая за проведение царизмом активной внешней политики, либералы большое внимание уделяли вопросам мирного и немирного решения международных проблем. С особой остротой эти вопросы были ими поставлены во время Боснийского кризиса. Намечая пути выхода из сложившейся конфликтной ситуации, чреватой войной, либералы сходились в том, что Россия в данный момент не в состоянии силой оружия поддержать справедливые требования Сербии. «Положение дела на Ближнем Востоке такого, — писал князь Е.Н.Трубецкой, — что как уважающая себя нация, мы должны были бы требовать войны; но, в то же время, внутреннее наше положение вынуждает нас желать мира во что бы то ни стало, ибо поражение на войне теперь могло бы иметь последствием окончательное разложение и конец России»⁵. Аналогичной позиции придерживался и лидер актябристов А.И.Гучков, заявивший сначала на закрытом, а потом и на пленарном заседании III Думы, что Россия не готова силой оружия поддержать «справедливые славянские требования»⁶.

1 марта 1909 года состоялось заседание ЦК кадетов, на котором был заслушан и обсужден доклад Милюкова о тактике партии ввиду грозящих осложнений на Балканах. Считая заявление Гучкова политически вредным, ибо оно «уменьшает шансы России за границей», Милюков тем не менее со всей определенностью высказался за политическое урегулирование Боснийского кризиса. «Мы, — заявил он, — должны стоять на том, что к войне мы не готовы, и все делать для того, чтобы отклонить возможность войны». Вместе с тем Милюков поставил вопрос: до каких пределов «мы можем пользоваться этим аргументом, что мы не готовы воевать?». «Бывают моменты, — подчеркнул он, — когда даже маленькие государства решаются на войну

с крупными, — поэтому нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, чтобы не произошло, воевать не должна и не будет. Следовательно, и от нашей дипломатии мы готовы требовать, чтобы она держалась с большим достоинством»⁷.

Из этой посылки логически вытекало, что нарушение Австро-Венгрией национальных интересов Сербии все же является недостаточным предлогом для объявления ей войны. Подобная позиция вполне согласовывалась с концепцией неославизма, согласно которой взаимоотношения между Россией и остальными славянскими державами должны были строиться на принципах политического и национального равноправия и невмешательства в дела друг друга. На совещании кадетской фракции с представителями местных партийных комитетов, состоявшемся 20-21 октября 1908 года, Милюков подчеркнул, что не историческая миссия России в ее славянофильском понимании, а именно международные задачи выдвинули славянство в центр мировой политики. «Славянским вопросом, — заявил он, — необходимо интересоваться не в силу родства и сентиментальных славянофильских мотивов, а потому, что он представляет собой часть международного русского вопроса. Им нужно овладеть, доказав правым, что оппозиция знает его лучше их и лишит их монополии на патриотизм. Сейчас мировая политика исчерпывается антагонизмом Германии и Англии. Русская оппозиция должна определить свою позицию в этом вопросе. Славянство — даровая сила против германизации Балкан и эту силу надо использовать»⁸.

Милюков считал, что кадеты должны поддерживать славянские народы тогда и постольку, поскольку это совпадает с собственными национальными интересами России. На мартовском заседании ЦК в 1909 году он подчеркнул: «Наше положительное отношение к славянам должно найти свое подтверждение и в том, что оно соответствует нашим интересам в Европе: сейчас фактическая группировка славян в Европе идет параллельно нашим союзам и против германизма. Этим положением вещей и должна определяться наша славян-

ская политика»⁹. В заключение своего доклада Милюков еще раз указал, что «мы преследуем славянскую политику лишь в пределах собственных интересов, и нам воевать сейчас очень трудно»¹⁰. Однако, если речь пойдет о нарушении непосредственных национальных интересов России, то война, считал Милюков, представляется неизбежной.

Большинство присутствовавших на заседании ЦК высказались против «бряцания оружием». В.М.Гессен и А.М.Колюбакин считали, что Гучков прав, ибо «мы не можем и не должны даже из национальных соображений говорить, что мы сильнее, чем есть на самом деле». По мнению Гессена, «если бы мы позволили себе это, мы совершили бы преступление и тем заняли бы позицию, которую занимало в японскую войну «Новое время». Нам ни в коем случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу. Этой обязанности никто на нас не возлагает. Будем оставаться в роли критиков и никаких решений не предлагать». Настаивая на усилении критики в адрес правительства, А.М.Колюбакин заявил: «В войну нам втягиваться нельзя, как бы мы ни симпатизировали Сербии. Мы должны доказывать, что воевать мы бессильны и что слабость наша усиливается от внутренних не порядков». По мнению Шингарева, «преступлением перед страной является все, что могло бы принести малейший риск войны... Всеми силами надо протестовать против войны». «Война, — заявил Кутлер, — губельна для страны и надо принять меры к тому, чтобы ее избежать».

Однако В.Д.Набоков, А.С.Изгоев, Н.А.Гредескул считали позицию Гучкова антипатриотичной, ибо якобы он был не вправе «аргументировать одним лишь указанием на наше бессилие и неподготовленность». Так, Изгоев, соглашаясь с тезисом, что в данный момент «войны не должно быть», отмечал, что все же рано или поздно война неминуема и поэтому «большая русская либеральная партия не может устраниваться от определения своего отношения к борющимся сторонам». Еще дальше в своих прогнозах шел Гредескул,

заявивший: «Надо выступать против войны всеми средствами. Вместе с тем нам не следует подчеркивать свою излишнюю уступчивость, мы должны спокойно заявить, что если нас вынудят к войне, то мы будем воевать... с нашим общественным мнением мы должны прямо говорить, что война для нас пагубное дело, но если придется, будем воевать». Окончательный итог заседания ЦК сводился к следующему: «Войны, безусловно, над избегать»¹¹.

При разработке путей разрешения международных конфликтов идеологи русского либерализма исходили из общепринятого в то время в общественной науке тезиса о предопределенности и фатальной неизбежности войн в истории общества. Следовательно, они не могли отрицать возможности, а в ряде случаев и неизбежности решения международных конфликтов вооруженными средствами. Недаром либералы являлись сторонниками укрепления военного могущества России, выступали за техническое перевооружение и переоснащение армии и флота, за внедрение в общественное сознание идеи «здорового милитаризма».

Теоретическое обоснование этой идеи дал П.Б.Струве в статье «Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве», опубликованной в двухтомном сборнике «Великая Россия». Указывая на взаимосвязь и взаимозависимость между уровнем экономического развития страны и ее военном потенциале, Струве писал: «Эту связь можно сформулировать в положении: чем выше экономическое развитие страны, тем — при прочих равных условиях — выше ее боевая готовность и тем значительнее та сила, которую данная страна может развить при военном столкновении». Отмечая, что военные успехи любой страны связаны с множеством других факторов (техническое оснащение армии, «качество солдата», подготовка военачальников, «дух армии» и т.п.), Струве считал, что все же определяющим фактором в деле реализации этих успехов является именно уровень развития народного хозяйства. «Влияние войны на народное хозяйство, — отмечал он, — го-

раздо меньше чем влияние того или иного положения народного хозяйства на войну, а точнее на те ресурсы (военные и финансовые), с которыми государство вступает в войну и тем самым шансы войны».

Проецируя эти общетеоретические посылки на Россию, Струве писал: «С точки зрения военной готовности России нет более настоящей общей задачи, чем укрепление ее экономического состояния или иначе, чем политика, направленная на накопление капиталов в стране. Ибо нельзя достаточно подчеркнуть, что слабое место России в сравнении с ее противниками заключается в ее экономической слабости, которая может быть преодолена лишь упорною и многолетней работой над поднятием страны на высшую экономическую ступень. Нет теоретически более превратной и практически более опасной мысли, чем мысль, что в экономической отсталости России могут заключаться какие-либо преимущества в военном отношении». Развивая это положение, Струве подчеркивал: «До тех пор, пока мы не будем экономически настолько крепки, чтобы иметь возможность вести по крайней мере в течение года войну, не прибегая к разрушительным и незаконным средствам, т.е. пока наш внутренний денежный рынок не будет способен нормально удовлетворять финансовую потребность государства, втрое или вчетверо превышающую ту кредитную потребность, которую обнаружила по случаю столкновения с Японией, — до тех пор наши шансы в вооруженном столкновении с той европейской коалицией, которая реально противостоит нам, будут значительно слабее шансов наших противников»¹².

Струвистские идеи здорового милитаризма, из которых логически вытекала необходимость приступить к коренной перестройке армии и флота, повышение их военно-технической оснащенности и боевой готовности, разделялись подавляющим большинством либералов. «Если мы, — писал А.С.Изгоев, — признаем государство, мы признаем и защиту его, признаем и армию, а признаем армию, должны признавать и войну и обучение армии для войны... Перед нашим сознани-

ем такая дилемма: либо существование нынешних государств в их нынешних границах, а, следовательно, и армии, и возможность войн или же отрицание войн во что бы то ни стало, а, следовательно, и отрицание в конечном счете государства, да и всей культуры»¹³.

Идеи здорового милитаризма пронизывали и все содержание сборника «Великая Россия». Во-первых, в них содержалась резкая критика в адрес военного и морского министерства, которые «не имели ни программ, ни четко разработанных военно-стратегических планов». Во-вторых, выдвигались требования коренной перестройки всей системы руководства армией и флотом, их реорганизации и оснащения новейшими видами вооружений. В-третьих, велась борьба против идей пацифизма. Так, в предисловии ко второму сборнику «Великая Россия» В.П.Рябушинский писал: «Успех пацифизма в России явился бы большим общественным злом и, как это ни звучит парадоксом, ослабляя боевую готовность нашей родины, нанес бы сильный удар делу мира. России нужен сейчас здоровый милитаризм»¹⁴. В противовес морализированию пацифистов о необходимости «исключить милитаризм из светской общеобразовательной школы», «бойкотировать магазины, продающие игрушечные орудия смерти», авторы сборника настаивали на том, что надо «всеми мерами развивать воинский дух в среде своих подданных, ибо только он один служит гарантией независимого существования государства и надежной охраной его международных интересов». Предлагалось создание Всероссийского патриотического союза, основной задачей которого должна быть «подготовка народа к войне», воспитание молодежи в семье и школе, организация военных обществ, издание военно-патриотических книг, брошюр, газет и журналов¹⁵.

Подчеркивая, что большинство русских либералов стояла на позициях «здорового милитаризма», нельзя не отметить, что в России все же имелось сравнительно небольшое пацифистское течение, объединявшее в своих рядах незначительную часть интеллигенции. Еще в начале XX века среди либерально настроенных членов

кружка «Беседа» возникла идея создания «Общества Мира». Тогда же были установлены связи с представителями «Обществ Мира» ряда западноевропейских стран, выработан устав общества. Однако попытка князя П.Д.Долгорукова представить устав общества на утверждение министра внутренних дел Д.С.Сипягина успехом не увенчалась. Вновь вопрос об уставе «Общества Мира» был поднят только в августе 1908 года и после годовой проволочки он был утвержден 13 июля 1909 года.

5 октября 1909 года в Москве было открыто «Общество Мира», председателем которого был избран член ЦК кадетской партии князь П.Д.Долгоруков, товарищем председателя член ЦК партии октябристов граф Л.А.Комаровский, казначеем член ЦК кадетов А.Р.Ледницкий. «Общества Мира» были открыты в Петербурге (председатель профессор М.М.Ковалевский), Ревеле (председатель П.А.Куйберг), Варшаве и Новочеркасске. В Киеве было создано «Общество друзей Мира». В Петербурге издавался журнал «Вестник Мира».

Согласно уставу, «Общества Мира» представляли собой внепартийные организации, в которых могли принимать участие «как самые правые по своим политическим убеждениям лица, так и самые левые». Однако их основу составляли представители либеральной интеллигенции, прежде всего кадетского направления. Деятельность пацифистов базировалась на двух принципах: во-первых, на вере «в конечное торжество общечеловеческих религиозно-нравственных» идеалов над «предрассудками и злом» и, во-вторых, на вере, что «человечество идет к полному прекращению войн и к торжеству международного права над физической расправой народов». Указывая, что развитие техники и разного рода новых изобретений «сделают войну в скором времени невозможной», пацифисты тем не менее признавали, что в условиях обострения межгосударственных противоречий войны все же являются неизбежными. Поэтому, выступая против захватнических войн, они признавали необходимость войн оборо-

нительных. «Итак, скрепя сердце, — говорил в одном из своих докладов П.Д.Долгоруков, — пацифисты допускают, что в современном человечестве война иногда бывает «печальной необходимостью» для обороны государства от нападения неприятеля». Признавая необходимость оборонительных войн, пацифисты выступали и за сохранение постоянной армии, считали нецелесообразным заниматься антимилитаристической пропагандой, призывами к отказу от военной службы¹⁶.

Основную свою задачу пацифисты видели в распространении своих идей среди широких масс населения, которые они намеривались познакомить с основами международного права, ролью и значением третейских судов и международных конференций мира. Они считали необходимым оказывать воздействие на законодательную власть и правительство при помощи «Обществ Мира», межпарламентского союза арбитража и Гаагских международных конференций. Так, «Общество Мира» в России поддерживали связи с «Обществами Мира» других стран, принимали участие на XVIII Международном конгрессе «Обществ Мира» в Стокгольме (1910 г.), конгрессе мира в Женеве (1912 г.). В состав межпарламентской организации арбитража входили М.М.Ковалевский, П.Н.Милюков, И.Н.Ефремов, М.А.Стахович и другие. «Общество Мира» в Москве поддерживало связи с редакциями ряда европейских специальных журналов, создало библиотеку и справочное бюро, регулярно устраивало лекции по международной проблематике.

Общетеоретические установки идеологов русского либерализма нашли свое конкретное выражение в политической линии различных партий применительно к основным направлениям внешнеполитического курса царизма. Анализ этих позиций целесообразно начать с дальневосточного направления. Известно, что царизм строил свою дальневосточную политику на основе русско-японского соглашения 17 июля 1907 года. Суть этого соглашения сводилась, во-первых, к провозглашению статус-кво на Дальнем Востоке и, во-вторых, к

разделу сфер влияния между Россией (Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия) и Японией (Корея и Южная Маньчжурия). 21 июня 1910 года было заключено новое русско-японское соглашение, направленное на дальнейшее урегулирование отношений России и Японии на Дальнем Востоке. Осознавая ограниченность своих возможностей, царизм стремился путем разного рода договоров и соглашений разграничить сферу интересов обеих стран и тем самым несколько смягчить напряженность между ними. Делая ставку на соглашение с Японией, царизм рассчитывал, что в условиях резко обострившихся межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке, усиления национально-освободительных движений в Азии ему удастся заручиться поддержкой Японии для реализации собственных планов в данном регионе. Вместе с тем царизм, заключив соглашение с Японией, получал более широкую возможность для активизации своей внешней политики на Среднем и Ближнем Востоке.

Дальневосточный внешнеполитический курс царизма в общем и целом получил поддержку со стороны либеральных партий, выступавших против повторения каких-либо новых «авантюр» в данном регионе. Однако они расходились между собой по вопросу о том, на какие международные соглашения следует опираться при проведении дальневосточного внешнеполитического курса. Так, октябристы, в принципе поддерживав курс правительства на соглашение с Японией, тем не менее считали, что оно все же не обеспечивает полной стабильности положения России на Дальнем Востоке и более выгодно Японии, чем России. Подталкивая правительство на проведение более активной политики в данном регионе, октябристы настаивали на выработке такой системы эффективных мер, которые, с одной стороны, создали бы необходимые условия для развития на Дальнем Востоке отечественной промышленности и торговли, защищали бы российских капиталистов от иностранной конкуренции, способствовали бы расширению колонизации в Приморье и Приамурье, а с другой, — привели бы к надежному военно-стратегиче-

ческому укреплению дальневосточных границ. «И пусть правительство, — считал Гучков, — будет уверено, что если потребуются принести самые тяжелые жертвы для того, чтобы упрочить нашу позицию на этой окраине России, в народном представительстве оно встретит единодушную и горячую поддержку»¹⁷.

Позиция октябристов была обусловлена прежде всего экономическими интересами крупной торгово-промышленной буржуазии, считавшей Дальний Восток одним из перспективных рынков сырья и сбыта. В усилении экономической экспансии на дальневосточные рынки были заинтересованы капиталисты Центрально-промышленного района и особенно московская крупная торгово-промышленная буржуазия, требовавшая у правительства расширения кредита, повышения железнодорожного тарифа, допущения частных капиталов в освоение и разработку местных природных богатств. Одновременно крупная торгово-промышленная буржуазия настаивала на закрытии порто-франко во Владивостоке, рассчитывая таким путем обезопасить себя от конкуренции как иностранных, так и местных предпринимателей. Идя навстречу этим требованиям, правительство внесло в III Думу законопроект об отмене порто франко во Владивостоке, который получил поддержку со стороны октябристов и прогрессистов. Октябристы поддерживали правительственный законопроект о строительстве Амурской железной дороги, которая, по их мнению, имела не только военно-стратегическое, но и важное экономическое значение.

За сохранение статус-кво на Дальнем Востоке до определенного времени выступали прогрессисты, призывавшие правительство проводить более осторожную и сдержанную политику. Они критиковали правительственный законопроект о строительстве Амурской железной дороги. «Проведение сейчас Амурской железной дороги, — писал М.М.Федоров, — неизбежно повлечет за собой продолжение пагубной для России дальневосточной политики. Это втянет нас опять в авантюру, последствия которой могут быть еще более грозны, чем только что пережитые. Такая пагубная

политика отвлечет нас не только от внутренних задач, но и от гораздо более исторически важных задач на Ближнем Востоке и в Европе¹⁸. Прогрессисты голосовали против правительственного законопроекта о строительстве Амурской железной дороги. Однако со временем их позиция стала меняться. Они стали резко критиковать русско-японское соглашение 1907 года, считая, что ориентация на Японию бесперспективна, ибо «позбуждает против нас Китай и портит наши отношения к Соединенным Штатам»¹⁹. Прогрессисты рекомендовали правительству активнее заняться укреплением дальневосточных границ, требовали от него проведения целого комплекса мероприятий, которые в своей совокупности позволили бы: «1) обеспечить исключительное преобладание России в тех районах, которые имеют стратегическое значение для защиты государственной границы; 2) сохранить те районы, которые могли бы послужить в будущем целям колонизации; 3) обеспечить преобладающее влияние по тем направлениям, по которым возможна постройка рельсовых путей для связи с железнодорожной сетью Восточной Азии; 4) обеспечить преобладающее влияние в тех районах, которые могут питать эти рельсовые пути; 5) сохранить за собой Приамурье и обеспечить за нами первенствующее положение в прилегающих пограничных районах Северной Маньчжурии»²⁰.

С критикой правительственного дальневосточного внешнеполитического курса выступали и кадеты, считавшие русско-японское соглашение 1907 года более выгодным для Японии, чем для России. «Очевидно, — заявил с думской трибуны 27 февраля 1908 г. Милюков, — что наше положение в Северной Маньчжурии не соответствует положению японцев в Южной и что то равновесие, которое установлено буквой трактата, фактическим ходом жизни и успехами японской колонизации в значительной степени нарушилось». В целях успешного противодействия японской экспансии Милюков требовал у правительства выработать «совершенно новую систему отношений на Востоке», делая при этом ставку на «новые силы» в лице США и Ан-

глии, которые «входят в ряд постоянных участников дальневосточной дипломатии»²¹.

Для понимания позиции кадетов в области дальневосточной политики интерес представляет обсуждение 9 марта 1908 года на заседании ЦК и думской фракции вопроса об отношении к правительственному законопроекту о строительстве Амурской железной дороги. Ф.И.Родичев и И.И.Петрункевич считали законопроект «безответственной авантюрой» и предлагали его отвергнуть, ибо правительство «ведет нас на путь колониальной политики, которая в конечном счете может привести к новой войне, а война будет для России губельна». В свою очередь профессор Н.В.Некрасов считал, что «с стратегической точки зрения постройка дороги несомненный выигрыш». Подводя итоги дискуссии, Милюков предложил компромиссную тактику, суть которой сводилась к следующему: с одной стороны, во время обсуждения законопроекта «не надо касаться империализма и не отрицать необходимость защиты территории», а с другой, — дать критику «проекта с технической точки зрения и особенно той обстановки, в которой проходит его обсуждение»²². В поддержку законопроекта высказались некоторые члены ЦК и думской фракции. Но во время его голосования в III Думе кадеты вместе с прогрессистами, социал-демократами и трудовиками голосовали против принятия законопроекта.

Начиная с 1909 года, кадеты усилили критику дальневосточной политики царизма, уже прямо называя ориентацию на Японию «трудно поправимой ошибкой дипломатии». «Мы, — писал Милюков, — даже не знаем, кого считать своим союзником на Дальнем Востоке: китайцев или японцев. Японцы сначала укрепились в собственной сфере влияния, а потом начали вытеснять нас из нашей собственной. Японцы заставили китайцев заключить выгодные для себя договоры, отдавшие в руки Японии железные дороги в Южной Маньчжурии, распоряжение горными богатствами в сопредельных местностях и своеобразной консолидации в районе корейской колонизации. В Северной

Маньчжурии в наших руках осталась только полоса отчуждения Восточной железной дороги. Незащищенность наших пограничных местностей создала постоянную панику в общественных кругах»²³.

В наиболее концентрированном виде позиция кадетов в области дальневосточной политики была изложена в речи Милюкова, с которой он выступил 2 марта 1910 года на заседании Думы. Выдвинув в качестве исходного положения тезис о том, что на Дальнем Востоке накапливаются элементы конфликта, Милюков призвал правительство готовиться к тому, чтобы «встретить опасность раньше, чем она действительно придет». По его мнению, правительство должно сделать правильный выбор из двух реально существующих альтернатив, либо продолжать ориентироваться на Японию, либо взять курс на соглашение с США. Первый путь, считал Милюков, «вел и ведет нас к авантюрам и международным осложнениям». Второй путь — «есть путь международного мира».

Аргументируя предпочтительность курса на соглашение с США, Милюков заявил, что «обстоятельства, не зависящие от нас, складываются и будут складываться впредь все более и более благоприятно в смысле американского предложения (имеется в виду политика «открытых дверей» в Китае — В.Ш.) и нам будет все труднее и труднее стоять на точке зрения поддержки не столько наших, сколько японских интересов». В числе этих обстоятельств Милюков назвал следующие: 1) предстоящее открытие Панамского канала, что должно было с логической неизбежностью привести к усилению позиции США в бассейне Тихого океана и соответственно к обострению противоречий между Америкой и Японией; 2) наличие реальной возможности создания «сильного Китая» в случае победы там национально-освободительного движения и прихода к власти либеральной буржуазии; 3) ослабление англо-японского союза. «На основании всех этих трех рядов фактов, мной перечисленных, — заявил Милюков, — я и делаю вывод, что идя сейчас с Японией против Китая, мы, выражаясь словами английского дипломата,

ставим не на ту лошадь. Нам надо заранее знать, что комбинация эта будет невыгодна для нас». Учитывая ближайшую перспективу развития международных отношений на Дальнем Востоке, Милюков рекомендовал правительству делать ставку не на Японию, положение которой «чем далее, тем более становится затруднительным», а на Китай, который «несравненно более для нас нужный сосед, чем отдаленная Япония». Учитывая развитие национально-освободительного движения в Китае, Милюков советовал правительству пересмотреть к нему свою политику, взяв на вооружение американскую доктрину «открытых дверей», оказать поддержку национальной китайской буржуазии. «Поддержка слабого, — подчеркивал он, испытанный дипломатический прием», который широко и с успехом используется великими державами в международных отношениях²⁴.

Предлагаемая Милюковым программа дальневосточной политики была основана на более реальном учете дальнейшей перспективы развития международных отношений на Дальнем Востоке, на учете изменившегося соотношения сил в данном регионе, на учете необходимости так или иначе считаться с развитием национально-освободительных движений в Азии.

В период революции в Китае международные противоречия на Дальнем Востоке еще более обострились. Октябристы и прогрессисты настойчиво подталкивали царское правительство к открытому вмешательству во внутренние дела Китая, считали необходимым оказать поддержку маньчжурской династии, заставить ее пойти на выгодные для российской буржуазии экономические и территориальные уступки. На страницах «Голоса Москвы» и «Утра России» были опубликованы десятки статей, в которых высказывались требования к «нашим дипломатам» воспользоваться «чужой слабостью и уметь получить свои выгоды и закрепить свое положение», в противном «последний благоприятный случай для урегулирования нашей дальневосточной проблемы может быть навсегда упущен и не использовать его было бы преступлением перед Россией»²⁵.

Программа октябристов и прогрессистов сводилась к следующему. Россия в союзе с Францией и Японией, интересы которых в отношении Китая совпадают должна настаивать на разделе Китая на сферы влияния. При этом предполагалось, что Северный Китай с Пекином должен остаться под властью маньчжурской династии, которой в случае необходимости Россия должна была оказать финансовую помощь. В свою очередь к России должны были отойти Северная Маньчжурия, Монголия, Джунгари и Восточный Туркестан. «Этот путь, путь своевременного и целесообразного вмешательства, — писала «Голос Москвы», — и его следует усиленно рекомендовать руководителям внешней политики России»²⁶.

Настаивая на проведении активной политики вмешательства во внутренние дела Китая, октябристы и прогрессисты требовали у правительства принятия эффективных мер, которые бы позволили оградить интересы русских предпринимателей от иностранной конкуренции в Северной Маньчжурии и Монголии. «Надо предъявить, — писала «Голос Москвы», — категорическое требование о Маньчжурии. Японцам нет места в Северной Маньчжурии»²⁷. В статье «Монгольско-китайский банк и торговля в Монголии» орган октябристов наметил целую программу развития торговых отношений с Монголией, которая включала в себя следующие пункты: 1) постройка подъездных рельсовых путей к границам Монголии от Забайкальской, Сибирской и Ташкентской линий; 2) открытие складов русских товаров в Тяньцзине; 3) привлечение на нашу сторону китайцев, торгующих в Монголии иностранными товарами и скупающих для иностранцев же монгольское сырье; 4) твердое отстаивание перед Китаем наших договорных прав в Монголии»²⁸.

Октябристы и прогрессисты с удовлетворением встретили признание царским правительством независимости Монголии, считая, что это открывает для «русской промышленности широкие перспективы почти безраздельного господства в этой стране». Они считали также, что Монголия должна явиться, с одной сто-

роны, рынком «сбыта изделий нашей фабрично-заводской промышленности, хлопчатобумажных тканей», а с другой, — рынком «для вывоза сырья (кожа, шерсть, пушнина, скот, лошади)»²⁹. Прогрессистское «Утро России» писала: «Организовав ввоз наших товаров, мы получим возможность широко эксплуатировать вывоз огромных естественных богатств этой почти девственной страны»³⁰.

Октябристы и прогрессисты высказывались против какой-либо поддержки национально-освободительного движения в Китае. Их не устраивал лозунг китайской буржуазии «Китай для китайцев», который был направлен, с одной стороны, против маньчжурской династии, а с другой, — против вмешательства во внутренние дела Китая других держав. Экспансионистские планы китайской буржуазии, поддерживаемые США и Японией, добиться ликвидации монгольской автономии находились в явном противоречии с интересами и устремлениями русской буржуазии. Октябристы и прогрессисты выступали против предоставления независимости Китаю, настаивали на его разделе на сферы влияния. Именно поэтому они выступали против предложения международного консорциума банков предоставить заем Юань Шикаю, который бы способствовал укреплению позиций национальной китайской буржуазии.

Более тонкую позицию по отношению к национально-освободительному движению в Китае занимали кадеты. Оценивая китайскую революцию как антидинастическую и антифеодальную, кадеты считали, что она призвана расчистить пути для капиталистического развития и национального возрождения этой страны. Выступая 2 марта 1911 года в III Думе, Милюков заявил: «У себя дома цветные расы хотят, наконец, стать хозяевами, что это мировой факт, игнорировать его нельзя»³¹. В отличие от октябристов и прогрессистов, кадеты выступали за территориальную неприкосновенность Китая, предлагали сделать ставку на китайскую национальную буржуазию и либеральную интеллигенцию. Они рекомендовали царизму последовать

примеру США и проводить свою дальневосточную политику под флагом «дружбы» и «поддержки» Китая. Кадеты высказывались в поддержку американского предложения оказать крупный международный заем Юань Шикаю, предназначенный в том числе и для целей прекращения революционного движения в Китае.

Предвидя взрыв национализма, Милюков советовал искать такое политическое решение, которое позволило бы, с одной стороны, укрепить отношения между Россией и «обновленным» Китаем, а с другой, — могло бы стать «барьером» против возможного китайско-японского союза, что могло бы привести к вытеснению России «не только из Маньчжурии, но и с берегов Тихого океана»³². Чтобы не допустить такого исхода событий, Милюков выступил с осуждением аннексионистских устремлений октябристов и прогрессистов, которые, по его мнению, не только не соответствовали наличию реальных сил царизма, но и могли привести: во-первых, к тому, что наряду с собственными «национальными вопросами в России появится еще новый китайский национальный вопрос» и, во-вторых, к обострению антагонизма с китайской национальной буржуазией и ее подталкиванию к союзу с японской буржуазией. Подводя итоги внешней политики в 1911 году Милюков писал: «Но не нужно скрывать от себя, что всякая попытка что-либо оторвать от Китая теперь, пользуясь его временной слабостью, чревата неисчислимыми последствиями. Если урок Маньчжурии может чему-либо научить нашу власть, то это именно — не повторять слишком дорогого и опасного опыта»³³. Разделяя идею т.н. «желтой опасности», Милюков предлагал правительству отказаться от представлений о «параллелизме» русских и японских интересов на Дальнем Востоке и ориентироваться в этом регионе на США.

В фокусе средневосточного внешнеполитического курса царизма и либеральных партий находился Иран. Русско-английское соглашение 1907 года способствовало политическому урегулированию отношений между Россией и Англией в Иране. Однако иранская революция во многом спутала планы держав, заставила их

внести определенные коррективы и во внешнеполитический курс на Среднем Востоке. Революция привела к усилению интервенционистских устремлений со стороны правящих кругов Англии и России. Царизм по мере сил и возможностей оказывал помощь шахскому режиму, посылая в Иран воинские отряды, действовавшие там под командованием полковника Ляхова. В свою очередь революция вызвала неприятие со стороны крупной русской торгово-промышленной буржуазии, опасавшейся проникновения в Иран германского капитала и конкуренции германских товаров. С одной стороны, русской буржуазии было, несомненно, выгодно столкновение интересов Англии и Германии в Иране и ее представители неоднократно выступали с заявлениями о необходимости держаться нейтралитета в надвигавшейся англо-германской «схватке в сфере влияния Англии»³⁴. С другой стороны, она самым решительным образом требовала у правительства поставить надежный барьер проникновению Германии в «сферу влияния» России. Именно поэтому представители октябристского и прогрессистского капитала выступали с критикой правительственных проектов железнодорожного строительства в Иране, считая, что их реализация неминуемо приведет к открытию иранского рынка товарам иностранных конкурентов и прежде всего Германии.

Позиция октябристов и прогрессистов получила подробное обоснование на совещании промышленников московского района, состоявшемся 9 ноября 1910 года в Москве на квартире П.П.Рябушинского. На следующий день, 10 ноября, в газете «Голос Москвы» была опубликована статья Г.А.Крестовникова, в которой он, выражая мнение участников совещания, решительно высказался не только против строительства ответвления Багдадской железной дороги к Тегерану, но и против проекта т.н. Трансперсидской дороги Тифлис-Тегеран и далее в Индию. «Мы, — подчеркнул председатель московского биржевого комитета, — преподносим Германии устройство транзита на наш счет в Пер-

сию и готовый персидский рынок, отнимая его у своей промышленности».

По мере обострения политической обстановки в Иране и особенно после восстания в Тебризе, крупная торгово-промышленная буржуазия все более настойчиво стала требовать у правительства самых решительных и эффективных мер для ограждения интересов торговли и промышленности. «Нам нет дела до того, — писала «Голос Москвы, — кто правит Персией и как он ею правит, но нам важно, чтобы каждая капля нашего труда, каждая копейка, пущенная в оборот, были сохранены и обеспечены». Газета предупреждала: «возможно, что недалеко то время, когда общественное мнение России поставит правительству строго определенное требование соблюсти русские интересы в полной мере, на задумываясь над путями и способами, какими это может быть достигнуто»³⁵. Через год с небольшим октябристы «расшифровали», что они имеют в виду под такими средствами. «Сентиментальность в этом деле излишняя, — подчеркивалось в «Голосе Москвы», — и если для устранения мятежа нужно поставить в Тавризе ряд виселиц — пусть будут виселицы»³⁶. Октябристы явно подталкивали царизм на путь открытой интервенции против иранской революции. Правда, они считали, что царизм должен свои интервенционалистские планы скоординировать с Англией.

Довольно быстро на позиции подавления иранской революции встали прогрессисты. Если в первой половине 1909 года лидеры прогрессистов еще выступали против открытой интервенции, призывали занять выжидательную позицию, ограничиться «исключительно защитой русской торговли и русских поданных, предоставляя шаху и его народу устанавливать свои порядки»³⁷, то в 1911 году они уже настаивали на необходимости «принять действенные меры для обеспечения порядка в признанном за нами районе влияния»³⁸. Одобрив ввод царских войск в Азербайджан, прогрессисты считали, что посылка правительством воинских отрядов является мерой явно недостаточной, ибо не даст возможности водворить в Иране «тот минимум поряд-

ка, без которого немислимы торговые дела». В связи с этим князь Г.Н.Трубецкой поставил перед правительством задачу склонить Англию к пересмотру соглашения 1907 года. Суть этого пересмотра сводилась к следующему: Россия должна была гарантировать, что не будет нарушать территориальную неприкосновенность Ирана, а взамен Англия должна была предоставить ей «свободу рук» для обеспечения «наших интересов в признанном ею районе»³⁹.

В свою очередь кадеты, приветствуя победу конституционного режима в Иране, отмечали, что новый порядок создаст более благоприятные, чем ранее, условия для развития русской торговли и промышленности, для размещения дополнительных займов. Они довольно резко критиковали правительство за то, что оно не могло понять характера и содержания революции в Иране и продолжает вести свою политику как бы не замечая происшедших в этой стране перемен. Правительство, указывали кадеты, вместо того, чтобы продолжать ориентироваться на старую шахскую династию, должно было сделать ставку на иранскую национальную буржуазию и либеральную интеллигенцию. Кадеты стремились предупредить правительство об опасности «увязнуть» в иранские дела в такой момент, когда «Балканы еще богаты сюрпризами, и когда вся наша свобода действий и все наши силы могут понадобиться там»⁴⁰. Поэтому они настоятельно советовали действовать в Иране совместными усилиями с Англией, не прибегая до определенного момента к интервенции. Однако, начиная с 1911 года (особенно после того, как иранское правительство пригласило в качестве своего советника германского подданного Моргана-Шустера), кадеты фактически встали на путь поддержки интервенционалистской политики царского правительства. При этом они рекомендовали ему применять для подавления революции не только «домашние», но и английские методы лавирования. Разъясняя суть этих методов, «Речь» писала: «Не воюя с Персией, мы берем на себя выполнение экзекуций, вместо того, чтобы по примеру Англии предоставить расправу са-

ним же персам и, избавившись таким образом от одиума народного недовольства, наглядно доказать населению, что персидские власти не могут допустить посягательства на русский престиж»⁴¹.

Призывая царизм действовать в полном согласии с Англией на основе соглашения 1907 года, «Речь» одобрила введение дополнительного контингента царских войск в Северный Иран, а также высадку английского десанта на юге Ирана. Выступая в III Думе, Милюков заявил, что посылка «нового отряда русских войск в Тебриз была вызвана несговорчивостью меджлиса». Однако, не возражая в принципе против интервенции, Милюков все же призывал правительство к осторожности. «Конечно, Персия есть тоже Азия. Но даже и после русско-английского соглашения, даже после Портсдама, мы там же вынуждены действовать на глазах Европы»⁴².

Чтобы в полном объеме понять ближневосточную программу русских либералов, необходимо рассмотреть их позицию в отношении к турецкой революции 1908 года. Ведущие либеральные газеты сразу же направили в Турцию своих специальных корреспондентов. Турцию посетили П.Н.Милюков, А.И.Гучков, А.А.Стахович, которые встречались с лидерами младотурецкой революции, видными депутатами меджлиса. Идеологов русского либерализма в принципе устраивала младотурецкая революция, приведшая к установлению в Турции конституционно-монархического режима. Положительно оценивая унитаристскую позицию лидеров младотурецкой революции, их монархизм, национализм и консерватизм, либералы до определенного момента были уверены в том, что младотурки проявят «благоразумие» и в области внешней политики согласятся пойти на удовлетворение требований великих держав провести реформу в Македонии, а также не будут противодействовать реализации внешнеполитических планов России на Ближнем Востоке и прежде всего решению вопроса о Проливах. Кроме того, все либеральные партии питали надежду на то, что в результате младотурецкой революции произойдет ослабление

германского влияния в Турции, что в значительной мере позволит расширить возможности для сбыта товаров отечественной промышленности. Все это вместе взятое и предопределило вначале благожелательную позицию «нейтралитета» к младотурецкой революции со стороны царизма и либеральных партий, рассчитывавших, кроме всего прочего, на включение Турции в состав Всебалканской конфедерации, направленной своим острием против Австро-Венгрии и Германии.

Однако эти надежды русских либералов не оправдались, ибо добившись от султана восстановления конституции 1876 г., младотурки, с одной стороны, вступили на путь насильственной расправы с национально-освободительным движением балканских народов, а с другой, — начали под лозунгом «Турция для турок» осуществлять внешнюю политику, которая шла вразрез с интересами и устремлениями других держав, стремящихся к разделу Турции. Известно, что царизм и либеральные партии в качестве одного из путей выхода из Боснийского кризиса намечали проведение компенсаций славянским государствам за счет территориальных уступок со стороны Турции.

Балканский кризис 1911 года привел к дальнейшему обострению международной обстановки на Ближнем Востоке. Весной-летом 1911 года усилилась национально-освободительная борьба балканских народов за свое освобождение от османского ига и отмену устаревшей системы международных отношений, установленной на Балканах еще Берлинским конгрессом 1878 года. Политический кризис на Балканах заставил царизм и либеральные партии самым внимательным образом отнестись к развитию международных отношений в данном регионе. Продолжая выступать за сохранение статус-кво на Балканах, царизм все еще надеялся, что ему удастся воспользоваться политической изоляцией Турции и выторговать у нее компенсации в вопросах о Проливах, железнодорожном строительстве в приграничных с Россией областях и о положении в Урмийском крае. Одновременно либеральные партии, выступая также за статус-кво на Балканах, настаива-

ли на необходимости освободить русскую дипломатию от туркофильских тенденций, отказаться от курса на сближение с Турцией и создание Всебалканской конфедерации, более активно поддерживать балканские государства и стремиться к созданию Балканского союза. «Если бы даже для обуздания не в меру воинственной Турции, — писала «Голос Москвы», — потребовалось мобилизовать несколько русских корпусов на турецкой границе. Такая мера, полагаем, не была бы встречена русским общественным мнением несочувственно»⁴³. Призывая дипломатическое ведомство к активной политике на Балканах, «Утро России» подчеркивала: «Возвращение русского дипломатического ведомства к активной политике на Балканах будет встречено с несомненной симпатией и чувством полного удовлетворения»⁴⁴. Кадеты также считали, что в данный момент «развязались руки для новой, более решительной политики — поддержки славянских народов против Турции»⁴⁵.

Антитурецкие настроения в кругах либеральной оппозиции еще более усилились в период итало-турецкой войны. Наиболее воинственную позицию по отношению к Турции заняли октябристы, выступившие против тактики пассивного нейтралитета, настаивавшие на установлении русско-итальянского сотрудничества на Ближнем Востоке. «Высшие интересы государства, — писала «Голос Москвы», — подсказывают ныне нашей дипломатии иную задачу, гораздо более многообещающую, чем возня с Турцией, и более или менее неудачные ухаживания за младотурецкой камарильей. Это — задача упрочения и развития наших отношений с Италией и осуществление русско-итальянского союза, который может нам очень пригодиться в будущем». Октябристы считали, что правительство должно воспользоваться благоприятной ситуацией и предъявить Турции ультиматум; заставить ее пропустить в Черное море «несколько крупных броненосцев для немедленного усиления нашего Черноморского флота из состава Балтийского флота»⁴⁶. Вместе с тем они высказывались против нейтрализации Проливов. «Совершенно

ясно, — подчеркивалось в «Голосе Москвы», — что нам нет никакого смысла созывать весь мир на Босфор и Дарданеллы и отдавать оба эти пролива под международный контроль по образцу Суэцкого канала. Напротив, мы должны твердо и непоколебимо стоять на том принципе, что вопрос о проливах касается только тех держав, владения которых лежат в Черном море и, прежде всего, конечно, России и Турции»⁴⁷.

Против нейтрализации проливов высказывались прогрессисты и кадеты. Более того, они, как и октябристы, считали, что помимо самих Проливов к России должна отойти и часть территории. «Во всяком случае, — писал Милюков, — одно голое право, не обеспеченное территориальными «анклавами» и укреплениями на них, о чем мечтал Николай I, не имеет особенно большого значения даже в том случае, если мы его добьемся в более благоприятную минуту, чем настоящая»⁴⁸. Выступая в поддержку идеи создания Балканского союза, прогрессисты и кадеты до определенного момента рассчитывали, что в условиях итало-турецкой войны правительству все же удастся заключить соглашение с Турцией о Проливах и даже использовать ее против «империалистической политики пангерманизма»⁴⁹. Однако после закрытия Турцией 7 апреля 1912 года Проливов для торгового судоходства позиция прогрессистов и кадетов в данном вопросе сблизилась с позицией октябристов.

Несмотря на то, что 6 мая 1912 года правительству удалось добиться от Турции открытия Проливов для торгового судоходства, все либеральные партии усилили свои требования. «России, — писала «Утро России», — надо конфиденциальным путем, но, безусловно, авторитетным образом заявить Европе, что при конечной ликвидации оттоманской территории вся балканская и азиатская береговая полоса Черного моря должна отойти к России»⁵⁰. В свою очередь кадетская «Речь» писала: «Как бы то ни было, свободное плавание по Дарданелам должно быть обеспечено»⁵¹.

Итало-турецкая война способствовала окончательному оформлению Балканского союза против Турции.

На страницах либеральной печати все чаще стали появляться статьи, в которых содержался призыв к правительству «предоставить балканским державам подражаться с Турцией один на один»⁵². После начала первой балканской войны либералы активно включились в патриотическую кампанию поддержки балканских народов. Октябристы и прогрессисты выступили с резкой критикой позиции С.Д.Сазонова, взявшего курс на соглашение с Австро-Венгрией, на примирение государств Балканского союза с Турцией. Обращаясь к Сазонову, октябристы предлагали ему перейти к жесткому внешнеполитическому курсу на Балканах. «Мы просим вас, — писала «Голос Москвы», — отказаться от вашего оптимизма и квиетизма. Мы просим вас быть готовыми сказать веское слово от имени России. Мы просим вас обезопасить нашу границу. Мы желаем, чтобы Австрия и ее союзники окончательно усвоили себе простую истину, что территориального приращения на Балканах мы не допустим. В том же случае, если их нужно будет сделать, то они, во всяком случае, не должны нарушать интересов балканских держав, и вместе с тем должны быть даны компенсации и России, и они напрашиваются сами собой: нам нужны Проливы. Нам надоело сидеть в доме, ключ от которого в чужом кармане. Мы требуем, чтобы он был у нас. И мы думаем, господин министр иностранных дел, что если вы во время послушаетесь нашего совета и придвинете к границам несколько наших корпусов, а от союзников потребуете выполнения союзных обязательств, — ваше слово услышат, и не только услышат, а и выполнят»⁵³. Через два дня на страницах октябристской газеты была опубликована передовая статья с характерным названием: «Перед лицом войны», в которой содержался призыв: «Будьте же готовы поддержать ваше мнение все вооруженной мощью России, она-то к этому готова»⁵⁴.

Воинственную позицию занимали и прогрессисты. В декабре 1912 года «Русская Молва» потребовала от правительства, чтобы оно в ультимативной форме заявило Австро-Венгрии о том, что Россия не допустит

«ни шагу далее на Балканский полуостров», в противном случае «Россия вынуждена будет победить свое отвращение к войне и бросит на чашу весов свой меч». Далее излагались задачи России на Балканах: «1) никакая доля турецкого наследия не должна попасть в руки Австрии; 2) автономия Албании допустима в пределах, не нарушающих этнографических и исторических прав славян; 3) территория автономной Албании должна быть гарантирована всеми великими державами; 4) сербский порт на Адриатическом море и железная дорога к нему должны быть гарантированы державами от всякого посягательства со стороны Австро-Венгрии»⁵⁵.

Первая балканская война выявила наличие в ЦК кадетов ряд серьезных разногласий. Позиция Милюкова, направленная на поддержку министра иностранных дел Сазонова, не встретила поддержки со стороны большинства ЦК. По мнению В.И.Вернадского, линия Милюкова «по видимости близко подходит к координации с политикой министерства иностранных дел, а этой опасной близости надо избегать». Прогрессивным элементам, считал он, невозможно оставаться пассивными и им следует вступать в те общественные организации, которые выступают за оказание помощи славянам.

А.Р.Ледницкий считал, что милюковские призывы к сдержанности приведут к тому, что «общественное движение пройдет мимо нас» и т.к. «нельзя удержать общество», то надо проявить активность и «искреннее отношение к балканским народам». С критикой позиции Милюкова выступил и Струве. «Россия, — заявил он, — имеет свои вполне определенные задачи при ликвидации Турции в Европе, и их надо поставить в полном объеме перед обществом. При этом вовсе не требуется барабанный бой, но нельзя подражать и дипломатам: они на то и существуют, чтобы производить подходы, а роль общества открыто выражать свои желания по существу. В настоящее время Россия вынуждается вступить в защиту своих интересов, которые совпадают с интересами славян — больше болгар, чем

сербов, — это вопрос о проливах... Мы снова вступаем в единоборство с Западной Европой, но при более благоприятных условиях, чем, например, в 1853... в финансовом отношении мы — одна из могущественных стран, мы могли бы говорить таким языком, что все бы прятались в нору, Надо бросить лозунг в народ и зажечь его». Струве настаивал на том, что не следует отделять себя от других элементов общества, использовать здоровый инстинкт у «Нового Времени».

Аналогичной точки зрения придерживался Н.А.Гредескул, считавший необходимым оказывать славянам моральную и материальную помощь. «Война на Балканах, — отмечал он, — создает благоприятное положение для России, а не для Австрии: не Россия будет зачинщицей войны, если таковой уже нельзя будет избежать. Война в высшей степени нежелательна, но и для самого предотвращения войны нельзя от нее зарекаться, — и с этой точки зрения позиция П.Н.М. (Милюкова — В.Ш.) опасна и нежелательна. А.В.Тыркова считала необходимым не только отгораживаться от политики министерства иностранных дел, но и предельно резко критиковать ее. Тыркова заявила, что она читает некоторые статьи «Нового Времени» с гораздо большим удовлетворением, чем «Речь». Подчеркнув, что «инициатива общественного сочувствия славянам, к сожалению, упущена партией к.-д.», Тыркова сделала вывод: остается войти хотя бы в чужую организацию». По мнению Изгоева, «тон статей П.Н.М. есть скорее тон дипломата, ответственного министра иностранных дел, чем тон лидера оппозиции. И это сбивает общество с толку». Против позиции Милюкова высказался и А.А.Свечин, считавший, что «статья на почву безусловного успокоения партии не может, не может она и скрывать, что война сопряжена для страны с большим риском и потерями. Но при все этом надо пустить мысль, что есть пределы, за которыми и мы не удержимся от войны. Скажем, что за славянские интересы воевать мы не пойдем, но и раздавить их мы не позволим».

Из всех присутствовавших на заседании ЦК лишь А.М.Колюбакин высказался за проведение более осторожной политики. По его мнению, в данный момент кадетам «еще рано становиться во главе общественного движения» и только в случае, если «волна стихийного народного движения поднимается, то нам нельзя было бы удержаться в стороне». Считая, что славянам, безусловно, надо помогать, но обещать им «активную поддержку нельзя», ибо «мы знаем, что Россия слаба». Именно эту точку зрения, по мнению Колюбакина, и надо проводить от имени кадетской партии.

В своем заключительном слове Милюков попытался разъяснить основной замысел своей линии поведения по отношению к балканским событиям. Исходя из тезиса о том, что балканский вопрос следует решать не одним, а вместе с «европейской машиной тройственного согласия», он подчеркнул, что Россия «из-за известных славянских задач» воевать не должна. «Если Россия, — заявил Милюков, — поддержит Сербию, то она должна быть готова к войне... Если воевать не хотим, то не надо и провоцировать своих балканских друзей». Но если же «зайдет речь о собственных интересах России, то дело может быть иначе». В данный же момент, продолжал он, когда «убеждаешь Австрию не преследовать ее интересов», было бы просто неудобно выдвигать собственные интересы на первый план, ибо «вызовем подозрения и опасения у наших же союзников в Европе». Поставив вопрос о том, что же следует понимать под «русскими интересами», где проходит «та граница в поддержке славян, за которой начинается тот интерес, который может оправдать войну», Милюков заявил: «Сейчас на этот вопрос и трудно и неудобно отвечать и поневоле приходится недоговаривать... Итак, нельзя сразу же ставить на почву более или менее отдаленных русских интересов, говорить о ликвидации Турции и т.п. — это был бы грубый ход».

Разъясняя собственную позицию, а не ту, которую он проводил на страницах «Речи», Милюков особо подчеркнул, что он «стоит за необходимость для России Проливов и должен стремиться к этой цели, и наши

европейские конкуренты это отлично понимают: но сейчас, хотя балканский вопрос ставится во всю ширь, вопрос о ликвидации Турции еще не наступил. Для России трудно довольствоваться простой нейтрализацией Проливов, для нее нужны и куски территории по берегам Проливов... Следовательно, в постановке вопросов должна сохраняться известная перспектива и последовательность». Милюков пытался внушить своим коллегам по ЦК, что обо всем это глупо кричать на всех углах, прямо и открыто обращаться с такими лозунгами к массам. Партия, делал общий вывод Милюков, должна вести себя в балканском вопросе так тонко и дипломатично, чтобы у масс сохранилась иллюзия о ее непричастности к захватнической империалистической внешней политике⁵⁶.

Дискуссия по вопросу балканской политики, начатая 12 октября в Петербургском отделе ПО ЦК, через десять дней была продолжена в Московском отделе МО ЦК. С изложением дискуссии в ПО ЦК выступил А.Р.Ледницкий. В ходе прений по его информации выяснилось, что МО ЦК стоит в балканском вопросе на еще более правых позициях, чем ПО ЦК. «Удивительно, — заявил Кокошкин, — что приходится слышать о сдержанном отношении к славянскому вопросу со стороны Милюкова, в то время как против него слева раздаются упреки в империализме. Балканский вопрос так жизненно важен, что мы не можем не выразить относительно его своего мнения. Проливы жизненный интерес для России. Распределение сил на Балканском полуострове также далеко небезразлично. Наши симпатии должны быть на стороне славян. Нельзя забывать, что происходит борьба стран с демократической конституцией против страны, представляющей собой военную деспотию с призрачными формами конституции. Избегая шовинизма, мы не должны становиться на ту точку зрения, что войны следует избегать какой бы то ни было ценой. Говорить теперь о военной неподготовленности России было также неуместно». К точке зрения Коллюбакина присоединились А.А.Мануйлов, В.А.Маклаков и А.А.Кизеветтер. «Наша формула,

— подчеркнул Маклаков, — должна быть следующей: мы должны быть готовыми к войне. Мы должны готовиться к ней во всех отношениях: приводя в порядок и наши военные силы и наши внутренние отношения».

На фоне подобного рода речей диссонансом прозвучало лишь выступление князя Д.И.Шаховского, который считал, что «сдержанность Сазонова едва ли должна быть всецело осуждаема. Нужно только установить, до каких пределов должна идти эта сдержанность. Прежде всего мы должны установить для самих себя наши основные требования в Балканском вопросе».

Итоги обсуждения балканского вопроса в МО ЦК подвел Ледницкий. Во-первых, подчеркнул он, «прогрессивные элементы должны встать во главе движения и подчинить общественное мнение своему влиянию». Во-вторых, Россия ни при каких обстоятельствах не должна уступать от решения балканского вопроса, в противном случае «это поставит ее в разряд второстепенных и даже трехстепенных государств». В-третьих, «мы не можем допустить, чтобы Константинополь принадлежал какой-нибудь сильной державе: всего лучше было бы сделать его вольным городом. Нельзя допустить также захвата Салоник Австрией: это было бы равносильно закрытию Дарданелл».

Принятое постановление МО ЦК сводилось к следующим четырем пунктам: «1) МО ЦК полагает, что сочувствие русского общества должно быть на стороне славян; 2) МО ЦК не считает возможным поддержать мнение, что следует какой бы то ни было ценою избегать войны; 3) члены партии к.-д. должны заняться организацией общественного мнения и оказывать всяческое содействие обществам, принявшим на себя дело помощи славянам. При выборе обществ, которым будет оказываться содействие, следует принимать во внимание нравственную и политическую физиономию их руководителей; 4) выяснение вопроса о позиции, какую должна занять Россия в балканском вопросе, решено отложить до дальнейшего обсуждения»⁵⁷.

4 ноября 1912 года правление московского «Общества Мира» внесло на обсуждение общего собрания резолюцию по поводу балканских событий. «Великий грех, — говорилось в резолюции, — творится на Балканах. Льется человеческая кровь. Не будучи в состоянии приостановить кровопролитие, русское общественное мнение должно стремиться хотя бы к его ограничению, чтобы оно не распространилось на остальную Европу. А это возможно лишь при условии, если Россия и Австрия будут соблюдать строгий нейтралитет. Балканские славяне взяли на себя инициативу в разрешении многовекового спора с Турцией войной; они и должны будут нести на себе все ее последствия, каковы бы они ни были. Как бы русское население ни симпатизировало симпатичным ему народам, нейтралитет должен быть во что бы то ни стало соблюден Россией независимо от исхода Балканской резни, при условии, что и Австрия не втянется в военные действия.

В этом направлении Общество Мира будет стремиться влиять на русское общественное мнение. В то же время Общество Мира выражает надежду, что русское правительство совместно с другими великими державами не только будет стремиться к локализации войны, но и энергично содействовать скорейшему прекращению кровопролития на Балканах».

Эта резолюция, соответствовавшая в своей основе более тонкой и дипломатической позиции Милюкова в балканском вопросе, была встречена в штыки членами правления «Общества Мира» С.А.Котляревским и А.Р.Ледницким. Первый из них считал, что резолюция «идет вразрез с настроением русского общества, сочувствовавшего славянам». По мнению второго, «война балканских народов против Турции есть война чисто оборонительная и является единственным способом достижения мира и в этом качестве не только не противоречит идее пацифизма, но вполне с ним согласна и из него вытекает»⁵⁸. В конечном счете председатель «Общества Мира» Долгоруков вынужден был снять резолюцию с повестки дня, но это уже не могло предотвратить раскола внутри общества.

Теоретическое обоснование активно патриотической позиции широких кругов торгово-промышленной буржуазии и либеральной интеллигенции дал Струве в статье «Балканский кризис и исторические задачи России». Исходя из тезиса о «здоровом и смелом консервативном империализме», Струве заявил, что в данный момент на Балканах «творится и завершается русское дело». Балканские события, считал он, «поднимают наше народное чувство, дают ему удовлетворение, возрождают веру в Россию, в историческое призвание России и ее мощь. Соответственно этому общественное движение, которое может быть порождено в России балканскими событиями, не должно быть партийным, не должно и не может быть приурочиваемо ни к какому направлению. Тут есть неоспоримо материал для чего-то всенародного и объединяющего». Струве призывал к тому, что России следует воспользоваться балканской войной и извлечь максимальную пользу для себя. Конкретизируя свою программу создания Великой России, Струве писал: «Россия, экономический центр которой тяготеет к Черному морю, должна господствовать на нем и командовать над выходом из него в Средиземное море. Это есть хозяйственная и политическая необходимость для России. Но на этой почве не может быть никакого ни тайного, ни явного соперничества между Россией и членами балканского союза. Силы России, политические и хозяйственные, устраняют всякую разумную возможность такого соперничества. России нужно в удобное время безоговорочно решить вопрос о своем контроле над проливами». Считая, что в данный момент все же нецелесообразно торопиться с решением этого вопроса, Струве призывал готовиться к «великим испытаниям» в ближайшей перспективе. «Мы, — писал он, — должны теперь же не только внешне, технически, но и внутренне, духовно готовиться к великим испытаниям. Никогда еще Россия так не нуждалась в твердой либеральной внутренней политике, в мудрой политике собирания всех сил не только русского народа, но и всех народностей империи, как именно теперь»⁵⁹.

Патриотическую позицию продемонстрировали октябристы, прогрессисты и правые кадеты во время обсуждения правительственной декларации в IV Думе. Выступая 7 декабря 1912 года В.А.Маклаков заявил: «Россия не хочет войны, не хочет завоеваний, не ищет ничего для себя, но надо было и сказать: она знает, в чем ее достоинство, ее исторический долг, если она не ищет осложнений, но так же их не боится». В случае войны, продолжал он, кадеты, которые являются противниками правительства, «забудут нашу вражду, будем помнить только, что власть защищает достоинство и интересы России»⁶⁰. Аналогичным по своему содержанию было выступление лидера фракции прогрессистов И.Н.Ефремова. «Русский народ, — заявил он, — не желает войны: наш народ, безусловно миролюбив, мы ничего не можем и не хотим взять для себя ценою крови наших братьев славян. Поэтому мы можем категорически сказать, что войны мы не желаем, но мы не можем потерпеть оскорблений национального чувства»⁶¹. Более жесткую и воинственную позицию занимали октябристы. Выступая от имени фракции 13 декабря 1912 года, С.И.Шидловский заявил, что «вооруженная сила, готовая по мановению своего Верховного вождя двинуться во всем вооружении для защиты правого дела, есть один из крупных факторов сохранения мира, готовность отстаивать свои жизненные интересы, будь они материальные или моральные, вооруженную рукою, не есть угроза мира, не есть проявление воинственности, а доказательство того, что бывают в жизни народов столкновения таких интересов, которыми они никакой ценою поступиться не могут»⁶².

Более тонкую линию поведения предлагал Миллюков. Защищаясь от обвинений националистов в измене делу славянства, Миллюков писал: «все это можно было бы попросту назвать ложью, если бы мы не понимали, что это так им с бестолкового разбега кажется, потому что другие тише и сосредоточеннее идут туда же, куда они бегут, обливаясь потом... Не надо кричать, толкаться и махать руками. Идите, господа, напряженно сдержанной походкой, зорко смотрите вперед, оставьте

чувствительные слова и говорите о «реальных» интересах России»⁶³. Выступая 13 декабря в Думе с защитой позиции Сазонова, Милюков заявил: «Мы не хотим войны и не хотим совершенно независимо от правительственных успехов и поражений, ибо мы считаем, что такое важное дело, как война, нельзя смешивать с вопросами внутренней политики. Когда мы говорим о войне, мы думаем не об успехах революции и не успехах национализма, мы помним о русском крестьянине, который теперь в одиннадцати губерниях голодает и которого нельзя вести на убой из-за интересов «непосредственно русских» и тем более второстепенных». Поэтому, считал Милюков, следует вообще избегать выражений «мы войны не боимся», ибо подобного рода высказывания «могут усилить безответственное влияние на нашу официальную дипломатию». Вместе с тем он подчеркнул, что могут возникнуть такие конфликтные ситуации, которые «никаким мирным воздействием не поддаются» и которые «иначе как с оружием в руках разрешены быть не могут». Развивая эту мысль, Милюков отметил, что «совершенно ясно, что никакое уважающее себя государство не может заранее сказать, что нет такого положения, в котором оно не сочтет нужным поддержать свое достоинство и защищать свои интересы». Заканчивая свое выступление, Милюков подчеркнул, что, по его мнению, «наступил благоприятный момент» для постановки вопроса о непосредственных интересах России на Ближнем Востоке и «его упускать нельзя»⁶⁴.

Представители либеральных партий входили в состав славянских комитетов в Москве и Петербурге, принимали участие в славянских манифестациях, в организации и проведении дня славянских флагов. Накануне проведения дня славянских флагов, назначенного на 12 декабря 1912 года, Милюков опубликовал в «Речи» обращение «К столичной молодежи», в котором призывал студенчество к активному участию в сборе средств в пользу славянских государств, участвовавших в первой балканской войне.

Новая волна в поддержку славянских народов поднялась в марте-первой половине мая 1913 года, когда после побед над турецкой армией балканские государства приступили к подготовке дележа оттоманского наследства. Во-первых, либеральная печать подвергла резкой критике позицию Сазонова, который согласился с требованием Австро-Венгрии о передаче Скутари Албании в обмен на территориальные и экономические компенсации для Сербии и Черногории. 17-24 марта 1913 года в Петербурге, Москве и ряде других городов прошли патриотические манифестации под лозунгом: «Скутари-черногорцам», «Крест над святой Софией», в которых приняли участие представители либеральных кругов. Демонстранты устраивали митинги у дипломатических представительств Сербии, Болгарии, Черногории, пытаясь учинить разгром посольства Австро-Венгрии. Во-вторых, либералы требовали от правительства, чтобы оно не забыло своей доли при дележе Турции, окончательно и бесповоротно решило в свою пользу вопрос о контроле над Проливами.

Борьба балканских правительств за свою долю оттоманского наследства привела ко второй балканской войне — войне Болгарии против Сербии, Греции и Черногории, к которым вскоре присоединилась Румыния и Турция. Вторая балканская война с предельной остротой поставила вопрос о реальной возможности перерастания локальной войны на Балканах в мировую войну. Царизм при помощи разного рода комбинаций предпринимал попытки восстановить статус-кво на Балканах, найти пути предотвращения мирового вооруженного конфликта. Изменившуюся международную ситуацию вынуждены были учитывать и либеральные партии, оказавшие поддержку Сазонову в его поисках политического решения острейших внешнеполитических противоречий. Вместе с тем либералы, одобряя в целом линию Сазонова на сближение с Румынией, в штыки встретили его попытки сблизиться с Турцией. Октябристы настаивали на том, что следует усилить давление на Турцию и явочным порядком «открыть проливы и занять Баязет»⁶⁵. О необходимо-

сти не забывать об исторических задачах России постоянно напоминали правительству прогрессисты и кадеты. «Наша дипломатия, — писала «Утро России» 21 июля 1913 г., — должна использовать нынешний момент в том смысле, чтобы результаты обеих балканских войн нынешнего года во всяком случае не отдалили нас от возможности рано или поздно осуществить завладение проливами».

Но если по вопросу о Проливах между либералами царило полное единодушие, то по вопросу поисков путей сохранения Балканского союза имели место разногласия. В данном случае речь идет об особой позиции Милюкова, занятой им в отношении Болгарии. Известно, что октябристы, прогрессисты и основная масса кадетов делали ставку на Сербию, считая ее подлинно «славянским авангардом» на Балканах, наиболее «надежным форпостом» от пангерманизма на Ближнем Востоке. Иной была позиция Милюкова, который еще в период первой балканской войны выступал в поддержку территориальных претензий Болгарии. «Мы, — писал Милюков, — не хотим подсказывать болгарам идею «реванша». Мы понимаем, что первое, о чем они должны думать, это мирная культурная и экономическая работа. Но не следует лицемерно отводить глаза от фактов, которые имеют определенный смысл и которые неизбежно приведут к известным политическим последствиям. Рано или поздно он (болгарский народ) попытается расправить свои члены и устроиться поудобнее»⁶⁶. Сразу же после начала второй балканской войны Милюков в ряде статей высказался в поддержку «болгарского реванша» и предлагал удовлетворить все болгарские территориальные претензии. Эта болгарофильская позиция Милюкова вызвала бурю негодования в широких либеральных кругах России, а также со стороны Сербии.

Чтобы понять причину того, почему Милюков пошел против течения общественного мнения, следует иметь в виду, что в 1912-1913 годах в правящих кругах Болгарии шла острая борьба по вопросу о выборе внешнеполитической ориентации между сторонниками

сближения с Россией и сохранения Балканского союза и прогерманскими кругами в болгарском правительстве. Высказываясь в поддержку Болгарии, Милюков, видимо, рассчитывал, что таким путем удастся оказать поддержку сторонникам ориентации на Россию и не допустить перехода Болгарии в австро-германский блок. Характерно, что после того, как в болгарском правительстве верх одержали сторонники ориентации на Австро-Венгрию и Германию, Милюков прекратил высказываться в поддержку «болгарского реванша».

Вторая балканская война привела к развалу Балканского союза. После заключения Бухарестского мирного договора произошло сближение Турции и Болгарии с Германией и Австро-Венгрией, что еще более обострило международную обстановку. Правящие круги ряда государств приступили к дипломатической и военно-технической подготовке к войне. 20 февраля 1914 года царское правительство внесло в IV Думу представление Генерального штаба об отпуске 433 млн. руб. на усовершенствование обороны государства. Октябристы и прогрессисты высказались за ассигнование средств на вооружение, за принятие правительственного законопроекта об увеличении контингента новобранцев в призыв 1914 года. Сложной и противоречивой была позиция кадетов. На протяжении февраля-апреля 1914 года вопросы внешней политики неоднократно обсуждались на заседаниях ЦК и думской фракции кадетов. Причем обсуждение этих вопросов увязывалось с внутривнутриполитическим положением в стране. 17 февраля 1914 года на заседании ЦК рассматривался вопрос о связи войны и революции. В своем выступлении Ф.И.Родичев заявил, что если бы правительство привело страну к военному столкновению, то «переворот оказался бы, пожалуй, возможен», хотя он, по его мнению, и явился бы «несчастьем для России». По словам А.С.Изгоева, в случае войны и сопряженных с ней потрясений «не к.-д.-ты будут на гребне войны, а крайние левые, которые первыми утопят к.-д.-ов, а затем и меньшевиков».

6 марта на совместном заседании ЦК и комитета думской фракции вопрос о связи войны и революции всплыл вновь. Большинство участников заседания полагало, что «при современном состоянии страны, при полной подавленности ее духа вследствие репрессий и эксцессов реакции война явилась бы в высшей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений». Поэтому делался общий вывод: «к попыткам агрессивной политики надо отнестись с большим вниманием и осторожностью; вовлекать страну в авантюры без достаточных оснований было бы преступно». Вместе с тем в ходе заседания выявилось две точки зрения по вопросу об отношении к чрезвычайным ассигнованиям на потребности государственной обороны. В.А.Маклаков и М.В.Челноков считали, что так как «естественный ход разложения Турции, даже помимо желания России, может в любую минуту поставить ее перед весьма серьезными проблемами (армянский вопрос, Дарданеллы). И нельзя допустить, чтобы при возникновении таких проблем страна находилась в состоянии неподготовленности». Однако большинство присутствующих на данном заседании считало опасным поддерживать «фикцию неизбежности и войны и возможности достижения каких-то успехов на Ближнем Востоке». В отличие от небольшой группы правых кадетов, настаивавших на безоговорочном голосовании в Думе за военные кредиты, большинство участников заседания считало необходимым потребовать от правительства «ясных и точных доказательств неизбежности войны и только в случае, если эта неизбежность будет доказана, явится для страны долг оказать поддержку». При этом также подчеркивалось, что «никакие усилия обороны не достигнут цели, если в стране не будет необходимого воодушевления». Поэтому указывалось на необходимость более решительно настаивать на проведении политических реформ, которые «спаяли бы страну и сделали ее единой и солидарной с правительством»⁶⁷. Именно неуверенностью кадетов в политической стабильности в стране можно объяснить по-

зицию ЦК и думской фракции, в которых на первых порах побеждают сторонники бюджетной борьбы путем отказа правительству в кредитах на новые вооружения. В ходе обсуждения 23 апреля 1914 года на заседании ЦК вопроса об увеличении контингента новобранцев Милюков заявил: «Чем важнее кредит, тем необходимее потребность, тем важнее отказаться в нем. В этом суть бюджетной борьбы за права. Надо ставить так: дадим лишь тогда, когда пойдете на необходимые для всей страны уступки». Настаивая на том, что следует воздержаться от голосования за военные кредиты, Милюков вместе с тем вынужден был отметить, что готова ли уже сейчас вся фракция к.-д. стать на эту точку зрения сказать нельзя». За отказ в кредитах на вооружения и увеличение контингента новобранцев высказался Ф.И.Родичев: «чисто парламентские перспективы борьбы за права страны, — заявил он, — уже провалились. Остается занять принципиальную позицию по отношению квотирования контингента новобранцев и кредитов на вооружения, отбросивши все националистические слабости: лозунг один: на вооружения ни копейки. Последующее оправдает партию». По мнению Д.Д.Протопопова, «необходимо перекраситься в боевой цвет и вотировать против военных кредитов, провозмогая свой голос разума, но нажимая там, где противнику больно... Итак борьба и борьба: отказ в кредитах на вооружения, как бы это ни отразилось. Однако принятое на заседании ЦК постановление носило ни в чем не обязывающий фракцию характер. В нем констатировалось: «признать желательным, чтобы фракция внесла поправку в смысле временного отклонения добавочного контингента с тем, чтобы этот вопрос может быть поставлен вновь тогда, когда правительством будет представлен в полном виде вопрос об увеличении военного бюджета»⁶⁸.

10 мая 1914 года, в IV Думе в ходе обсуждения заявления Сазонова по вопросам внешней политики выступил Милюков. «Мы видим, — заявил он, как сложна система, на которой держится европейский мир и которую нужно оберегать всеми силами: система «сою-

«соглашения» как будто начинает колебаться в самих своих основах». Предостерегая против «игры с огнем», «духа несдержанности» и «духа авантюры», которые охватывают «нас в большем и целом», Милюков выразил опасение, что как бы МИД «не потеряло возможности вовремя остановить это гибельное движение, ведущее нас, быть может, к новой катастрофе». Даже Маклаков вынужден был признать, что общественное «возбуждение идет не через нас, идет не тем легальным путем» и начинает помимо «нас заливать русскую землю». Если в декабре 1912 года заявил Маклаков, он возражал В.М.Пуришкевичу, утверждавшему, что «новая война, это новая революция», то в данный момент, 12 мая 1914 года, он сам уже убежден, что «новая война — это новая революция»⁶⁹.

В отличие от октябристов и прогрессистов кадеты 10 июня 1914 года проголосовали против предоставления правительству новых кредитов на вооружения. Выступая от имени кадетской фракции А.И.Шингарев заявил, что кадеты, в принципе не являясь противниками вооружений, тем не менее считают, что «эти жертвы милитаризму должны быть строго обдуманы, взвешены с внутренним и внешним положением государства, с его финансовыми средствами и строго сообразованы с теми целями, которые ставит себе правительство»⁷⁰. Голосуя против предоставления правительству кредитов на вооружения, кадеты прекрасно понимали, что правооктябристское большинство IV Думы эти кредиты ему даст. При этом сами кадеты как бы оставались в стороне, выступали как бы в роли «спасителей» масс от надвигающейся кровавой бойни.

После австрийского ультиматума Сербии октябристы и прогрессисты усилили патриотическую кампанию. 13 июля 1914 года «Утро России» опубликовала статью «Война ради мира», в которой говорилось: «Война с ее ужасами и жертвами никого в России не прельщает. Но война против Австрии будет с энтузиазмом приветствована всей Россией как залог дальнейшего безмятежного развития балканского славянства».

Через два дня, 15 июля, «Голос Москвы» в статье «Война и мир», давая положительную оценку ноте МИД, писала о том, что «общество сделало первый шаг к примирению, поддержало правительство в трудную минуту. Теперь остановка за правительством. Наступил момент, когда уже бессмысленной делается борьба «правительственного» и «антиправительственного» течений. Вся Россия должна объединиться в одном течении — государственном, и это одинаково обязательно как для общества, так и для правительства».

Иную позицию накануне и особенно в период июльского политического кризиса заняла милюковская «Речь», в которой были опубликованы десятки статей с призывами к правительству придерживаться «сдержанности» и «умеренности» во внешнеполитических вопросах, с резкой критикой «воинственного духа» националистов, октябристов и прогрессистов. В июльские дни 1914 года «Речь» писала о глубоком несоответствии «нынешних беспорядков внезапно наступившим международным осложнениям». Подчеркивая, что «нависшая угроза войны требует прочного внутреннего мира», «Речь» с прискорбием констатировала, что в стране «чудовищное озлобление рабочих», что «все определеннее одолевают большевики». Обращаясь к правительству, «Речь» предупреждала, что «внутренняя обстановка — баррикады в Петербурге» должна быть самым внимательным образом учитываться при окончательном решении вопроса о войне. В передовой статье, опубликованной 16 июля 1914 года «Речь» предлагала правительству использовать малейшую «зацепку» для политического решения конфликтной ситуации, согласиться на международную конференцию, которая бы в случае успеха позволила бы спасти народы Европы от катастрофы. «Сотни тысяч людей, — говорилось в статье, — останутся в живых, миллионы не будут отвлечены от своего труда, миллиарды народных сбережений не будут потрачены на войну». 18 июля «Речь» опубликовала статью «Борьба за мир», в которой вновь подчеркивалось, что «самый главный долг не допустить войны». Позиция «Речи» была осуж-

дена не только правительственной и октябристско-прогрессистской печатью, но и не получила поддержки в собственно кадетских кругах.

19 июля 1914 года в день объявления манифеста о войне, по приказу главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «Речь» была закрыта. Но через три дня, 22 июля, по личной просьбе Милюкова издание газеты было возобновлено. В тот же день «Речь» опубликовала царский манифест о войне, а в передовой статье призвала «отложить внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот» и в «едином порыве отразить дерзкий натиск врага». 26 июля 1914 года Милюков огласил в IV Думе декларацию ЦК и фракции кадетской партии по вопросу о войне. В ней говорилось, что в «тяжелую минуту, когда внешний враг стоит у ворот, руководители партии народной свободы высказывают твердую уверенность, что их политические друзья и единомышленники, где бы они ни были и в каком бы положении не застала их война, до конца исполнят свой долг российских граждан в предстоящей борьбе. Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Пусть моральная поддержка всей страны даст нашей армии всю ту действенную силу, на которую она способна, и пусть наши защитники не обращаются с тревогой назад, а смело идут вперед навстречу победе и лучшему будущему»⁷¹.

Начавшаяся первая мировая война явилась завершающим этапом в разработке либеральной внешнеполитической программы. Теоретики либерализма рассматривали войну как следствие предельно обострившихся противоречий мирового капитализма. По их мнению, данная стадия развития капитализма, продолжая нести в себе многие «родимые пятна» предшествующих эпох, оставалась еще источником международных конфликтов. Для нее характерны: экономическая экспансия, с логической неизбежностью ведущая к столкновениям между государствами в их борьбе за ко-

лонии и рынки сбыта; милитаризация хозяйства и общества и, как следствие всего этого — война. Именно в этой системе координат либеральные теоретики рассматривали первую мировую войну, считая ее результатом «объективной потребности крупного капиталистического государства в расширении национальных хозяйственных границ»⁷².

В либеральной концепции большое место уделено анализу совокупности причин и факторов, приведших в конечном счете к первой мировой войне. При этом в ней сохранилось немало рудиментов славянофильских представлений, а также, например, утверждений типа: о имманентно присущих отдельным расам и народам милитаристских и агрессивных черт и т.п. Так, Н.А.Бердяев утверждал: «Если Германия — мировая носительница идеи милитаризма, то Россия — носительница идеи мира». По его мнению, германской расе изначально присуще стремление к милитаризации и внешней экспансии. В то же время «славянская раса — не завоевательная, ей чужд пафос наступательного империализма, ее духу свойственна скорее защита и бескорыстная жертва»⁷³.

Н.А.Бердяев и С.Н.Булгаков рассматривали причины первой мировой войны преимущественно через призму столкновения мирового «добра и зла». Данная война, по их мнению, которая должна стать последней в истории человеческого общества, послужит мощным катализатором для возрождения и утверждения в мире нового религиозного сознания. А это сознание в свое очередь должно стать не только национальным, но и наднациональным явлением. Бердяев считал, что мировая война приведет «к ощущению сверхчеловеческих провинденциальных сил, которыми управляется и направляется жизнь человеческая». С.Н.Булгаков подчеркивал, что победа России в войне «должна явить Европе «святую Русь»⁷⁴.

Первая мировая война также трактовалась либералами через призму понятий: «оборонительная», «справедливая» и «народная», составляющих основные системообразующие элементы либеральной внешнеполи-

тической доктрины. Такой подход к оценке войны преследовал и определенную политическую цель: смягчить противоречия, имевшие место в либеральном лагере; привлечь на свою сторону круги пацифистски настроенной интеллигенции. Поэтому оценка войны с Германией как войны оборонительной и справедливой, позволяла пацифистам присоединиться к общему лозунгу либеральной оппозиции: «Война до победного конца». Выступая на заседании московского «Общества Мира» в июне 1915 г., князь П.Д. Долгоруков заявил: «Мы, как реальные политики, вынуждены считаться с современной государственностью, с современным человечеством. Эта война будет последней. Поэтому сокрушив навсегда германский милитаризм, народам Европы не придется более прибегать к оружию»⁷⁵. В отличие от периода русско-японской войны, в 1914-1917 годах среди русских либералов, как правило, не было ни пораженцев, ни сторонников сепаратного мира.

Давая сравнительный анализ русско-японской и первой мировой войн, либеральные теоретики неизменно подчеркивали: первая из них противоречила внешнеполитическим национальным задачам России, ибо шла в разрез со всем ее «историческим прошлым» и всеми «живыми культурными традициями», а вторая же должна была привести в конечном счете к завершению процесса складывания «национально-территориального тела России». В наиболее концентрированном виде территориальные притязания русских либералов нашли свое отражение в программной статье Милюкова «Территориальные приобретения России», опубликованной в 1915 году в сборнике «Чего ждет Россия от войны». Их можно свести к следующему: 1) присоединение к России и объединение в этнографических границах русских народностей Галиции и Угорской Руси; 2) освобождение и объединение в этнографических границах Польши, а также предоставление ей автономии в составе Российской империи; 3) приобретение в «полное обладание» России проливов Босфора и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», чтобы обеспечить их защиту, а также Константинопо-

ля; 4) объединение в этнографических границах Армении под протекторатом России⁷⁶.

Из всей совокупности этих территориальных притязаний центральное место занимал вопрос о черноморских Проливах и Константинополе, в решении которых русские либералы видели главную национальную задачу России. Милюков, получивший меткое прозвище «Дарданелльский», считал, что только овладение Проливами, а не их «нейтрализация» под международным контролем, позволит окончательно и бесповоротно решить проблему выхода России к южным морям, без чего «не может быть закончено строение великого государственного организма». В противном случае, по мнению Милюкова, «организм этот будет постоянно сотрясаться судорогами нарушенного обмена и не выйдет из чуждой зависимости»⁷⁷. С.А.Котляревский также считал, что русское общественное мнение «без различия политических оттенков» единодушно разделяет вопрос о Проливах, ибо только с их приобретением «связано экономическое развитие всего нашего юга, куда постепенно передвигается центр тяжести нашей хозяйственной жизни»⁷⁸.

Либеральные идеологи и политики считали, что приобретение Константинополя и Проливов ни в коем случае не противоречит освободительным целям войны и, следовательно, не может быть приравнено к империализму. Но если лидер кадетов Милюков все же стремился в своих публичных выступлениях избегать употребления термина «империализм», то другие кадеты даже не пытались скрывать своих империалистических замыслов. С.А.Котляревский писал, что присоединение Константинополя и Проливов «означает торжество русского империализма, выводящего нашу страну окончательно на широкий путь мировой истории»⁷⁹. В свою очередь и Милюков в узком кругу единомышленников не скрывал своих империалистических замыслов. Выступая 20 февраля 1916 года на VI съезде партии, он заявил: «Если стремление к Проливам — империализм, тогда мы в нем виновны». Правда он сразу же сделал оговорку, что требование «откры-

того моря — это не что-то новое, не империализм, а завершение старого нашего незавершенного органического процесса»⁸⁰.

Новые территориальные приобретения, по мнению либералов, обусловлены исторической необходимостью укрепить стратегические позиции России, усилить ее экономическое и политическое могущество, а также защитить интересы малых, прежде всего славянских народов. «Мы, — писал князь Е.Н.Трубецкой, — боремся за освобождение всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания. Мы сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме»⁸¹. По мнению А.С.Изгоева, одним из важнейших итогов войны должно было стать то, что Россия введет «славянство и все остальные десятки своих народов в основное русло европейской культуры»⁸². В своем публичном докладе «Война и малые народности» Милюков говорил: «Мы воюем для того, чтобы обеспечить права малых народностей, чтобы покончить с господством сильного над слабым»⁸³.

По мнению либеральных теоретиков, Россия вместе с другими странами Антанты должна была в ходе войны осуществить свою освободительную миссию, открыть путь к принципиально иной международной организации Европы. Война, считал Н.А.Бердяев, «покажет миру мужественный лик России, установит внутреннее отношение европейского востока и европейского запада»⁸⁴. Одновременно война должна была решить и целый комплекс внешнеэкономических проблем: освободить внутренний рынок от «германского засилия», ликвидировать германскую посредническую торговлю, пересмотреть русско-германский торговый договор. Во внутренней политике России также должны быть проведены структурные реформы, укрепиться позиция Государственной думы. Вместе с тем Россия должна была защитить общечеловеческие культурные и духовные ценности от «бронированной» германской милитаризированной машины и т.п. Иными словами,

с победоносным исходом первой мировой войны либеральные идеологи и политики связывали дальнейший экономический и политический прогресс страны, перспективу укрепления ее международного авторитета, сближение со странами западной демократии. Все это вместе взятое, по их представлениям, и должно было привести к созданию подлинно Великой России, о которой мечтало не одно поколение русских либералов.

Из этих общетеоретических замыслов логически вытекал лозунг «Война до победного конца», ибо только с таким ее исходом все общие рассуждения приобретали практическое значение. Выступая с трибуны IV Государственной думы 27 января 1915 года лидер фракции прогрессистов сформулировал доминантную линию либеральной политики: «Преждевременное заключение мира было бы предательством жизненных интересов России»⁸⁵. Именно эта линия реализовывалась после Февральской революции министром иностранных дел Милюковым. И надо сказать, что в области внешней политики либералам все же удалось добиться весомых результатов: упрочить свои взаимоотношения с союзниками, добиться у них принципиального согласия на удовлетворение после окончания войны основных территориальных притязаний России.

Однако в экстремальных политических условиях, сложившихся в стране после Февральской революции, внешнеполитические проблемы самым теснейшим образом оказались переплетенными с внутривнутриполитическими проблемами. Именно от решения последних полностью зависела судьба реализации внешнеполитических задач. К сожалению, либералам не удалось «размотать клубок» внутривнутриполитических проблем, нерешенность которых обусловила поражение и их внешнеполитической программы. Вместе с тем было бы неверно сбрасывать со счетов те общетеоретические разработки, которые были сделаны либералами в начале XX века. И в наши дни крайне важными представляются либеральные идеи о национальных интересах России, о ее месте и роли в мировой системе, о цивилизованных формах и методах решения международ-

Либеральная модель переустройства России

ных проблем, о выборе внешнеполитической ориентации и союзниках, о патриотизме и т.д. Думаю, что творческое использование этих идей небесполезно при разработке современной внешнеполитической доктрины России.

Глава шестая

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Проблема поиска оптимального пути реализации своей доктрины и программы ставилась и решалась различными направлениями в русском либерализме исходя из конкретной ситуации. Подчеркивая приоритетность мирного, парламентского пути решения объективно назревших проблем российской действительности, представители различных направлений в либерализме по разному относились к использованию легальных и нелегальных форм борьбы с существующим режимом, к переговорному процессу с правящей бюрократией, к поискам союзников для решения тех или иных вопросов. Либералы-консерваторы в своей практической деятельности отдавали приоритет легальным средствам борьбы: посылка ходатайств и адресов на высочайшее имя, посылка депутатий для переговоров с царем и высшими чиновниками, использование Государственной думы исключительно в рамках, очерченных Основными законами. В свою очередь, либералы новой генерации, не отрицая вышеназванных форм борьбы и взаимодействия, достаточно широко использовали нелегальные формы борьбы, включая и методы «захватного права». Либералы интеллигенты не только теоретически, но и практически допускали возможность подготовки политической революции, поддерживали контакты с леворадикальными партиями и организациями социалистического толка, оказывали последним материальную и техническую помощь, участвовали вместе с ними в разного рода конференциях, бок о бок работали с ними в нелегальных и легальных

организациях. Причем по мере обострения политического кризиса возрастал и удельный вес нелегальных форм борьбы против авторитарного режима, усиливалась подготовка общественного мнения в пользу насильственных форм его свержения.

Еще накануне революции 1905-1907 годов русские либералы новой генерации (освобожденцы) предприняли попытку создать широкий оппозиционный фронт борьбы против самодержавия, чтобы вынудить его дать «сверху» конституцию. При этом широко была использована либеральная пресса, земские съезды и такая новая форма, как банкетная кампания. В ходе подготовки общественного мнения в пользу необходимости осуществления конституционных преобразований либералы преследовали две взаимосвязанные задачи: во-первых, создать себе опору в массах, объединив их под своими лозунгами, и, во-вторых, показать правительству, что требования оппозиции являются общенародными и вынудить таким путем авторитарный режим пойти на реформы. Однако эти расчеты либералов на благоразумие власти не оправдались. Изданные 12 декабря 1904 года правительственный указ и правительственное сообщение самым решительным образом отвергли «конституционные домогательства» либералов, запрещали в целом лояльным к власти земским собраниям вообще касаться вопросов о реформах в области внутреннего управления.

Начавшаяся революция 1905-1907 годов заставила либералов занять более решительную позицию в отношении самодержавия, не желающего добровольно идти даже на минимальные уступки общественному мнению. После 9 января 1905 года все без исключения направления и течения в русском либерализме начинают заострять свои политические лозунги, в частности, выступают за созыв Учредительного собрания. При этом либералы учитывали альтернативную возможность созыва Учредительного собрания: либо «сверху», по инициативе царя, либо «снизу» в результате стихийных действий масс. Они поддерживали стачки, демонстрации, создание явочным порядком разного рода легаль-

ных организаций. Вместе с тем либералы осуждали насильственные формы борьбы: «белый» и «красный» террор, прогромы, убийства, попытки втянуть армию в политическую борьбу.

Отдавая предпочтение мирным формам борьбы, либералы сохраняли надежду на возможность компромисса с монархией, использовали малейшие шансы на переговорный процесс с представителями власти. Поэтому любые правительственные акты, которые так или иначе шли навстречу пожеланиям общества каждый раз встречались ими с надеждой на возможность мирного исхода революции. При этом либералы стремились сыграть роль примирителей в переговорном процессе между двумя «воюющими» сторонами. Именно от соотношения сил «воюющих» сторон и зависела амплитуда колебаний среди либеральной оппозиции.

Как только летом 1905 года накал революционной борьбы в ряде мест империи дошел до открытых вооруженных столкновений (Польша, Кавказ, выступления в воинских частях и на флоте), то среди либеральной оппозиции началась паника. Появившейся на горизонте «красный призрак», с одной стороны, привел к сближению представителей земского и городского самоуправления, заставил их активизировать свою деятельность и повысить на несколько градусов свои политические лозунги, а с другой — заставил тех и других ухватиться за обещание царя созвать законосовещательную Думу. В ходе обсуждения проекта булыгинской конституции либералы-консерваторы (сторонники Д.Н.Шипова, М.А.Стаховича, П.А.Гейдена) в принципе соглашались принять уступку царизма и заключить с ним компромисс. Однако более дальновидные и радикально настроенные либералы понимали, что законосовещательное представительство не может удовлетворить ни массы, ни особенно левых радикалов социалистического толка. В этих условиях июльский съезд земских и городских деятелей 1905 года вынужден был отложить окончательное решение о созыве Думы до издания правительством специального закона. Одновременно съезд принял обращение к народу, в ко-

тором призвал к совместной работе для достижения созыва законодательного представительства на основе всеобщего избирательного права. В заключении обращения подчеркивалось, что «путь, нами указанный, путь мирный. Он должен привести страну к новому порядку без великих потрясений, без потоков крови и без тысяч напрасных жертв»¹.

Издание манифеста 6 августа 1905 года о созыве законосовещательной Думы явилось важнейшим испытанием для всех политических сил страны. Перед ними встала непростая дилемма: либо принять булыгинскую конституцию и тем самым согласиться ввести развитие политического процесса в стране в «законные» рамки законосовещательного народного представительства, либо его бойкотировать и тем самым раздвинуть рамки этого процесса, предпринять попытку вырвать власть из рук самодержавия насильственными методами, созвать Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права.

Среди либеральной оппозиции по отношению к манифесту 6 августа выявилось несколько точек зрения. Во-первых, среди либералов консервативного толка наметился раскол. Одни из них продолжали выступать за созыв Учредительного собрания. Другие же считали, что после 6 августа вопрос об Учредительном собрании «сошел с очереди» и следует принять участие в выборах в законосовещательную Думу. В свою очередь либеральная интеллигенция и часть земцев-конституционалистов, не желая отказываться от лозунга созыва Учредительного собрания, выступили тем не менее против бойкота выборов в законосовещательную Думу. «При всем, безусловно, отрицательном отношении к учреждению Государственной думы, — указывали они, — мы глубоко убеждены в том, что тактика «бойкота» является во всех отношениях и в высокой степени вредной. Необходимо бороться с этой тактикой, не останавливаясь даже перед опасностью раскола в среде общественных сил, до настоящего времени принадлежащих к одному лагерю»².

Дискуссия о выгодности или невыгодности булыгинской конституции разрешилась в ходе Всероссийской октябрьской политической стачки, вынудившей Николая II издать манифест 17 октября 1905 г. Вполне удовлетворившись обещаниями царя созвать законодательную Думу и расширить избирательные права, либералы-консерваторы сразу же выразили готовность оказать правительству прямую поддержку в борьбе с революцией. Центр и левое крыло либерализма заняли выжидательную позицию. Кадеты оценивали манифест 17 октября 1905 года как конституционный акт, превративший Россию в конституционную монархию. Вместе с тем они считали, что он все же «не представляет даже минимума уступок, так необходимых на сегодняшний день»³. Тем не менее и октябристы, и кадеты вступили в переговоры с премьер-министром С.Ю.Витте, в ходе которых обсуждались условия соглашения с правительством и рассматривался вопрос о предварительном распределении министерских портфелей.

В октябре-декабре 1905 г. октябристы, а также правые кадеты типа П.Б.Струве и В.А.Маклакова высказались за снятие с повестки дня лозунга Учредительного собрания, осудили «стаечный азарт» рабочих, насильственные попытки крестьян захватить помещичью землю, финансовый бойкот, объявленный леворадикальными партиями и организациями. Особенно встревожили либералов-консерваторов декабрьские события 1905 г. В это время лидеры партии октябристов высказались за поддержку решительных действий правительства в деле подавления вооруженных восстаний.

Сложнее и противоречивее была в это время позиция кадетского руководства и левого крыла партии. Выражая готовность отказаться от лозунга созыва Учредительного собрания (кадеты это сделали официально на II съезде партии в январе 1906 г.) во время переговоров с Витте в октябре 1905 г., кадетские лидеры тем не менее высказались за условную поддержку правительственного курса. Эти условия сводились к следующему. До созыва Думы правительство должно было в

целях успокоения страны провести следующие мероприятия: 1) осуществить в законодательных формах основные начала манифеста 17 октября и отменить все исключительные законы, военное положение в Польше и других местностях; 2) издать временные правила, расширяющие права земств и городов по охране общественной безопасности; 3) устранить от должности и привлечь к ответственности представителей администрации и полиции за нарушение ими манифеста; 4) объявить полную амнистию по политическим и религиозным преступлениям и отменить смертную казнь. Только при выполнении с этих условий кадетское руководство соглашалось заключить компромисс с правительством. В то же время левые кадеты предлагали не спешить отказываться от лозунга созыва Учредительного собрания, открыто разрывать с левыми радикалами и вступать в переговоры с правительством. В конечном счете попытки кадетского руководства заключить соглашение с правительством не увенчались успехом, ибо исполнительная власть не соглашалась на предлагаемые ими условия.

После издания 11 декабря 1905 года избирательного закона по выборам в Думу либералы все свои усилия сконцентрировали на проведении предвыборной кампании. Суть кадетской тактики предельно четко сформулировал П.Н.Милюков. Главный смысл нашей политической линии, считал он, заключается в том, чтобы «направить само революционное движение в русло парламентской борьбы. Для нас укрепление привычек свободной политической жизни есть способ не продолжить революцию, а прекратить ее»⁴. В свою очередь и октябристы прекрасно понимали, что только одним насилием победить революцию нельзя. Поэтому, оказывая моральную и отчасти материальную помощь правительству в его борьбе с революцией, они одновременно продолжали настаивать на проведении реформ в рамках манифеста 17 октября 1905 года.

В целях переключения политического процесса с революционного на парламентский кадеты и октябристы использовали самые разнообразные средства идео-

логического воздействия. В распоряжении обеих партий имелись довольно широкие возможности: печать (в 1906 г. кадеты и октябристы соответственно издавали 70 и 56 газет), устная агитация и пропаганды и т.д. К весне 1906 года местными комитетами кадетской партии в 44 городах было издано 124 названия брошюр и листовок, в том числе 10 листовок к крестьянам на русском и украинском языках.

Красной нитью через всю агитационно-пропагандистскую литературу либеральных партий проходила мысль о том, что исключительно мирным, парламентским путем, через Думу, можно решить все наболевшие вопросы российской действительности. Либералы щедро раздавали обещания «сосчитаться» в Думе с правительством, провести законодательным путем системные реформы, которые будут способствовать превращению России в великую державу, уравниют в гражданских и политических правах все население страны, улучшат материальное положение крестьян, рабочих, служащих.

На первых порах рядовой избиратель, уставший от «перегрузок» 1905 года и неискушенный в предвыборной борьбе, искренне поверил в возможность мирного решения острейших политических и социальных проблем. Если же учесть, что социалистические партии и организации бойкотировали выборы в I Думу, то станет понятно, почему основная масса избирателей (прежде всего в городах) отдала свои голоса партии кадетов, в которых она видела самую оппозиционную по отношению к правительству силу. Что же касается октябристов, то на выборах в I Думу они потерпели сокрушительное поражение, получив вместе с представителями ряда либерально-консервативных партий всего лишь 16 депутатских мандатов.

Главную роль в I Думе играли кадеты (179 депутатов). Председателем I Думы был избран член ЦК кадетов профессор права С.А.Муромцев, товарищами председателя — члены ЦК князь П.Д.Долгоруков и профессор Н.А.Гредескул, секретарем — член ЦК князь Д.И.Шаховской. Ключевую роль в подготовке

основополагающего думского документа-регламента («Наказа») сыграл член ЦК, популярный адвокат В.А.Маклаков. Видные члены кадетской партии являлись председателями и секретарями отделов, постоянных и временных думских комиссий. Из 22 председателей отделов 16 принадлежали к кадетской фракции. Члены фракции партии народной свободы председательствовали в 7 постоянных и 15 временных комиссиях. По существу кадеты оказались ответственны за проведение политического курса I Думы.

Думской кадетской фракции принадлежала инициатива в подготовке адреса Николаю II, в который они включили все основные пункты своей программы. Ими было внесено большинство законопроектов и законодательных предложений, а также запросов в адрес правительства. Большой общественный резонанс имели кадетские законопроекты о гражданских и политических свободах, аграрный проект «42-х», реализация которых позволила бы заложить прочный фундамент в создании гражданского общества и правового государства в России, в стабилизацию политической обстановки, в решении многих экономических и социальных проблем. Кадетская фракция предпринимала неоднократные попытки установить контакт с рабочими и крестьянскими депутатами, объединить их вокруг своих законопроектов. К сожалению, конфронтация между либеральной оппозицией и леворадикальными партиями была настолько остра, что так и не позволила выработать совместную политическую линию в Думе.

Выступая с довольно резкой и нелюбимой критикой в адрес правительства, кадеты вместе с тем настойчиво искали пути к консенсусу с либеральными бюрократами. В июне 1906 года кадеты вступили в переговоры о формировании ответственного думского министерства с министром внутренних дел П.А.Столыпиным и министром иностранных дел А.П.Извольским, а также с дворцовым комендантом Д.Ф.Треповым. Как и в октябре 1905 года, эти переговоры закончились безрезультатно, ибо представители высшей царской администрации, а главное самого Николая II, не могла ус-

троить кадетская программа радикальных преобразований страны, в которой они увидели угрозу прерогативам верховной власти и покушение на собственность помещиков и крупных капиталистов.

72-дневный опыт работы I Думы убедительно раскрыл неудачу попыток кадетов, с одной стороны, убедить правительство в необходимости исполнения обещаний манифеста 17 октября, а с другой, — левых радикалов в том, что Дума является тем инструментом, который в принципе способен осуществить мирным путем радикальные политические и социально-экономические преобразования в стране. Однако все попытки кадетов убедить (уговорить) ту и другую сторону прекратить конфронтацию, найти приемлемое компромиссное решение сложнейших проблем российской действительности не были не только не поддержаны, но и не услышаны. В условиях нагнетания конфронтационности кадеты оказались в политической изоляции как слева, так и справа. 8 июля 1906 года Николай II подписал указ о роспуске I Думы.

Роспуск I Думы поставил кадетское руководство перед дилеммой: либо мирно разойтись и тем самым показать исполнительной власти — «мы с революционерами ничего общего не имеем», либо обратиться к избирателям поддержать Думу и создать тем самым видимость единства с массовым движением. На сравнительно короткий срок в кадетских кругах верх одержало стремление сменить политическую линию — переключиться с парламентского на революционный путь. 10 июля 1906 года 120 кадетских депутатов во главе с председателем Думы С.А.Муромцевым и совместно с трудовиками и социал-демократами подписали Выборское воззвание к народу, суть которого сводилась к призыву населения к пассивному сопротивлению режиму: отказу от уплаты налогов, от рекрутской повинности, непризнанию займов. Однако кадеты, подписав это воззвание, отказались поддержать ряд еще более радикальных документов, подготовленных левыми думскими фракциями и политическими партиями.

Для кадетского руководства Выборгское воззвание явилось тем рубиконом дальше которого не шли их помыслы в деле организации общественных сил страны для борьбы за конституцию. Кадетский призыв к пассивному сопротивлению по существу так и остался словесной угрозой в адрес исполнительной власти, не подкрепленный с их стороны какими-либо практическими шагами, позволившими бы на деле организовать решительный отпор действиям правительства и консервативных сил, стремящихся отобрать даже те минимальные уступки, на которые был вынужден пойти авторитарный режим в октябре-декабре 1905 года. Основная цель, которую преследовали кадеты, подписавшие Выборгское воззвание к народу, заключалась в том, чтобы предотвратить вполне реальную опасность нового революционного взрыва в стране. «Для членов партии народной свободы, — писал впоследствии Миллюков, — это была попытка предотвратить вооруженное столкновение на улицах Петрограда, заведомо осужденное на неудачу, дать общему негодованию форму выражения, которая бы не противоречила конституционализму, стоя на самой грани между законным сопротивлением нарушителям конституции и революцией»⁵. В сентябре 1906 года кадеты отказались от Выборгского воззвания и начали постепенно сворачивать свои программные лозунги, приспособливать свою тактику к изменившейся политической ситуации.

Октябристы одобрили роспуск I Думы и введение П.А.Столыпиным в августе 1906 года военно-полевых судов. Лидер октябристов А.И.Гучков заявил, что помехой к «обновлению нашего отечества» является не правительство, а продолжающаяся революция. Он настоятельно рекомендовал либералам всех оттенков немедленно «разорвать с революцией» и встать на сторону правительства.

Корректировка позиции либералов нашла свою отражение в их избирательных платформах во время подготовки к выборам во II Думу. В избирательной платформе кадетов, принятой на октябрьской партийной конференции 1906 года, подчеркивалось, что пар-

тия идет во II Думу «законодательствовать, а не для того, чтобы делать в Думе революцию». Кадетские лидеры решили изменить тактику партии и провести окончательную грань «между нашей тактикой и тактикой левых». В свою очередь октябристы усилили критику программы и тактики кадетской партии и вступили на выборах в блок с правомонархическими организациями.

Главенствующее положение во II Думе продолжали занимать кадеты, хотя и потерявшие на выборах 80 депутатских мест. Председателем II Думы был избран член ЦК кадетской партии Ф.И.Головин. Октябристам удалось провести во II Думу 42 своих депутата. По сравнению с I Думой, кадеты, с одной стороны, несколько урезали свои программные требования, прекратили «злоупотреблять» запросами в адрес правительства, а с другой, — активизировали борьбу против леворадикальных партий. Они исключили из своего перводумского аграрного проекта «42-х» пункт о создании государственного земельного фонда, расширили перечень неотчуждаемых помещичьих земель, переложили часть выплат на крестьян. Кадетская фракция противодействовала запросной тактике левых фракций. В результате во II Думу было внесено всего лишь 36 запросов — почти в 10 раз меньше по сравнению с I Думой.

Однако кадеты не пошли на прямое сотрудничество со Столыпиным. Их не удовлетворяла ни программа правительства, ни тем более методы ее реализации, которые в конечном счете способствовали обострению политического кризиса в стране. Поэтому они отвергли аграрные правительственные указы, сохранили довольно резкий оппозиционный тон при обсуждении ряда других мероприятий царизма.

В свою очередь октябристы с первых дней работы II Думы вступили в тесное сотрудничество со Столыпиным. В печати и с думской трибуны они выступали за немедленное и жестокое подавление революционных выступлений, оправдывали военно-полевые суды, осуждали революционный террор, в штыки встречали

законопроекты не только социал-демократов и трудовиков, но и кадетов.

В течение 103 дней во II Думе и вне ее шла напряженная борьба. Воспользовавшись достигнутым перевесом сил, царизм 3 июня 1907 года совершил государственный переворот, распустил Думу и в одностороннем порядке изменил избирательный закон, что явилось нарушением им же принятых Основных законов.

Третьеиюньский государственный переворот создал в стране качественно иную политическую ситуацию. Логика политической борьбы со всей остротой поставила перед всеми политическими силами кардинальной важности вопросы. Закончилась ли революция окончательно или же в развитии политического процесса наступила временная пауза? Сохранились ли в стране объективные основы для новой революции или же следует политическим силам приспособливаться к конституционному пути развития? Удастся ли умеренным партиям заключить соглашение с монархией на основе известного минимума реформ и тем самым перевести развитие страны на мирный реформистский путь? Каковы перспективы модернизации третьиюньской политической системы в конституционную монархию? Следует ли политическим партиям начать приспособливать свои программы и тактику к данной политической системе или же продолжать сохранять верность основной стратегической линии? Эти вопросы являлись ключевыми.

Если попытаться кратко определить суть тактической линии либералов в эти годы, то можно сказать, что ее вектором явилось приспособление к третьиюньской политической системе. Наиболее зримо это продемонстрировали октябристы. По словам А.И.Гучкова, Союз 17 октября заключил со Столыпиным «торжественный договор о взаимной лояльности», который включал обоюдное обязательство провести через III Думу широкую программу реформ, направленных на дальнейшее развитие начал конституционного строя. И до тех пор пока Столыпин сохранял хотя бы види-

мость соблюдения «договора», октябристы служили ему верой и правдой.

Октябристское руководство одобрило новый избирательный закон, позволивший им провести в III Думу 154 депутата, то есть на 112 больше, чем во II Думу. С думской трибуны и в печати они поддержали все мероприятия правительства. Подавляющее большинство октябристской думской фракции голосовало за правительственные законопроекты о Финляндии и западном земстве. Октябристы оказали поддержку Столыпину в проведении указа 9 ноября 1906 года, занимали консервативную позицию в рабочем вопросе.

Кадеты также откорректировали свою позицию. П.Б.Струве, В.А.Маклаков, С.А.Котляревский, М.В.Челноков призывали встать на путь «последовательных компромиссов с исторически сложившейся властью», к открытому разрыву с массовым движением. С изменением политической ситуации в стране вынуждено было считаться и центральное кадетское руководство. В ходе избирательной кампании в III Думу Милюков заявил: «Мы приобрели нравственное право сказать теперь, что, к величайшему сожалению, у нас — и у всей России — есть враги слева»⁶. Кадетское руководство отказалось от своего программного лозунга — ответственного думского министерства, демонстрировало свою лояльность к монарху. 19 июня 1909 года на завтраке у лорд-мэра Лондона лидер кадетской партии заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству»⁷.

В принятой на V съезде партии в 1907 году новой думской тактике руководство кадетской партии заявило, что оно готово работать в Думе «во имя частичных мелких побед». В III Думу кадетам удалось провести всего лишь 54 депутата. Они утратили то руководящее положение, которое занимали в I и II Думах. Кадетская фракция продолжала выступать с думской трибуны с довольно резкой критикой внутривластного правительственного курса. Во время обсуждения бюд-

жета в период I сессии она голосовала против кредитов на столыпинское землеустройство, воздержалась от голосования кредитов на Департамент полиции и на Комитет по делам печати. Начиная со II сессии, кадетская фракция систематически голосовала против сметы Министерства внутренних дел по общей части.

Вместе с тем кадеты не спешили с внесением в III Думу собственных законопроектов. В ходе прений по столыпинской аграрной реформе они перенесли акцент с основного своего программного требования — принудительного отчуждения помещичьих земель за выкуп — на необходимость повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Одновременно они пытались внести поправки, позволяющие несколько смягчить последствия насильственного разрушения крестьянской общины. Аналогичной тактики они придерживались и при обсуждении в Думе страховых рабочих законопроектов.

Однако с конца 1908 года и особенно в начале 1909 года кадеты первыми стали разочаровываться в способности Столыпина решить назревшие проблемы путем реформ «сверху». Даже кадеты типа Струве и Маклакова стали выступать с критикой третьеиюньского режима, в котором под «новыми формами народного представительства скрывается старый абсолютизм». Вслед за кадетами чаще и настойчивее стали напоминать Столыпину о необходимости реформ и октябристы. В итоге либералы всех направлений вынуждены были признать, что власть оказалась не в состоянии обеспечить элементарных условий порядка и законности, без которых уже не могла жить в XX веке ни одна цивилизованная страна.

В отличие от правых кадетов, продолжавших утверждать, что страна «плывет в конституционном русле», что никакой революции не предвидется, центральное руководство партии народной свободы все же более трезво смотрело на вещи и даже не исключало возможность «второго движения». При этом оно советовало лишь избегать «ошибок 1905 года» и более решительно отмежевываться от леворадикальных партий. На пер-

вый же план в своей политике кадетские лидеры выдвигали организацию общественных сил, привлечение на свою сторону земского и городского самоуправления, легальных съездов, а также студенческих землячеств. Милюков считал возможным даже несколько поднять оппозиционный тон кадетских выступлений в Думе, шире использовать право запросов и законодательной инициативы, установить более тесную связь с избирателями. Вся думская и внедумская работа кадетов, считал Милюков, должна была проводиться под лозунгом «изоляции власти».

Октябристы на своем съезде, состоявшемся в Москве в октябре 1909 года, приняли решение о необходимости активнее пользоваться думской законодательной инициативой, разработали ряд законопроектов (земская и судебная реформы, церковная реформа). Октябристская фракция усилила в Думе критику незаконных действий центральной и местной администрации. Выступая с думской трибуны 22 февраля 1910 года, А.И.Гучков заявил: «При наступивших современных условиях я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществление гражданских свобод, тех свобод, которые манифестом 17 октября, как вы помните, поставлены рядом с политической свободой. Мы не видим препятствий к более быстрому водворению у нас прочного правопорядка на всех ступенях нашей государственной и общественной жизни». Обращаясь к правительству Столыпина, свою речь Гучков закончил знаменательной фразой: «Мы, господа, ждем»⁸.

Однако ни требования, ни просьбы октябристов не были услышаны Столыпиным. Под мощным давлением Совета объединенного дворянства и царской камарильи правительство стало свертывать первоначальную программу реформ. Последовавшие с небольшим интервалом «министерский», а затем и «парламентский» кризисы показали, что старая власть вообще не собирается считаться ни с Основными законами, ни тем более с требованиями либеральной оппозиции. После убийства в сентябре 1911 года Столыпина крайне

правых и националистов уже перестали удовлетворять даже лояльные октябристы.

Углубление кризиса третьеиюньской политической системы заставило либералов вновь корректировать свою политическую линию. В ходе избирательной кампании в IV Думу кадеты выдвинули три лозунга: демократизация избирательного закона, коренная реформа Государственного Совета и формирование ответственного думского министерства. В первые же дни работы IV Думы кадетская фракция (в Думу было избрано 59 кадетских депутатов) демонстративно внесла законопроекты о всеобщем избирательном праве, свободе совести, собраний, союзов, печати, неприкосновенности личности и гражданском равенстве. Если во время I сессии IV Думы кадеты ограничились тем, что отвергли смету МВД и голосовали против части ассигнований по сметам Синода и Министерства юстиции, то во II сессии они уже голосовали против бюджета в целом. В 1912-1914 годы оживилась и внедумская деятельность кадетов.

В ходе избирательной кампании в IV Думу активно заявили о себе прогрессисты. На выборах они получили 32 депутатских мандата и вместе с примыкающими их фракция насчитывала 48 человек. Ноябрьский съезд 1912 года принял развернутую программу думской деятельности, требования которой сводились к следующим пунктам: 1) отмена положения об усиленной и чрезвычайной охране, устранение административного произвола; 2) отмена избирательного закона 3 июня 1907 года; 3) расширение прав народного представительства; 4) реформа Государственного Совета; 5) свобода слова, печати, собраний и союзов; 6) неприкосновенность личности, свобода совести; 7) культурно-национальное самоопределение народностей, входящих в состав империи; 8) отмена сословных ограничений и привилегий; 9) реформа городского и земского самоуправления. В заключении программы говорилось о необходимости установления в стране «конституционно-монархического строя с ответственностью министров перед народным представительством».

Намечая думскую тактику, прогрессисты подчеркивали, что будут в Думе придерживаться строгой законности, «беречь и защищать» ее права, а также «беречь в ней зародыш национального парламента». Указывая, что Дума представляет собой «единственное средство мирного обновления России», они настаивали на необходимости активно использовать ее бюджетные права, не останавливаясь перед отказом в ассигновании по отдельным статьям бюджета, на применении законодательной инициативы. Считая, что «не следует необдуманно вызывать роспуск IV Думы», прогрессисты вместе с тем в принципе не отрицали возможность того, что могут наступить такие обстоятельства, когда надо будет «сознательно идти на роспуск и даже ускорять его, если это будет в наших силах».

В IV Думе прогрессисты заняли центристские позиции. Делая основную ставку на совместные действия с кадетами, они не теряли надежду, что им удастся при проведении своих законопроектов (реформа Сената, земского и городского самоуправления, неприкосновенность личности) привлечь на свою сторону и левых октябристов. Благодаря центристской позиции фракции прогрессистов в IV Думе чаще складывалось оппозиционное большинство, чем это имело место в III Думе. Совместные голосования либеральных партий по целому ряду законопроектов способствовали созданию предпосылок для формирования в Думе Прогрессивного блока, при помощи которого они рассчитывали проводить необходимые стране реформы.

Коррективы в свой политический курс вынуждены были внести и октябристы. На ноябрьской партийной конференции 1913 года А.И.Гучков вынужден был заявить о разрыве договора между октябристами и правительством, политика которого уже стала представлять «прямую угрозу конституционному принципу». Трагизм сложившейся политической ситуации Гучков видел в том, что основная опасность состоит даже «не в антимонархической проповеди, не в религиозных учениях, не в пропаганде идей социализма и антимилитаризма, не в агитации анархистов против государ-

ственной власти», а в том, что правительство своими реакционными действиями подрывает государственные основы, «революционизирует общество и народ», приближая тем самым страну к новой революции. «Историческая драма, которую мы переживаем заключается в том, что мы, — говорил в своем докладе Гучков, — вынуждены отстаивать монархию против тех, кто является естественными защитниками монархического начала, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти»⁹.

Гучков считал необходимым поднять оппозиционный тон выступлений фракции Союза 17 октября в IV Думе вплоть до отклонения правительственных законопроектов и отказа голосовать за кредиты. И хотя позиция Гучкова и не была поддержана думской фракцией, тем не менее она свидетельствовала о росте патриотической тревоги среди либералов-консерваторов.

В конце 1913—начале 1914 года идеологи либерализма активизировали поиски выхода из кризисной политической ситуации. Один из таких вариантов предложил П.Б.Струве. Он считал, что Россия на данном этапе переживает не революционный, а конституционный кризис. Из него теоретически возможны два выхода: либо «постепенное нарастание государственной смуты, в которой средние классы и выражающие их интересы умеренные элементы вновь будут отеснены на задний план стихийным потоком народных масс, вдохновляемых крайними элементами», либо «оздоровление власти». Отвергая революционный путь выхода из политического кризиса, Струве настаивал на необходимости сосредоточения усилий «всех прогрессивных и в то же время охранительных сил на мирном парламентском пути». При этом свои расчеты Струве строил на «благоразумии власти». Он рекомендовал привлечь в правительство «здоровые» элементы из либеральной общественности и либеральных бюрократов. Таким путем «оздоровившаяся» правительственная власть должна была: во-первых, отречься «от настроения политической борьбы», «возвысится» над своими

«внутренними врагами» и, во-вторых, соединиться со средними элементами буржуазных классов и «усвоить» кадетские идеи «государственного обновления»¹⁰.

Струвистский лозунг «оздоровления власти» не получил поддержки среди кадетского руководства. В феврале-марте 1914 года на заседаниях кадетского ЦК дебатировалось два варианта (милюковский и некрасовский) выхода из политического кризиса. В противовес лозунгу «оздоровления власти», Милюков выдвинул лозунг «изоляции правительства». В целях его реализации он считал возможным пойти на «координацию действий» с левыми партиями. Но при этом Милюков подчеркивал, что кадетам ни в коем случае нельзя «стирать грань между к.-д. и с.-д.». Кадетам ни в коем случае нельзя «повторять ошибки 1905 г., когда пришлось отмежевываться от левых тогда, когда было уже поздно». Считая, что «физические способы воздействия никогда не достигают своей цели», Милюков призывал кадетов «определить свою тактику независимо от того, как определяют ее наши соседи слева». Реализация милюковского лозунга должна была осуществляться исключительно конституционными средствами и в союзе с «однородно настроенными» с кадетами элементами. Путем широкого использования законодательной инициативы и запросной тактики кадеты должны были превратить Думу в активный фактор политической борьбы и организации общественных сил.

В принципе поддерживая милюковский лозунг «изоляции правительства», Н.В.Некрасов настаивал на необходимости проведения более решительной тактики. Он советовал кадетам «перекраситься» в более яркий цвет. Это помогло бы им «отделаться от элементов наносных и чуждых, приставших к ней в момент успеха и влияния». Одновременно это позволило бы им «создать почву для соглашений с другими демократическими течениями». Некрасов считал необходимым перейти от «пассивной обороны» к активному выступлению против сил реакции. В этой связи он предлагал: 1) усилить борьбу с антисемитизмом и клерикализмом; 2) пересмотреть свое отношение к армии; 3) признать,

что «рабочие в высшей степени активная сила» и начать оказывать им моральную и материальную поддержку; 4) больше внимания уделять национальным вопросам и пересмотреть аграрную программу. Некрасов рекомендовал: создать в IV Думе вместе с левыми Информационное бюро; голосовать против бюджета; рассмотреть вопрос о возможности выхода кадетов из думских комиссий и использовании абстракции в качестве крайнего средства борьбы против правительства.

Неудача с реализацией идеи создания оппозиционного думского центра послужила толчком к тому, что отдельные, наиболее радикально настроенные прогрессисты типа А.И.Коновалова и П.П.Рябушинского, предложили создать такой центр вне Думы. Основная задача «внедумского центра» состояла в том, чтобы заставить правительство, но не ссей раз уже непарламентскими методами, реализовать обещания манифеста 17 октября 1905 года. На платформе манифеста предполагалось объединить левых октябристов, прогрессистов, кадетов, народных социалистов, меньшевиков, а также все национальные политические группы. На совещаниях, состоявшихся 3-4 марта 1914 года в Москве в квартирах А.И.Коновалова и П.П.Рябушинского, присутствовали: левые октябристы, прогрессисты, кадеты, энесы, меньшевики, большевик И.И.Скворцов-Степанов и группа беспартийных интеллигентов. В центре внимания участников совещаний стоял вопрос о координации действий либеральных и леворадикальных партий для подготовки внедумских антиправительственных выступлений. Созданный на совещаниях Информационный комитет должен был в подходящий момент выдвинуть требование осуществления манифеста 17 октября, после чего каждая партия, действуя «сообразно своим тактическим приемам, особенностям и силам», должна была организовать «эксцессы» революционного характера, как то: 1) выступление рабочих; 2) брожение крестьян; 3) недовольство буржуазных классов — торгово-промышленного, мещан и т.п.; 4) одновременно по данному сигналу демонстрации и протесты газет.

Однако эти «левые жесты» лидеров прогрессистов Коновалова и Рябушинского не были поддержаны думской фракцией. Во время конфликта, возникшего в апреле 1914 года в Думе по поводу законопроекта о свободе парламентского слова, фракция отказалась поддержать левых радикалов, осудив метод абстракции, которым был применен последними по отношению к премьер-министру И.Л.Горемыкину. Позиция фракции осложнила переговорный процесс с левыми партиями и организациями вне Думы. Вскоре Информационный комитет прекратил свое существование. Акция прогрессистов в отношении создания внедумского координационного центра не была поддержана ни октябристами, ни кадетами.

К лету 1914 года политический кризис в стране достиг критической точки. Начавшаяся в июле 1914 года первая мировая война на время предотвратила его революционную развязку. С первых дней войны либералы призвали к забвению партийных разногласий, к единству действий правительства и общества. На заседании IV Думы 26 июля 1914 года все либеральные фракции дали торжественную клятву о полной и безоговорочной поддержке правительства. Выражая этот единодушный порыв либеральной оппозиции, Милюков заявил: «В этой борьбе мы все за одно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника»¹¹.

Либералы предприняли максимум усилий для мобилизации сил для ведения войны. С этой целью летом 1915 года были созданы Всероссийский союз городов (главноуполномоченный князь Г.Е.Львов), Всероссийский союз городов (главноуполномоченный кадет М.В.Челноков), сосредоточившие в своих руках дело помощи больным и раненым воинам, санитарные мероприятия и в значительной степени снабжение армии, помощь беженцам, а также многие технические работы на фронте. В июле 1915 года был создан Центральный Военно-промышленный комитет (председатель А.И.Гучков). Представители либеральных партий участвовали в специально созданных правительством

совещаниях (по обороне, по продовольствию, по перевозкам, по топливу). Значительно возросло влияние либеральных элементов в городском и земском самоуправлении.

Укрепление экономической мощи российской буржуазии в годы первой мировой войны, ее политическая консолидация вели к дальнейшему обострению противоречий с авторитарным режимом, проявившим в экстремальных условиях войны неспособность справиться с гигантски возросшим кругом проблем. В условиях углубляющегося паралича власти в либеральных кругах уже с весны 1915 года «патриотический подъем» начал сменяться «патриотической тревогой», что в свою очередь сопровождалось повышением на несколько градусов политических лозунгов. Вновь перейдя в оппозицию к правительству, думские либеральные фракции летом 1915 года выдвинули лозунг создания правительства, пользующегося доверием Думы. Министерство доверия, которое предполагалось сформировать из бюрократов-профессионалов и представителей либеральной общественности, должно было обеспечить победоносное завершение войны, а также осуществить ряд политических и социальных реформ, позволивших стабилизировать обстановку в стране и избежать новой революции. На создание министерства доверия были направлены значительные усилия либеральной оппозиции.

Ярким проявлением подобного рода стремлений явилось создание в августе 1915 года в IV Думе Прогрессивного блока. Его председателем стал левый октябрист С.И.Шидловский, но фактически его руководителем был лидер кадетов П.Н.Милюков. Политический смысл создания Прогрессивного блока заключался, по словам Милюкова, в «последней попытке найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становилось все более грозным»¹². Компромиссная по своему характеру программа Прогрессивного блока сводилась к требованиям создания министерства общественного доверия и проведения ряда реформ (обновление состава местных органов управления, смягчение

национальных ограничений, частичная политическая амнистия, введение волостного земства, восстановление профсоюзов и прекращение преследования больных касс). Однако эта в целом умеренная программа реформ была отвергнута правительством. Более того, 3 сентября 1915 года Николай II подписал указ о роспуске Думы. Конфликт с правительством достиг своей кульминационной точки и превратился, по словам Милюкова, уже в «открытый разрыв». Именно с этого момента все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода.

Образное сравнение политической ситуации, сложившейся в России к лету 1915 года дал В.А.Маклаков. По его словам, Россия напоминала автомобиль, несущийся на огромной скорости по крутой и узкой дороге. Шофер автомобиля (правительство) уже давно потерял управление, но, тем не менее, ни в коем случае не хотел добровольно отдать руль в руки тех, кто едет вместе с ним и способен управлять машиной (либералам). Последние же не решаются насильно вырвать руль у обезумевшего шофера, ибо прекрасно понимают, что одно неловкое движение может привести к катастрофе, в которой погибнут все. Именно в этом, считал Маклаков, и состоял весь трагизм положения либеральной оппозиции.

На заседаниях ЦК либеральных партий, печати, заседаниях Прогрессивного блока шли нескончаемые дебаты о путях выхода из все обостряющегося политического кризиса в стране. Подавляющее большинство Прогрессивного блока, включая и Милюкова, придерживалось умеренных позиций и считало вполне достаточным лозунг министерства общественного доверия. По их мнению, этот лозунг был вполне приемлемым для верховной власти, ибо ни в коем случае не предусматривал какого-либо радикального, а тем более насильственного политического переворота. Вместе с тем он мог бы рассматриваться в перспективе в качестве «ступеньки» к созданию думского ответственного министерства. Однако прогрессисты во главе с А.И.Коно-

валовым и И.Н.Ефремовым считали, что лозунг министерства общественного доверия уже не достаточным и настаивали на выдвижении лозунга ответственного думского министерства, которое должно было организовать оборону страны, оперативно провести мобилизацию промышленности. Позиция прогресистов получила поддержку со стороны некоторых слоев московской буржуазии.

16 августа 1915 года на квартире А.И.Коновалова состоялось совещание, в котором приняли участие лидеры кадетов, главноуполномоченные ВЗС и ВСГ, представители других общественных организаций. Совещание высказалось за создание особых «коалиционных комитетов», которые должны были под руководством Московского коалиционного комитета осуществлять повсеместные агитационные мероприятия в целях поддержки программы Прогрессивного блока. Московский Центральный коалиционный комитет, состоящий из 15 человек, возглавили князь Г.Е.Львов, М.В.Челноков, А.И.Коновалов и П.П.Рябушинский. Комитет выступил инициатором создания целой сети Всероссийских союзов: крестьянского, рабочего, кооперативного, торгово-промышленного, которые должны были впоследствии объединиться с ВЗС, ВСГ, ВПК, Земгором в общественно-политическую организацию типа Союза Союзов, целью которой явилось бы оказание мощного давления на правительство. Лидерам ВПК (В.И.Гучкову, А.И.Коновалову, П.П.Рябушинскому) удалось добиться определенных результатов не только в деле мобилизации промышленности на оборону, но и в налаживании контактов с рабочими через специально созданные при ВПК рабочие группы. Некоторые результаты были достигнуты и в отношении создания Всероссийского кооперативного союза, Всероссийского продовольственного комитета, начались переговоры с народными социалистами о создании Всероссийского крестьянского союза.

Чувствуя за собой поддержку со стороны общественных организаций, думская фракция прогресистов заняла более решительную позицию. На заседа-

нии Прогрессивного блока 28 октября 1915 года И.Н.Ефремов заявил, что за два месяца своего существования блок ни чем себя не проявил: «Не реагировали ни на роспуск (IV Думы — В.Ш.), ни на отвержение нашей программы, ни на не прием депутации. Нам надо оживить и проявить деятельность. Большой вопрос, нужно ли реагировать на перемену лиц — нужна перемена системы». К этой же мысли он вновь возвратился на заседании Прогрессивного блока 12 ноября 1915 года, заявив, что «опасно придавать чрезмерное значение сменам лиц. Но мы указали на необходимость перемены системы, и подчеркивать перемену лиц не следовало бы»¹³.

Уговоры участников Прогрессивного блока занять более решительную позицию по отношению к правительству продолжались Ефремовым в течение целого года и не привели к определенным результатам. «Надо подвергнуть, не стесняясь критике деятельность правительства и указать препятствия для подъема настроения. Наше положение трагично, потому что наш долг — провести переворот, чтобы добиться победы. Но это производство переворота предательство. Я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство. Но возможно говорить, чтобы не вытекал призыв к революции: этого не может быть из любви к отечеству. Сумеем соединить нападки с отсутствием революционных вызовов. Нам придется наметить в бюро пределы, за кои не следует выходить в заявлениях: но мы должны еще прямее назвать вещи своими именами»¹⁴. Но и на сей раз участники Прогрессивного блока не пошли дальше выработки умеренного проекта декларации, в которой содержался очередной призыв к министрам добровольно уйти в отставку, уступив свое место министерству общественного доверия. 31 октября 1916 года Ефремов довел до сведения участников Прогрессивного блока о решении фракции прогрессистов не присоединяться к декларации и о их выходе из блока.

Выйдя из Прогрессивного блока, лидеры прогрессистов решили прибегнуть к более решительным методам борьбы против правительства. На совещаниях на квар-

тирах А.И.Коновалова и П.П.Рябушинского, как это уже имело место в марте-апреле 1914 года, участвовали левые октябристы, прогрессисты, кадеты, народные социалисты, меньшевики, которые вновь обсуждали вопрос о необходимости возобновления деятельности Информационного комитета для разработки и координации действий различных партий в борьбе против правительства. На встречах открыто заговорили о необходимости подготовки дворцового переворота, о составе будущего Временного правительства. С думской трибуны и со страниц прессы прогрессисты настаивали на том, чтобы правительство немедленно ушло в отставку, ибо его пребывание у власти есть «преступное забвение долга перед родиной, граничащее с преступлением». По мнению прогрессистских лидеров, настало время коренным образом изменить «всю нашу политическую систему» и создать ответственное перед Думой министерство, которое «может снять путы с русского народа, привлечь все действительные силы страны и, благодаря созданному этими мерами подъему народного духа, справиться со всеми гнетущими нашу родину невзгодами»¹⁵.

И совсем уже новым, невиданным ранее в либерализме, шагом стала попытка лидера октябристов А.И.Гучкова начать подготовку дворцового переворота. На заседании Прогрессивного блока 25 октября 1915 года он настаивал на необходимости идти на «прямой конфликт с властью», ибо правительство неумолимо ведет страну «к полному внешнему поражению и внутреннему краху». В этих условиях, считал он, единственным выходом может и должен стать дворцовый переворот. Разъясняя понимание им политического смысла необходимости подготовки дворцового переворота, Гучков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства подчеркивал, что этот переворот должен быть совершен «не солдатами, а воинскими частями», как это уже имело место в декабре 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Такого рода переворот, по мнению Гучкова, мог быть осуществлен довольно быстро и без-

болезненно с «наименьшими жертвами и наибольшей приемлемостью для страны». В представлениях Гучкова и небольшой группы его сторонников дворцовый переворот вполне мог стать альтернативой надвигающейся в стране революции.

В ходе дебатов вокруг формул министерства общественного доверия и ответственного думского министерства, гучковской идеи о дворцовом перевороте лидеры кадетской партии занимали, как правило, более умеренные позиции, чем прогрессисты и даже некоторые левые октябристы. Уже на упомянутом заседании Прогрессивного блока 25 октября 1915 года лидеры кадетов самым категорическим образом высказались против прогрессистской формулы думского ответственного министерства. В критике правительства с думской трибуны они предлагали использовать такие слова, которые не должны были создать в массах впечатление каких-либо призывов к революции. Более того, кадеты типа М.В.Челнокова вообще советовали «вооружиться терпением и ждать».

И тем не менее, кадетских лидеров ни на минуту не покидала тревога, все более возраставшая по мере обострения кризисной ситуации в стране. В этот период они все чаще и чаще стали обращаться к опыту 1905—1907 годов, пытаясь найти в нем ответы на острейшие вопросы, вставшие перед страной в конце 1915—начале 1916 года. 3 января 1916 года с программным докладом «Об общем политическом положении» на съезде местных кадетских комитетов подмосковных губерний выступил Ф.Ф.Кокошкин. Проанализировав политическую ситуацию в стране, он обратил внимание на два факта: во-первых, все попытки оппозиции добиться министерства общественного доверия чисто парламентскими средствами потерпели провал и, во-вторых, русское общество вернулось «к старой мысли о революционном перевороте». Кокошкин считал, что революция во время войны представляется невозможной, ибо она привела бы Россию к поражению. Вместе с тем он все же вынужден был признать, что в принципе «нельзя отрицать возможность революции после войны, хо-

тя еще нельзя считать доказанной ее неизбежность». Суть же дела, по его мнению, состоит не в том «будет или не будет революция», а в том «будут ли достигнуты те цели, для достижения которых многие считают революцию необходимой».

В общественном мнении России, по словам Кокошкина, всегда придавали революции слишком большое значение, причем расценивали ее «исключительно как отрицательную разрушительную силу», которая должна была смести существующий старый режим. Однако при этом, к сожалению, мало думали о том, чем же можно заменить этот режим. В итоге Кокошкин пришел к крайне пессимистическому выводу о том, что, если все же произойдет революционное разрушение старого строя, то в стране неизбежно установится «военная диктатура и реакция». Поэтому, считал он, «революция тогда только имеет значение, когда общество внутри себя готово к созданию нового строя, когда оно сговорилося относительно основ этого строя и относительно способа его осуществления. В настоящий же момент такой готовности у общества нет. Поэтому, как и в 1905 году, получится та же самая картина, а именно, власть окажется в руках организованных сил — дворянства и бюрократии. Итоговый вывод доклада Кокошкина сводился к следующему: «Не нужно возлагать преувеличенных надежд ни на революцию, ни на переворот иного рода. Дело не только в устранении от власти тех элементов, которые сейчас ею обладают, а во внутренней готовности общества взять власть в свои руки». Сейчас же русское общество «не имеет внутри себя готового плана новой организации. Оно не сговорилося и не сможет сговориться в короткий срок о новом строе». В самый решающий момент, как это уже было в 1905 году, в обществе опять будут выставлены одновременно самые разнообразные требования: «Одни будут стремиться к парламентарной монархии, другие к республике, третьи к социальному перевороту, четвертые к федерализму. Не будет также и тактической согласованности. В результате явится военная диктатура». Поэтому в создавшейся ситуации «самая важная

и настоящая внутриполитическая задача состоит не в подготовке революции, а в организации и объединении всех общественных сил страны». В ходе реализации этой стратегической задачи, подчеркнул Кокошкин, «мы одновременно и поможем обороне, и подготовим различное участие общества во власти»¹⁶.

На VI съезде партии, состоявшемся в феврале 1916 года, центральное руководство партии народной свободы не поддержало предложения представителей местных комитетов, считавших, что в сложившейся ситуации партии не следует «уклоняться от власти», выйти из состава Прогрессивного блока и приблизить свою тактику к тактике леворадикальных партий и организаций. По мнению кадетского руководства, подобного рода предложения не учитывают реальную политическую обстановку, что в стране нет «готовых к революции сил» и что «раньше окончания войны никаких выступлений ждать нельзя». Кадетские лидеры продолжали настаивать на том, что следует во чтобы то ни стало стремиться к сохранению думского Прогрессивного блока и не спешить сближать свою тактику с тактикой левых радикалов. «И пусть не мы к левым, а левые идут к нам, — подчеркивал Милюков, — так как мы им нужны, так как у нас есть определенная позиция». Правые кадеты были уверены в том, что поиски компромисса с правительством еще далеко не исчерпаны. «Бить правительство, — заявил Маклаков, — во время войны нельзя»¹⁷.

Только к концу 1916 года, когда политическая обстановка в стране уже достигла критической черты, кадеты решили поднять тон выступлений в адрес правительства. В своей речи 1 ноября 1916 года в Думе Милюков подверг резкой критике политику правительства, обвинил «придворную партию», группирующуюся вокруг царицы, в подготовке сепаратного мира с Германией и в провокационном подталкивании масс к революционным выступлениям. «Теперь мы видим и знаем, — говорил Милюков, — что с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как и не можем с ним вести Россию к победе». Однако Ми-

люков был далеко от призыва масс к свержению этого правительства, оставляя право борьбы с ним исключительно за либеральной оппозицией. «Мы, — продолжал он, — говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете... Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ним теперь боремся»¹⁸.

Выступление Милюкова задало тон для всех последующих речей ведущих лидеров либеральной оппозиции. Выступая с думской трибуны 3 ноября 1916 года, В.А.Маклаков сказал: «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. А вместе наша жизнь невозможна». По существу в ноябрьские дни 1916 года лозунг создания ответственного думского министерства стал общим лозунгом всей либеральной оппозиции.

На протяжении декабря 1916 — января 1917 года либералы делали максимально возможное для того, чтобы еще и еще раз убедить власти пойти на разумный компромисс. Выступая 16 декабря в Думе, Милюков подчеркнул: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явочные формы 1905 года». И в этой, по существу уже ставшей экстремальной, ситуации «кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение того могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в законное русло. Господа, я еще раз повторяю — это еще можно сделать. Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет гром. Но, господа, чтобы гром не разразился в той форме, которой мы не желаем, наша задача ясна — мы должны в единении с общими силами страны предупредить этот удар». Выступавший вслед за Милюковым А.И.Коновалов заявил, что к данному моменту уже вся Россия осознала, что «с существующим режимом, с существующим правительст-

вом победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом»¹⁹.

К началу 1917 года лидеры либеральной оппозиции уже в полную меру почувствовали свое бессилие изменить мирным путем развитие политических событий в стране, и оказались, по словам Милюкова, «утомлены в бесплодной борьбе с правительством». В то время, когда требовалась решительная воля к активным действиям, они, по признанию того же Милюкова, вообще упустили из своих рук «руководство событиями», которое перешло к леворадикальным партиям и организациям социалистического толка. Либералам уже ничего не оставалось делать, как продолжать вести словесную борьбу с правительством в стенах Таврического дворца. Выступая на заседании Думы 15 января 1917 года Милюков, отвечая на призывы левых действовать «смело и страна будет с вами», заявил: «Господа, эти призывы, эти надежды нас глубоко трогают, но, я должен сказать, и несколько смущают. Наше слово есть уже наше дело. Слово и вотум есть пока наше единственное оружие»²⁰.

Однако на царских бюрократах, особенно военного призыва, словесные угрозы либералов оказывали обратное воздействие. Понимая, что Дума без поддержки масс является бессильным инструментом, без которого в принципе вполне можно обойтись, правительство попыталось ужесточить репрессивные меры (арест членов рабочей группы ЦВПК), спровоцировать выступления рабочих, а затем подавить их силой оружия. Вполне понятно, что царские министры ни как не среагировали и на одно из самых последних и наиболее ярких выступлений в Думе члена ЦК кадетов Ф.И.Родичева. «Мы, — заявил он 24 февраля 1917 года, — требуем в настоящую минуту именем голодного народа, именем этого народа, который боится за свою судьбу во внешней борьбе, именем этого народа мы требуем власти, достойной судеб великого народа, достойной значения той минуты, которую страна переживает, мы требуем призыва к ней людей, которым вся Россия мо-

жет верить, мы требуем прежде всего изгнания оттуда людей, которых вся Россия презирает»²¹. Но обитатели Царскосельского и Мариинского дворцов, предпочитавшие расправляться с народом традиционными методами голого насилия, понимали силу не словесного, а исключительно материального воздействия. Однако в распоряжении либеральной оппозиции таких сил не было. События 23-28 февраля 1917 года в Петрограде застали их врасплох.

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 4 августа 1917 года Милюков признавал: «События 26-27 февраля застали нас врасплох»²². Размышляя над ними десять лет спустя Милюков свидетельствовал: «Дума не создала новой революции: для этого она была слишком лояльна и умеренна. Но она и не отвратила опасности этой революции»²³. Действительно, царизм был сметен стихийными выступлениями масс. Но при этом было бы неверно сбрасывать со счетов значение оппозиционной деятельности либералов. Своими парламентскими и внепарламентскими действиями они, безусловно, способствовали разоблачению автократического режима, а это, в свою очередь, вело к дальнейшему углублению кризиса верхов, к дестабилизации политического положения в стране. В этом процессе «раскачивания лодки» определенную роль сыграла и Государственная дума, которая, по словам Милюкова, «сделалась как бы аккумулятором общественного недовольства и могущественным рупором, через который глухое и бесформенное чувство недовольства и раздражения возвращалось народу в виде политически осознанных, определенно отчеканенных политических формул»²⁴. И хотя эти либеральные формулы в общем и целом носили умеренный характер, тем не менее они способствовали созданию определенного оппозиционного настроения в общественном мнении России. Все это расширяло фронт борьбы против авторитарного режима, который в результате слияния усилий леворадикальных и либеральных партий рухнул в невиданно короткий срок,

обеспечив тем самым победу второй революции в России.

Февральская революция сняла многие теоретические и программные разногласия в либеральной среде. На первый план выдвинулась партия кадетов, вокруг которой и развернулся процесс консолидации всех либеральных сил в стране. Как уже отмечалось в предшествующих главах, кадеты, учитывая изменившуюся политическую обстановку, вынуждены были оперативно корректировать свою программу и тактику. Главной заботой кадетского руководства было оптимальное решение вопроса о власти. Известно, что после отречения Николая II от престола за себя и сына вопрос о преемственности власти оказался запутанным. Кадетским юристам пришлось немало поломать голову над тем, чтобы обеспечить реальную преемственность власти. После безрезультатных переговоров с великим князем Михаилом Александровичем, Временный комитет Государственной думы, в котором приоритетную роль играли представители кадетской фракции, принял решение о создании Временного правительства, которому, согласно акта отречения от власти Михаила Александровича, передавалась вся полнота власти, т.е. правительство исполняло функции как исполнительной, так и представительной власти до созыва Учредительного собрания. Ключевую роль в формировании первого состава Временного правительства играли кадеты, которые вырабатывали и осуществляли его программу.

Однако в условиях ослабления исполнительных функций власти реализовать программу Временного правительства было крайне сложно. Вместо столь необходимой политической стабилизации в стране стремительными темпами развивались дестабилизационные и дезинтеграционные процессы. Росла инфляция, безработица и, как следствие, нужда и отчаяние масс. С момента своего возникновения Временное правительство оказалось в парадоксальной ситуации, когда рядом с ним и вопреки ему действовала другая власть в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, осуществ-

лявших собственную политическую линию. Постоянное стремление той и другой власти «перетянуть канат» на свою сторону в конечном счете вело к ослаблению государственной исполнительной власти на всех ее уровнях, к дезорганизации производства, транспорта, финансово-кредитной системы, к анархии и хаосу.

После Февральской революции 1917 года в стране стремительными темпами шло формирование многопартийности. По имеющимся данным, в марте-октябре 1917 года в стране действовало не менее 220 различных политических партий, а их общая численность членов превышала миллион человек. Между партиями (общероссийскими и национальными) усилилась борьба за власть и лидерство. Разумеется, в этом «партийном котле», где атмосферное давление росло с каждым днем, партия кадетов, предпринимавшая разнообразные попытки стабилизировать обстановку (разработка разного рода законодательных проектов, направленных на реформирование всех сторон общественной жизни в русле правового государства и гражданского общества, реорганизация центрального и местного административного аппарата, осуществление политической амнистии, решение целого комплекса социальных вопросов, организация обороны и т.д.) чувствовала себя крайне неуютно. Кадетам так и не удалось убедить лидеров Советов и массовые организации в бесперспективности дальнейшей конфронтации, а также уговорить представителей национальных партий (в частности, украинских сепаратистов) не спешить до окончания войны ставить в полном объеме национальный вопрос и требовать немедленной реализации лозунга права наций на политическое самоопределение вплоть до отделения. Леворадикальные партии социалистического толка, а за ними и массы, требовали немедленного прекращения войны и заключения демократического мира без аннексий и контрибуций, немедленного налаживания производства и решения продовольственного вопроса, немедленного повышения заработной платы, немедленного решения вопроса о земле и созыва Учредительного собрания. С таким грузом проблем

Временное правительство первого состава справиться было уже не в состоянии.

Апрельская демонстрация 1917 года привела к уходу из состава Временного правительств двух ключевых фигур — П.Н.Милюкова и А.И.Гучкова. В новом коалиционном правительстве влияние кадетов на выработку и особенно проведение политического курса значительно сократилось. Учитывая обстановку в стране после апрельских и особенно июльских событий 1917 года, кадеты все больше внимания вынуждены были уделять вопросам борьбы против нарастающего экстремизма леворадикальных партий, а также мобилизации тех сил, включая и правомонархические, заинтересованных в предотвращении сползания страны к национальной катастрофе. Во имя спасения России от экономического развала и территориального распада кадетское руководство после июльских событий вынуждено было согласиться на временное установление в стране военной диктатуры.

Решение сделать ставку на военного диктатора в лице героя первой мировой войны генерала Л.Г.Корнилова (вначале Милюков вел переговоры с адмиралом А.В.Колчаком) далось кадетам непросто. Ни все члены ЦК соглашались на такую крайнюю меру, ибо прекрасно осознавали смысл и назначение диктатуры, против которой они предупреждали еще накануне Февральской революции. Однако, по мнению большинства кадетского руководства, иного выхода из кризисной ситуации после июльских событий уже не было, ибо все мыслимые и немыслимые уступки требованиям левого социалистического крыла демократии уже были сделаны. Выражая свое согласие на введение в стране военной диктатуры, кадетское руководство отдавало себе отчет в том, что в случае правала попыток Л.Г.Корнилова взять власть, положение кадетской партии, да и всей либеральной оппозиции, может стать критическим. По существу так и получилось. После провала попытки Корнилова взять власть предельно обострились взаимоотношения кадетов с леворадикальными социалистическими партиями, считавшими

Либеральная модель переустройства России

их пособниками мятежного генерала и, следовательно, врагами революционной демократии. После переворота в октябре 1917 года большевики и левые эсеры обрушили на либералов, особенно кадетов, шквал репрессий. 28 ноября 1917 года СНК издал декрет запрещающий деятельность кадетской партии и ставящий ее членов вне закона. Были закрыты центральные органы кадетской партии, ее клубы, а жизнь ее лидеров оказалась под угрозой ареста и даже расстрела. Под влиянием большевистских репрессий неизмеримо сократились масштабы агитационно-пропагандистской деятельности кадетов, что не могло не сказаться на результатах ее избирательной кампании на выборах в Учредительное собрание. За партийный список партии народной свободы проголосовало менее пяти процентов избирателей. Русский либерализм вынужден был надолго покинуть политическую сцену, на которой уже другими героями разыгрывались иные исторические драмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ либеральной модели переустройства России позволяет сделать ряд общих наблюдений и выводов.

Во-первых, процесс модернизации в странах переходного типа имеет многоуровневый характер. С одной стороны, теоретики-интеллектуалы конструируют идеальные модели общественного переустройства, отражающие ведущие тенденции общественного прогресса. С другой стороны, разработчики идеальных моделей вынуждены «приземлять» их применительно к данным историческим условиям. Иными словами «зазор» между идеалом и реальной действительностью с логической неизбежностью заставляет разработчиков моделей снижать «планку» при «переплавке идей» в программные установки, которые, как правило, более соответствуют сиюминутным политическим потребностям, чем долгосрочным стратегическим идеалам. Подобного рода двухуровневый подход был характерен и для русских либералов-теоретиков. Русские либералы-интеллектуалы конструировали свою теоретическую модель исходя по преимуществу из желаемого и в гораздо меньшей мере учитывали реальную действительность, которую они намеревались переустроить по уже опробованному в иной исторической среде западноевропейским образцам. Однако «зазор» между идеально желаемым и реально действительным оказался так велик, что сконструированная ими рационалистическая модель переустройства России неадекватно была воспринята исторической средой.

Во-вторых, следует иметь в виду, что в русском либерализме на теоретическом уровне соседствовали, взаимодействовали и противостояли друг другу представители самых различных научных школ и направлений западноевропейской и русской общественной мысли, которые, естественно, по разному представля-

ли себе как сам идеал будущего общественного устройства, так и особенно пути его практического достижения. Среди либералов-теоретиков были представители и сторонники «естественного права» и «народного суверенитета»; последователи «социологической» и «юридической» школ; приверженцы традиционалистских концепций и идей (в частности «этико-социальной») и т.д. Согласование позиций представителей различных школ и направлений проходило (особенно на интеллектуальном уровне) крайне сложно и даже болезненно. Все это, разумеется, не могло не сказаться как на разработке теоретических моделей и программтики русского либерализма. Не случайно все попытки выработать единую программу и создать единую либеральную партию оказались безрезультатными. Расхождения на теоретическом уровне оказались настолько глубокими, что не позволили осуществить на единой платформе консолидацию либеральной оппозиции. В итоге раскол либералов на теоретическом уровне привел их к расколу на программном и организационном уровнях. Вместо единой либеральной партии в России возникло и действовало несколько либеральных партий и организаций, что, естественно, не могло не сказываться и на выработке и осуществлении ими стратегического и тактического курса.

В-третьих, в своем итоговом виде либеральная теоретическая модель общественного переустройства представляла собой своеобразный синтез нескольких субмоделей, получивших свою реализацию в программах различных либеральных партий. По существу можно говорить о «расщеплении» общей либеральной теоретической модели на ряд субмоделей, что на практике позволяло (в зависимости от конкретной политической ситуации и расстановки политических сил) выдвигать на первый план то одну, то другую из них (например, в I и II Думах — кадетскую субмодель; в III Думе — октябристскую, в IV Думе — кадетскую и прогрессистскую). Таким образом действовала своеобразная «цепочка», позволявшая либералам поддерживать, хотя бы на минимальном уровне, их программ-

ные требования. Важно также иметь в виду, что несмотря на различные теоретические подходы к проблемам общественного переустройства, а также различную степень их отраженности в программах различных либеральных партий, основное содержание либеральной модели, включая и субмодели, было одновекторным, отражавшим основную тенденцию общемирового общественного прогресса. Это позволяло либералам, хотя и не без труда, находить общий язык и так или иначе согласовывать свои позиции.

В-четвертых, либеральная модель общественного переустройства была направлена на формирование гражданского общества, на создание правового государства, на всестороннее обеспечение прав личности, на создание рациональной и эффективной рыночной экономики, на цивилизованное решение национальных и конфессиональных проблем. Фактически речь шла о создании подлинно Великой России. Несущие идеи о создании сильного правового государства в границах единой и неделимой российской империи, укрепления величия России в мировом сообществе, патриотизма объединяли все направления и течения в русском либерализме. К 1917 году в русском либерализме как на общетеоретическом, так и на политическом уровнях приоритетные позиции были закреплены за партией кадетов, обладавшими крупными интеллектуальными силами, а также разнообразным опытом взаимодействия с леворадикальной социалистической оппозицией авторитарному режиму. В своем окончательно откорректированном виде кадетская модель являлась для своего времени образцом демократического переустройства России. Однако кадетам, получившим власть в экстремальной политической ситуации, эту модель так и не удалось реализовать.

В-пятых, выясняя причины поражения русского либерализма следует учитывать целый комплекс обстоятельств. В отличие от западноевропейского либерализма, имевшего опору в средних слоях города и деревни, русский либерализм не имел ни такой широкой социальной опоры, ни, следовательно, электората. Будучи

интеллектуальным и интеллигентским, русский либерализм лишь мечтал о том, что ему в обозримом будущем (на марше реализации своей программы) удастся создать адекватную социальную базу. Конструируя свою теоретическую модель, либералы-интеллектуалы питали надежду, что им рано или поздно при содействии государства удастся создать широкий социальный базис для утверждения в России правового государства, гражданского общества, рыночной экономики. Будучи интеллигентами, либералы-интеллектуалы несли в себе все «родимые пятна», свойственные русской интеллигенции в широком смысле слова. Это и склонность к абстрактному теоретизированию, к сохранению как в теории, так и в программатике эсхатологических мечтаний о «земном рае», о социальной справедливости, о миссианской роли России и т.д. Попытки некоторой части русских либералов-интеллигентов (например, веховцев) преодолеть традиционную ментальность русской интеллигенции в общем и целом не нашли отклика в либеральной среде. Русские либералы в целом так и остались утопистами-мечтателями, пытавшимися переустроить Россию мирным, парламентским путем.

В-шестых, трагедия русского либерализма также состоит в том, что он как бы оказался без адекватной среды его восприятия. С одной стороны, либеральная модель общественного переустройства России оказалась неприемлемой авторитарному режиму и поддерживавшим его правоконсервативным силам, видевших (кстати, не без основания) в кадетях «революционеров», пытавшихся осуществить радикальный переворот во всех сферах жизни. До своего краха авторитарный режим принимал все меры к тому, чтобы блокировать попытки либералов мирным, парламентским путем достичь своих целей. Не получив ни понимания, ни тем более поддержки со стороны существующего режима, либералы оказались в весьма сложной ситуации, ибо лишались тех государственных механизмов и рычагов, с помощью которых они надеялись реализовать свою программу. С другой стороны, после Февральской ре-

волюции попытки кадетов реализовать свою модель были блокированы диаметрально противоположными бывшему авторитарному режиму силами — леворадикальными партиями социалистического толка, усматривавшими в их «буржуа», стремившихся к той же эксплуатации трудящихся масс, но более тонким, цивилизованными методами. Не удалось либералам привлечь на свою сторону и массы. Все их попытки «переплавить» традиционное массовое сознание в новое, конституционное и правовое не увенчались успехом. Полярность социальной структуры российского общества развела «верхи» и «низы» по разные стороны политических баррикад. В этих условиях уговорить тех и других стать политическими и особенно социальными партнерами было просто невозможно. Попытки либералов встать между двумя враждебными лагерями, приоритетными для которых было насильственное решение всех проблем, окончились для них трагично. Они сами оказались «перемолотыми» между этими двумя жерновами.

В-седьмых, несмотря на свое поражение в начале XX века русский либерализм внес важный вклад в развитие общественной мысли России, в опыт политической борьбы. Русский либерализм начала XX века достиг интеллектуальных высот, стал более зрелым, аккумулировал все стадии западного либерализма, обогатил его важным политическим опытом. Русским либералам-интеллектуалам удалось создать рационалистическую мировоззренческую систему, в основу которой были положены общемировые человеческие ценности. Однако нельзя также забывать о том, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться не востребовааны или даже отторгнутыми исторической средой, если она внутренне не созрела для их восприятия. В этом смысле можно сказать, что идеи русских либералов начала XX века опередили свое время. И до тех пор, пока в России не сформируется адекватная среда восприятия, русскому либерализму будет угрожать та же участь, которая выпала на его долю в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Струве П.Б. Марксовская теория социального развития. Киев, 1905. С. 22.
2. Миллюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб., 1907. С. 168.
3. Там же. С. 165.
4. Миллюков П.Н. Вторая дума. СПб., 1908. С. 29.
5. Там же. С. 29.
6. Миллюков П.Н. Год борьбы... С. 165.
7. Полярная звезда, 1906, № 5. С. 352.
8. Речь, 1906, 2 июня.
9. Освобождение, 1905, № 74. С. 401.
10. Там же.
11. Утро России, 1909, 2 декабря; 1910, 16 мая.
12. Утро России, 1910, 23 июня.

Глава I

1. Освобождение, 1902, № 1. С. 10.
2. Там же. С. 11.
3. Там же. С. 9.
4. Основной Государственный закон Российской империи. Париж, 1905. С. 1.
5. Там же.
6. Там же. С. 51, 53.
7. Там же. С. 62.
8. Там же. С. 23.
9. Там же. С. 59.
10. Там же. С. 33-34.
11. Освобождение, 1904, № 58. С. 129.
12. Там же.
13. Белокопский И.П. Земское движение. М., 1919. С. 210-211.

14. Архив РАН. Ф. 518 (В.И.Вернадского) Д. 198. Л. 209 об.
15. Частное совещание земских деятелей 6-9 ноября 1904 года. М., 1905. С. 60.
16. Там же. С. 49.
17. Там же. С. 84, 87.
18. Будберг Р.Ю. Из воспоминаний участника земских съездов // Минувшие годы, 1908, № 1. С. 220.
19. Русские ведомости, 1905, 20 февраля.
20. Право, 1905, № 10. Стб. 716.
21. Там же. № 8. Стб. 556.
22. Освобождение, 1905, № 69/70. С. 305.
23. Там же. С. 305-306.
24. Там же. С. 307.
25. Там же. С. 330-331.
26. Белоконский И.П. Указ. соч. С.295-296.
27. Освобождение, 1905, № 76. С. 451.
28. Белоконский И.П. Указ. соч. С. 323-324.
29. Право, 1905, № 37. Стб. 3063.
30. Первая Государственная Дума. Сб. статей. СПб., 1907. Вып. 1. С. 45.
31. Струве П. Patriotica. СПб., 1911. С. 360.
32. Миллюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907. С. 77,86.
33. Съезд 12-18 октября 1905 года. СПб., 1905. С. 18.
34. Там же. С. 10-11.
35. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. СПб., 1907. С. XIII.
36. Там же.
37. Русские ведомости, 1905, 19 октября.
38. Право, 1905, № 42. Стб. 3478.
39. Полярная звезда, 1905, № 11. С. 8.
40. Съезд 12-18 октября 1905 г. М., 1905. С. 25-26.
41. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 339.
42. Русские ведомости, 1905, 23 октября.
43. Миллюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 362-327.
44. Слово, 1905, 1 ноября.
45. Программа Союза 17 октября. М., 1907. С. 3.

46. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. С. 11-12.
47. Слово, 1905, 13 ноября.
48. Союз 17 октября, его задачи и цели. М., 1906. С. 7.
49. Там же. С. 8.
50. Программа Союза 17 октября... С. 5.
51. Русские ведомости, 1905, 8 ноября.
52. Там же.
53. Право. 1905. № 45/46. Стб. 3663.
54. Право, 1905. № 44. Стб. 3619-3620.
55. Там же.
56. Милюков П.Н. Воспоминания. Т.1. С. 331-332.
57. Там же. С. 333.
58. Там же. С. 354.
59. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.
60. Постановления II съезда 5-11 января 1906 года и программа. СПб., 1906. С.1-8.
61. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 355.
62. Постановления II съезда... С. 1-8.
63. Там же.
64. Вестник партии народной свободы. 1906. № 3. Стб. 147.
65. Постановления II съезда... С. 10.
66. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 355.
67. Вестник партии народной свободы. 1906. № 3. Стб. 148.
68. Милюков П. Год борьбы. С. 288.
69. Там же. С. 290.
70. Там же.
71. Красный архив. М.-Л., 1926. Т. 4-5. С. 118.
72. Там же. С. 120.
73. Милюков П. Год борьбы... С. 287, 291.
74. Новая дума. Платформа партии народной свободы. СПб., 1906. С. 6.
75. Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 2. С. 24.
76. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 137.
77. Там же. С. 150-152.

78. Там же. С. 161-165.
79. Там же. С. 158.
80. Там же. С. 224.
81. Там же. С. 222.
82. Резолюции, принятые совещанием Союза 17 октября в заседаниях 7-го, 8-го, 9-го и 10 ноября 1913 г. в г. С.-Петербурге. СПб., 1913. С. 9.
83. Законодательные проекты и предложения... С. 244.
84. Там же. С. 244-245.
85. Голос Москвы, 1908, 3 января.
86. Законодательные проекты и предложения... С. 36.
87. Там же. С. 65.
88. Там же. С. 11.
89. Там же. С. 12.
90. Там же.
91. Известия Союза 17 октября. М., 1909. Вып. X. Сер. 1. С. 7-10.
92. Законодательные проекты и предложения... С. 26.
93. Первая Государственная дума. Вып. 1. С. 185.
94. Законодательные проекты и предложения... С. 22.
95. Там же. С. 30.
96. Там же. С. 29.
97. Кокошкин Ф.Ф. Республика. Пг., 1917. С. 4.
98. Там же. С. 5, 7-8, 15, 21.

Глава II

1. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 388-389; см. также: Т. 1. С. 280, 284.
2. ГАРФ. Ф. 579 (П.Н.Милюков). Оп. 1. Д. 3514. Л. 1 и об., 24 об. - 26.
3. Нольде Б.Э. Национальный вопрос в России. Пг., 1917. С. 3.
4. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 35 об.
5. См.: Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 4.
6. Струве П. Patriotica. СПб., 1910. С. 301.
7. Русская мысль, 1913. Кн. XI. С. 3.

8. Струве П. *Patriotica*. С. 300.
9. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть IV. СПб., 1910. Стб. 2077-2078.
10. Русская мысль, 1910. Кн. VI. С. 177.
11. Русская мысль, 1913. Кн. XI. С. 4.
12. Русская мысль, 1910. Кн. VI. С. 174.
13. Булгаков С.Н. Два града. М. 1911. Т. 1. С. 294.
14. По вехам. Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». М., 1909. С. 50.
15. Струве П. *Patriotica*. С. 299.
16. По вехам. С. 24.
17. По вехам. С. 40-41, 76-77.
18. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 1 об., 3, 17, 22, 28.
19. Там же. Л. 28.
20. Там же. Л. 22.
21. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 20.
22. Там же. Л. 31 об., 32.
23. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 37-39.
24. Освобождение, 1905, № 69-70. С. 307.
25. Подробно см.: Булат В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года. В кн.: СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1. С. 241.
26. Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.
27. О правах национальностей и децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей. 12-15 сентября 1905 г. и постановления съезда. М., 1906. С. 32-33.
28. Там же. С. 33, 34, 45-46.
29. Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. С. 14.
30. Там же. С. 7, 9.
31. О правах национальностей и децентрализации... С. 6-7, 32-33, 44.
32. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. XIV.

33. Русские ведомости, 1905, 18 сентября; Слово, 1905, 16 ноября.

34. В § 26 программы говорилось: «Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенно государственное положение, должна быть всецело восстановлена. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами Империи и Великого Княжества». (См.: Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. С. XV).

35. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 8. Л. 81-82, 87-87 об.

36. Государственная дума. Третий созыв. Сессия III. Часть IV. СПб., 1910. Стб. 2126, 2132, 2144, 2146.

37. Там же. Стб. 2207.

38. Там же. Стб. 2416-2417.

39. ГАРФ. Ф. 102. 1910. Оп. 240. Д. 27. Л. 33-34.

40. Там же. Л. 40.

41. Там же. Л. 55 об. - 56.

42. Там же. Л. 56 об.

43. ГАРФ. Ф. 102. 1910. Оп. 240. Д. 27-Б. Л. 4.

44. Там же. Д. 27. Л. 18.

45. Речь, 1913, 15 мая.

46. Московский еженедельник, 1908, № 20. С. 5.

47. Русская мысль, 1908. Кн. 1. С. 150-151.

48. Русская молва, 1913, 24 марта.

49. Речь, 1913, 15 мая.

50. Речь, 1907, 4 мая.

51. Струве П. Patriotica. С. 373.

52. Там же. С. 378.

53. Там же. С. 149-150.

54. ГАРФ. Ф. 629 (А.В.Тыркова). Оп. 1. Д. 6. Л. 36 об.

55. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.

56. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 79.

57. Московский еженедельник, 1908, № 26. С. 16.

58. Украинская жизнь, 1912, № 7-8. С. 53.

59. См.: Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. СПб., 1910. С. 88-91; Формы национального движения в современных

государствах СПб., 1910. С. 319-322; Украинская жизнь, 1912, № 4. С. 83.

60. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 и об.

61. Украинская жизнь, 1912, № 4. С. 83.

62. Украинская жизнь, 1912, № 12. С. 93.

63. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 3. Л. 99; Оп. 1. Д. 245. Л. 88 об.

64. Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 99; Оп. 1. Д. 245. Л. 89.

65. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 3. Л. 100; Оп. 1. Д. 245. Л. 89.

66. Там же. Оп. 1. Д. 245. Л. 99.

67. Там же. Л. 126.

68. ГАРФ. Ф. 523. Д. 31. Л. 100, 103 об.

69. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913-1914 гг. Сессия II. Часть 1. СПб., 1914. Стб. 908.

70. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 112-113 об.

71. ГАРФ. Ф. 523. Л. 185 об.

72. Там же. Д. 16. Л. 9.

73. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об. - 12.

74. Там же. Л. 22.

75. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

76. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 124 об.-143 об.

77. Русские ведомости, 1915, 1 января.

78. Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 25.

79. Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1927. С. 215-216.

80. Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 5.

81. Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 33.

82. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 44.

83. Там же. Л. 103 об.

84. Там же. Л. 96 об.-97.

85. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 97.

86. Там же. Л. 96-96 об.

87. Там же. Л. 98.

88. Красный архив. М., 1932. Т. 50-51. С. 45-46.

89. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 9. Л. 60 об.
90. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 9. Л. 61.
91. Там же. Л. 62.
92. РО РГБ. Ф. 225. Папка 5. Д. 18. Л. 1-1об.
93. РО РГБ. Ф. 225. Папка 5. Д. 20 а,б. Л. 5 об.
94. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 50 об.
95. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 66.
96. Там же. Л. 67, 67 об.
97. Там же. Л. 68 об.
98. Вестник партии народной свободы 1917, № 2. С. 8.

Глава III

1. Русская мысль, 1909. Кн. 1. С. 204-206.
2. Московский еженедельник, 1909, 29 июля. С. 5-6.
3. Струве П. Patriotica. СПб. 1910. С. 160.
4. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. СПб., 1912. С. 203-204.
5. Красовский М.В. К вопросу о подъеме экономических сил России. М., 1910. С. 19, 23.
6. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть III. СПб., 1910. Стб. 9.
7. Там же. Сессия II. Часть III. Стб. 665.
8. Там же. Сессия III. Часть III. Стб. 461.
9. См.: Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 418.
10. Промышленность и торговля, 1909, № 19. С. 331.
11. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть III. СПб., 1913. Стб. 236.
12. См.: Дякин В.С. Из истории экономической политики царизма в 1907-1914 гг. // Исторические записки. М., 1983. Т. 109. С. 25-58.
13. Право, 1909, № 35. Стб. 1881.
14. Речь, 1908, 2 мая.
15. Известия Союза 17 октября. Седьмой выпуск. Первая серия. М., 1908. С. 208.
16. Каменский П.В. Значение торгово-промышленных трестов на западе и у нас. М., 1909. С. 8.

17. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть III. Стб. 652-653.
18. Там же. Стб. 681.
19. Каменский П.В. Указ. соч. С. 66.
20. Там же. С. 71-72.
21. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть III. Стб. 367.
22. Там же. Стб. 667.
23. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономики. СПб., 1911. С. 299.
24. Слово, 1908, 22 апреля.
25. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1916. С. 345.
26. Анцыферов А.Н. Очерки по кооперации. М., 1915. С. 30-31.
27. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. С. 96, 104.
28. Земское дело, 1913. № 8. Стб. 691-692.
29. Красовский М.В. Указ. соч. С. 24, 26.
30. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть III. Стб. 12.
31. Слово, 1909, 9 января.
32. Русская мысль, 1909. Кн. 1. С. 204-206.
33. Русская молва, 1912, 5 декабря.
34. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март-октябрь 1917 г. Ч. 1. М., 1957. С. 220-227.

Глава IV

1. Туган-Барановский М.И. Национализация земли. СПб., 1906. С. 65.
2. Аграрный вопрос. М., 1907. Т. 2. С. 19.
3. Аграрный вопрос. М., 1906. Т. 1. С. XXIV-XXV.
4. Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 66.
5. Милюков П. Год борьбы. СПб., 1907. С. 337.
6. Известия Союза 17 октября. Вып. III. Сер. 1. М., 1908. С. 94-96.
7. Голос Москвы, 1907, 25 октября.

8. Львов В.Н. Программные речи и статьи. М., 1907. С. 23.
9. Программа Союза 17 октября. М., 1907. С. 7-11.
10. Речь, 1906, 8 марта.
11. Полярная звезда, 1906, № 10. С. 697.
12. Чупров А.И. К вопросу об аграрной реформе. М., 1906. С. 27.
13. Там же. С. 23-30.
14. Государственная дума. Созыв второй. Сессия вторая. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 2. Стб. 1200.
15. Речь, 1906, 14 марта.
16. Протоколы заседаний аграрной комиссии 11-13 февраля 1907 г. СПб., 1907. С. 454-455.
17. Речь, 1906, 14 марта.
18. Там же.
19. Областное совещание по аграрному вопросу 24-27 ноября 1906 г. СПб., 1907. С. 67-68.
20. Государственная дума. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. Стб. 575.
21. Речь, 1906, 2 марта.
22. Конституционно-демократическая партия. Съезд 3-й. Петербург 1906. Постановления III съезда 21-25 апреля и устав партии. СПб., 1906. С. 7.
23. Протоколы III общеимперского делегатского съезда партии народной свободы. СПб., 1906. С. 128.
24. Государственная дума. Сессия вторая. Т. 1. Стб. 731-732.
25. Протоколы заседаний аграрной комиссии 11-12 февраля 1907 г. С. 447.
26. Постановления III съезда... С. 7.
27. Государственная дума. Сессия вторая. Т. 1. С. 737.
28. Русская мысль, 1911. Кн. X. С. 138.
29. Московский еженедельник, 1908, № 2. С. 4.
30. Слово, 1908, 29 октября.
31. Слово, 1908, 7 ноября.
32. Вестник Европы, 1913. Кн. X. С. 422-423.
33. Московский еженедельник, 1908, № 32. С. 6.
34. Там же.

35. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть I. СПб., 1909. Стб. 270.

36. Русская мысль, 1908. Кн. I. С. 159.

37. Там же. С. 173.

38. Русские ведомости, 1908, 7 ноября.

39. Milykow P.N. Constitutional Government for Russia. N.Y., 1908. P. 23.

40. Вестник партии народной свободы, 1907, № 47. Стб. 2118-2021; № 49. Стб. 2129-2130.

41. Четвертая Государственная дума. Фракция народной свободы в период с 15 октября 1913 г. по 14 июля 1914 г. СПб., 1914. Часть III. С. 2, 5, 8, 10-12.

42. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 349.

43. Вестник партии народной свободы, 1906, № 13. Стб. 846.

44. Русские ведомости, 1906, 9 февраля, 11 марта.

45. Народное дело, 1906, 9 марта.

46. Законодательные проекты и предложения... С. 352-354.

47. Герценштейн М.Я. Государственное страхование рабочих в Германии. М., 1905. С. 10.

48. Законодательные проекты и предложения... С. 327-338.

49. Вестник партии народной свободы, 1917, № 2. С. 6-10.

Глава V

1. ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 30. Л. 2.

2. Русская мысль, 1908. Кн. I. С. 143-155.

3. ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 30. Л. 3 и об.

4. Там же. Л. 2 об.

5. Московский еженедельник, 1908, № 39. С. 7.

6. Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть I. СПб., 1908. Стб. 2675-2676.

7. ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 30. Л. 2 об.

8. Там же. Д. 7. Л. 29 и об.

9. Там же. Д. 30. Л. 2 об. - 3.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 7-11.
12. Великая Россия. М., 1911. Кн. 2. С. 144-154.
13. Русская мысль, 1911. Кн. XII. С. 112-113.
14. Великая Россия. Кн. 2. С. 5.
15. Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 20.
16. См.: Общество Мира в Москве. М., 1911. Вып. 1. С. 9-10, 32, 45, 53.
17. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть II. СПб., 1908. Стб. 105.
18. Слово, 1908, 20 марта.
19. Великая Россия. Кн. 1. С. 19.
20. Там же. С. 209, 215-216.
21. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть II. Стб. 122-123.
22. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 29. Л. 110..
23. Речь, 1910, 1 января.
24. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть II. СПб., 1910. Стб. 2775-2785; Третья Государственная дума. Сессия I. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 - 15 мая 1911 г. Отчеты и речи депутатов. Ч. II. СПб., 1911. С. 15-16.
25. Голос Москвы, 1911, 23 октября, 11 ноября; 1913, 13 июля; Утро России, 1913, 14 августа.
26. Голос Москвы, 1911, 22 октября; 1912, 9 марта.
27. Голос Москвы, 1911, 22 октября.
28. Голос Москвы, 1911, 9 августа.
29. Голос Москвы, 1913, 6 февраля.
30. Утро России, 1913, 13 апреля.
31. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Часть II. СПб., 1911. Стб. 3325.
32. Третья Государственная дума. Сессия IV. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. - 15 мая 1911 г. С. 15.
33. Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912. С. 17.

34. Великая Россия. Кн. 1. С. 99; Голос Москвы, 1910, 10 января, 11 февраля.
35. Голос Москвы, 1910, 26 сентября.
36. Голос Москвы, 1911, 11 декабря.
37. Московский еженедельник, 1909, № 3. С. 30.
38. Русская мысль, 1912. Кн. 1. С. 20.
39. Там же.
40. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть II. СПб., 1908. Стб. 2701.
41. Речь, 1911, 4 декабря.
42. Речь, 1911, 15 декабря.
43. Голос Москвы, 1911, 12 мая.
44. Утро России, 1911, 12 мая.
45. Речь, 1911, 4 июня.
46. Голос Москвы, 1911, 29 октября.
47. Голос Москвы, 1911, 24 ноября.
48. Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912. С. 14.
49. Утро России, 1911, 27, 28 июля, 2, 12, 14 сентября, 5, 6 ноября.
50. Утро России, 1912, 27 июля.
51. Русские ведомости, 1912, 4 октября.
52. Речь, 1912, 29, 30 августа, 5, 12, 13, 19 сентября.
53. Голос Москвы, 1912, 24 октября.
54. Голос Москвы, 1912, 26 октября.
55. Русская молва, 1912, 13 декабря.
56. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 223-231.
57. Там же. Д. 245. Л. 50-51 об.
58. Общество Мира в Москве. Вып. III. С. 5-6.
59. Русская мысль, 1912. Кн. XII. С. 156-160.
60. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Часть 1. СПб., 1913. Стб. 328.
61. Там же. Стб. 370.
62. Там же. Стб. 631.
63. Речь, 1912, 15 ноября.
64. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Часть 1. Стб. 608-614.
65. Голос Москвы, 1913, 21 июля.

66. Речь, 1912, 6 декабря.
67. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 107-111 об.
68. Там же. Л. 169-174 об.
69. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть IV. СПб., 1914. Стб. 350, 378, 505.
70. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 194. Л. 15.
71. Речь, 1914, 27 июля.
72. Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 267.
73. Утро России, 1914, 17 августа.
74. Утро России, 1914, 5 ноября, 10 декабря.
75. Утро России, 1915, 6 июня.
76. Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 50-62.
77. Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 8.
78. Проблемы Великой России. М., 1916. № 1. С. 8.
79. Русская мысль, 1915. Кн. V. С. 2.
80. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 53.
81. Русская мысль, 1914. Кн. XII. С. 89.
82. Русская мысль, 1914. Кн. VIII-IX. С. 161.
83. Речь, 1914, 2 декабря.
84. Бердяев Н. Душа России. М., 1915. С. 24.
85. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Пг., 1915. С. 54.

Глава VI

1. Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 382.
2. Право, 1905, № 36. Стб. 2945.
3. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб., 1907. С. 77, 86.
4. Милюков П. Год борьбы. СПб., 1906. С. 497-498.
5. Милюков П. Три попытки (К истории русского лжеконституционализма). Париж, 1921. С. 63.
6. Речь, 1907, 22 сентября.
7. Речь, 1909, 21 июня.
8. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть II. СПб., 1910. Стб. 1970-1974.

Либеральная модель переустройства России

9. Отчет ЦК Союза 17 октября о его деятельности с октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1913. С. 163-180.
10. Русская мысль, 1914. Кн. 1. С. 149-158.
11. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть IV. СПб., 1914. Стб. 505.
12. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 206.
13. Красный архив. М., 1933. Т. 1. С. 90.
14. Там же.
15. Красный архив. М., 1932. Т. 3. С. 89.
16. РО РГБ. Ф. 225. Папка 5. Д. 15. Л. 1-6.
17. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 5. Л. 58, 69 об.
18. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1916. Стб. 46.
19. Там же. Стб. 1178-1179.
20. Там же. Стб. 1343-1344.
21. Там же. Стб. 1714.
22. Падение царского режима. М.-Л., 1926. Т. VI. С. 351-352.
23. Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 11.
24. Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая.	
Формирование гражданского общества и правового государства	14
Глава вторая.	
Постановка и варианты решения национального вопроса	71
Глава третья.	
Рациональная рыночная экономика	114
Глава четвертая.	
Социальная политика	135
Глава пятая.	
Национальные интересы России	169
Глава шестая.	
Пути реализации либеральной модели	223
Заключение	259
Примечания	264

Валентин Валентинович ШЕЛОХАЕВ

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ**

Художественное оформление *А.Сорокин*

Компьютерная верстка *Н.Мерзляков*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 14.11.1996.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 15,12. Тираж 500 экз.

Заказ № 733

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13

Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН

121099, Москва, Шубинский пер., 6